

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2026. № 1 (34)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одномоментно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикаций SciUp

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ SIBERIAN PHILOLOGICAL FORUM

Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev 2026. № 1 (34)

Редакционная коллегия (editorial board)

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Ya., DSc (Philology), Professor, University of Zagreb (Croatia)

Гиздатов Газинур Габдуллавич, доктор филологических наук, профессор, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана (Алматы, Республика Казахстан)
Gizdatov G.G., DSc (Philology), Professor, Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Демидов Д.Г., доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Demidov D.G., DSc (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Доценко Е.Г., доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург)
Dotsenko E.G., DSc (Philology), Professor, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет (Красноярск)
Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Козлов А.Е., доктор филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет; научный сотрудник СО РАН (Новосибирск)
Kozlov A.E., DSc (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); Researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia)

Ларина М.В., кандидат филологических наук, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)
Larina M.V., PhD (Philology), Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russia)

Нурғали Кадиша Рустембекқызы, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali K.R., DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Пикколо Лаура, профессор, Университет Рома Тре (Италия)
Piccolo L., Professor, Roma Tre University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., DSc (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Сейбель Н.Э., доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск)
Seibel N.E., DSc (Philology), Professor, South Ural State University of Humanities and Education (Chelyabinsk, Russia)

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD (Philology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., DSc (Philology), Professor, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Черняк М.А., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Chernyak M.A., DSc (Philology), Professor, Department of Russian Literature, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

Чугунова А.Н., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
Chugunokova A.N., DSc (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies and Sayano-Altai Turkology, N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia)

Шалимова Н.С., доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
Shalimova N.S., DSc (Philology), Associate Professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., DSc (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные проблемы языкознания

Д.Г. Демидов

О СЛОВАХ ВАСИЛЬЕВА (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ВАСИЛЬЕВА)

D.G. Demidov

ABOUT VASILIEV'S WORDS

(IN MEMORY OF PROFESSOR ALEKSANDR D. VASILIEV)

[4]

И.В. Архипова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
КАТЕГОРИЙ ТАКСИСА И КВАНТИТАТИВНОСТИ:
МОДЕЛЬ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО КРОССИНГА

I.V. Arkhipova

INTERACTION OF FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORIES
OF TAXIS AND QUANTITATIVENESS:

AN INTERCATEGORIAL CROSSING MODEL

[14]

А.А. Курделяс

ЭВФЕМИЗМЫ-ТЕРМИНОИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ СМИ

АА. Kurdelias

ECONOMIC EUPHEMISMS-TERMINOIDS
IN MODERN RUSSIAN NEWSPAPER MEDIA

[30]

Е.В. Тишина, А.А. Безрукова, Л.М. Гареева

НАЗВАНИЯ МЕЛЬНИКА В РУССКИХ ГОВОРАХ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

E.V. Tishina, A.A. Bezrukova, L.M. Gareeva

NAMES FOR THE WORD 'MILLER' IN RUSSIAN DIALECTS:
LINGUOCULTURAL ASPECT

[40]

Ассоциативные исследования

Е.А. Бирюлина

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ 仁/
ГУМАННОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА БАЗЕ СВОБОДНОГО
АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

E.A. Biryulina

ASSOCIATIVE-VERBAL FIELD OF 仁/ HUMANENESS
IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF CHINESE STUDENTS
(BASED ON A FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

[51]

С.П. Васильева, Мен Юань

ДИНАМИКА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ»
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ Г.А. ЧЕРКАСОВОЙ)

S.P. Vasilyeva, Meng Yuan

DYNAMICS OF THE FAMILY ASSOCIATIVE FIELD
IN MID-TO-LATE 20TH CENTURY
(BASED ON THE RUSSIAN COMPARATIVE ASSOCIATIVE
DICTIONARY BY G.A. CHERKASOVA)

[70]

К 50-летию издания сборника «Осетинские пословицы и поговорки»

И.А. Кодзати

«ИРОН ÆМБИСÆНДТÆ» (1976) –
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

I.A. Kodzati

IRON ÆMBISÆNDTÆ (1976) –
ENCYCLOPEDIA OF THE OSSETIAN PEOPLE'S LIFE

[84]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Современное литературоведение: имена, направления, проблематика

Е.Е. Анисимова, Е.Ю. Терехова

УРОКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА
В ЯСНОПОЛЯНСКОЙ ШКОЛЕ Л.Н. ТОЛСТОГО:
ЗАЧЕМ ДЕТЯМ ПИСАТЬ РАССКАЗЫ?

E.E. Anisimova, E.Yu. Terekhova

LESSONS OF LITERARY CREATIVITY
IN LEO TOLSTOY'S YASNAYA POLYANA SCHOOL:
WHY SHOULD CHILDREN WRITE STORIES?

[96]

А.Ю. Большакова

СНОВИДЧЕСКИЙ АСПЕКТ
В ОНЕЙРОПОЭТИКЕ В.И. БЕЛОВА

A.Yu. Bolshakova

DREAM ASPECT IN V.I. BELOV'S ONEIROPOETICS

[109]

Т.А. Загидулина

ОБРАЗ АВИАТОРА В РОМАНЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО
«БЛИСТАЮЩИЕ ОБЛАКА»

T.A. Zagidulina

THE IMAGE OF AN AVIATOR
IN SHINING CLOUDS BY K.G. PAUSTOVSKY

[121]

О.Н. Турышева

МОТИВ СОВМЕСТНОГО ЧТЕНИЯ
В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

O.N. Turysheva

THE MOTIF OF SHARED READING
IN NARRATIVE LITERATURE

[137]

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

А.А. Сокк

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРОЗА
В ДИСКУРСЕ МЕТАМОДЕРНИЗМА:
НАПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ

A.A. Sokk

RUSSIAN PROSE IN THE DISCOURSE OF METAMODERNISM:
TRENDS AND AUTHORS

[150]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[163]

УДК: 811.161.1

О СЛОВАХ ВАСИЛЬЕВА**(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ВАСИЛЬЕВА)**

Д.Г. Демидов (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Научное творчество покойного профессора А.Д. Васильева лежало в области «язык и общество». Слова как инструменты управления народом противостоят тем же словам, усвояемым народом. Язык находится между властью и народом, он дает свой исторический ответ, например, в виде советизмов, словаря перестройки, словаря коронавирусной эпохи.

Цель статьи – показать на очень небольшом фрагменте научного наследия А.Д. Васильева актуальность и практическую важность проблем, поднимаемых им; выявить с помощью его трудов примеры слов и выражений, значимость которых в современном российском обществе особенно высока; оценить необходимость дальнейшего исследования в этом направлении и расширения их состава.

Материал статьи состоит из очень небольшого количества слов и выражений из обилия тех, о которых писал Александр Дмитриевич.

Методы исследования: критический, исторический, контекстный, прагматической и социально-политической оценки внутриязыковой лексической семантики.

Обзор научной литературы по проблеме учитывает только некоторые труды А.Д. Васильева, для их систематического и полноценного обзора требуется большое самостоятельное, может быть, монографическое исследование.

Результаты исследования. А.Д. Васильев рассматривал разнородные по тематике слова, однако их объединяет особый прагматический эффект в отношении власти и народа. Такие слова целесообразно назвать «словами Васильева». Некоторые новейшие англицизмы вполне заменимы на исконно-русские синонимы.

Выводы. Подтверждается нецелесообразность употребления заимствованного слова *идентичность* с расплывчатым значением в документах государственной важности. Установлено его отличие от собственно русского производного: *идентичный* > *идентичность*.

Ключевые слова: А.Д. Васильев, власть и народ, языковая личность, иноязычное заимствование, словообразовательная пара, омоним, идентичность.

Постановка проблемы. Александр Дмитриевич Васильев – наш взыскательный современник, вложивший много сил и энергии, прекрасных плодотворных трудов в разработку вечно злободневной темы «Язык и общество». Кончина этого замечательного ученого заставляет наше научное сообщество внимательнее прислушаться к отзвукам его тревожного колокола. Этот колокол бил сильно, ясно, звучно. И внезапно престал. Но «устная... беседа близ токмо слышится: а яже писанию предаются, та и в концы вселенныя происходят. Устно реченное слово скоро от памяти человеческия отъемлетя: написанное же

незабвенно пребывает» (святит. Димитрий Ростовский «Розыск о раскольнической брынской вере»). Труды А.Д. Васильева надолго останутся живительной силой, побуждающей все новые и новые поколения исследователей к дальнейшему научному филологическому, непременно критическому, творчеству.

В книгах и статьях А.Д. Васильева не рассматриваются ни дискурсы, ни нарративы. В них вообще не рассматривается язык как инструмент в руках тех, кто желает установить те или иные взгляды и ценности в обществе. Предметом научного интереса покойного профессора были слова русского языка, взятые не как инструмент, средство, а как исследовательский объект. Слово в тексте изучается им не с точки зрения создателей текста, «целевой аудитории» и т.п., а с точки зрения говорящего народа-языка, который выступает высшим и окончательным судьей: одни слова слышит и предает забвению, другие слова усваивает, творчески переиначивает, переосмысляет, развивает их полисемию, придает им свои, уже неподотчетные создателям исходных текстов направления употребления и стилистические ценности, третьи слова принимает и в той или иной мере активизирует, расширяя их семантико-стилистические возможности в том направлении, которое было придано им изначально властями, СМИ, авторами.

В трудах А.Д. Васильева непременно выступает проблема напряжения между словом, идущим от власти или ведущих СМИ, и простым человеком – носителем языка, воспринимающим это слово, оставляющим его без внимания или подхватывающим в своем узусе, который испытывает мощное давление со стороны цифровой среды.

Приведем более простой, расширительный и наглядный пример, связанный с интернетом – еще одним, кроме СМИ и власти, источником текстов, ниспосылаемых языковой личности, обычному человеку, который в данном случае превращается в *пользователя* – «юзера». Когда мы читаем слова «Сервер временно недоступен», то вдруг понимаем, что *сервер* – это не то, что *служит* нам, сообразно иностранной внутренней форме, а то, чему слепо, безотчетно и наивно доверяем мы. Когда *сервер недоступен*, диалог «человек – машина» прерывается и машина жестоко мстит человеку, как в фантастических фильмах ужасов. Маски сбрасываются, и оказывается, что не машина служит человеку, а человек – машине.

Речь идет не просто об употреблении слов в обществе, а о когнитивной безопасности личности. Слова языковой личности, порождаемые активной индивидуальной речью, основанной на памяти родного языка, доверяются серверам и облакам вместо личных архивов, к которым без труда можно обратиться, когда угодно. Языковая и культурная личность попадает в полную зависимость от нового мощного цифрового посредника. Часть своей памяти современный человек готов доверить удаленным «серверам», которые призваны служить ему, но в любой момент может случиться, что человек вдруг открывает, что это он служит им. Возникает давно и хорошо известная зависимость от посредника – бюрократического государственного, административного института, частной фирмы,

банка, юридической «службы». Собственно говоря, даже самая письменность, полученная нами от свв. Кирилла и Мефодия, играет посредническую роль между говорящим, ставшим пишущим, и слушающим, ставшим читающим. Все приведенные в пример посреднические институты, включая интернет, суть великое благо, но они же представляют собой обоюдоострое оружие, которое в недобросовестных руках может нанести великий вред.

А.Д. Васильев изучает отношения не машины и человека, а людей друг с другом по поводу их общего языка – русского. Эти отношения более сложны и подвижны. Человеческое общество социально дифференцировано, и это его очень развивает (см. труды К.Н. Леонтьева), дает основание плодотворному общению, в котором крепнет и культурно расцветает язык. Меньшая и, надеемся, лучшая часть общества сосредоточивается во власти и в том его ответственном слое, которое принято называть *национальной элитой*. При слабой власти элита (или даже какая-то часть ее, как правило, наиболее беспринципная и агрессивная) может преследовать свои интересы, подмять под себя власть и пытаться поставить себе в услужение язык-народ. При сильной власти элита формируется такой властью сознательно в качестве верного помощника в управлении народом, в прислушивании к нему, полезного посредника в диалоге «власть – народ». Слова языка в условиях этого диалога и составляют главную проблему, изучаемую А.Д. Васильевым.

Обзор литературы, результаты и обсуждение. Многочисленные слова, изучаемые А.Д. Васильевым, очень разнородны по своему происхождению, предыстории, функциям, семантике, но всех их объединяет острая актуальность в проблеме отношения языка и общества. Их нельзя назвать социально-политической лексикой, или словами общественной сферы, потому что основным признаком, по которому они выделяются, является не тематическая область, а особый прагматический эффект, связанный с воздействием власти и СМИ на народ. Истоки этого внешнего эффекта лежат в самом языке, а именно в треугольнике «система – норма – узус», понимаемом в историко-генетическом измерении. Может быть, в будущем и найдется какой-нибудь подходящий термин, обозначающий этот обширный и чрезвычайно актуальный слой русской лексики, но сейчас пока мы можем назвать этот слой лексики «словами Васильева».

Может быть, некоторые обобщения, связанные с функционированием слов Васильева в обществе, на первый взгляд покажутся грубыми и непроработанными, но общее направление задано им для дальнейшего анализа точно и прекрасно обосновано. В задачу ученого высшей квалификации входит прежде всего обрисовать направление и подсказать методы – ученики и последователи внесут критические поправки, дополнят, уточнят, систематизируют и придадут описанию слов Васильева вид стройного учения. Это учение не будет «социолингвистическим». Оно остается в русле фундаментальных проблем русского языкознания, изучения русской речевой деятельности на уровне лексики и фразеологии. Тезис о языке как общественном явлении обретет свое предметное воплощение.

Из особых общественно значимых функций слов А.Д. Васильев выделил вербальную магию [Васильев, 2019, с. 7 и др.], манипулятивную эвфемизацию [Васильев, 2013, с. 543–575], маскировочную [Васильев, 2020, т. 1, с. 25] и др. К примеру, маскировочная функция характерна для англоязычных слов, «прикрывающих» негативную коннотацию обозначаемого понятия, что особенно ясно видно при сопоставлении таких слов с их исконно-русскими по происхождению синонимами: *убийца (наемный) – киллер, вымогатель – рэкетир, захватчик (чужой собственности) – рейдер*. Церковнославянское оформление слова *у-бий-ц-а* только усиливает резко отрицательную коннотацию: славянская словообразовательная модель действует уже при образовании глагола *у-бити*, само слово оформляется славянизированным суффиксом имени лица *-ьц-* с третьей палатализацией, проявляет «напряженный» редуцированный в корне (ср. форму повел. накл. *убей!*), наконец, использует внешнюю морфологическую модель имени лица м. рода на **-ja*, ср. *кровопийца, предтеча, судия, вельможа, древоделя*. Подробно разбираются синонимы с таким же распределением оценочных функций *изменник (предатель) – коллаборационист* [Васильев, 2023], *русский – российский* [Васильев] и мн. др. Сюда же отнесем синонимические пары *травля – буллинг, стрельба – шутинг, наставник – тьютор* [Васильев, 2022, с. 46] и др. Нам представляется, что менее болезненным является сосуществование старого и нового заимствований: *хулиган – трэш-стимер, тренер – коуч* [Там же]. Какие-то уголки русской ментальности, не нашедшие своих обозначений, однажды прибегнув к иноязычному заимствованию, впоследствии идут по тому же пути «чужого/чуждого» вместо «своего»¹.

Показательным примером являются новые терминологические сочетания типа *общероссийская гражданская, культурная идентичность* [Васильев, 2025, № 3, с. 9; 2025, № 4, с. 7].

В русской словообразовательной системе определяемое слово не встраивается безоговорочно в пару *идентичный > идентичность*. Основной корпус НКРЯ показывает, что во второй половине XIX в. строгое логико-научное значение сохранялось только у прилагательного. Его любили употреблять А.М. Бутлеров, Н.И. Пирогов, Н.Е. Введенский, Н.Д. Зелинский, А.Я. Данилекский (*идентичные белковые разновидности*, 1891) и др. естествоиспытатели. Первое же, согласно НКРЯ, употребление существительного показывает иную сферу употребления:

«Тогда мы осуждали бы въ писателѣ нашемъ поползновенія къ *идентичности*, точно также, какъ теперь съ сокрушеннымъ сердцемъ указывали на его колебанія въ сторону жоржъ-сандизма и дидактики»². Критик А.В. Дружинин

¹ На LIII Международной научной филологической конференции им. Л.А. Вербицкой (СПбГУ, филол. ф-т, март 2025 г.) в устной полемике на секции когнитивной лингвистики обсуждался вопрос, не представлена ли универсальная культурная оппозиция «свой»: «чужой/чуждый» в русской ментальности как «свой»: «другой». Мы считаем, что представлена. Тогда слово *тренер* следует относить к «другим» по происхождению, а слово *коуч* – к «чуждым». Такие слова обычно называют варваризмами.

² Дружинин А.В. «Повести и рассказы И. Тургенева». Спб., 1857 // Собрание сочинений А.В. Дружинина. С-Пб.: Въ типографіи Императорской Академии Наукъ, 1865. Т. 7.

хорошо знал английский язык, переводил Байрона и Шекспира. Скорее всего, существительное *идентичность* в русском языке не было собственным производным по продуктивной модели от быстро обрусевшего прилагательного, а появилось благодаря прямому освоению английского существительного *identity* в нетерминологическом значении, пригодном для широкой гуманитарной сферы. Иноязычное слово усваивается при этом не только в морфологическом отношении, но и в словообразовательном оформлении очень продуктивным формантом *-ност(ь)*.

Характерно, что в [Толковом словаре] дается только одно значение производящего прилагательного *идентичный* латинского происхождения: ‘полностью совпадающий с кем-либо, чем-либо или точно соответствующий, тождественный, равнозначный кому-либо, чему-либо’. Производным от него можно считать существительное *идентичность* лишь со значением под цифрой 1. в этом Словаре: «1. *чего (чему)*. ‘Точное совпадение, тождественность с кем-либо, чем-либо’». Под цифрой 2. определяется значение омонимичного существительного, заимствованного из английского: «2. *какая*. ‘Чувство принадлежности к каким-либо социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам; отождествление себя с той или иной группой людей’». Готовое иноязычное слово переходит в русский язык с его значением.

Другое, тесно связанное с прилагательным *идентичный*, производное от него существительное, фактический синтаксический дериват *идентичность-1*, употребляется во второй половине XIX в. все-таки намного шире. Более-менее прочное усвоение нового слова вместе с новым понятием *идентичность-2* происходило только начиная с 1910-х гг., о чем свидетельствует его робкое первое из употреблений в XX в. в виде глоссы к русскому *самоличность*:

По русскому праву паспорт служит средством удостоверения *самоличности (идентичности)* лица и права проживания его в данном месте³.

Началась конкуренция омонимов, пояснять теперь приходится и привычный логико-научный термин *идентичность-1*:

Существенным установлением правильности и точности действия прибора является полная по возможности *идентичность (одинаковость)* этих катушек: они должны быть одинакового диаметра, должны быть намотаны из одной и той же проволоки, должны обладать одинаковым числом витков, одинаковым сопротивлением и коэффициентом самоиндукции⁴.

Данные НКРЯ показывают, что до 60-х гг. XX в. существительное *идентичность-2* не находит своего распространения в русской публицистике и гуманитарной науке. Но и позже новое слово-понятие употребляется редко.

³ Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Техник, 1912.

⁴ Давыдов Б. Измерение емкости методом дифференциального трансформатора // Радио Всем, 1926. № 9. С. 14.

Так, на 52 попавших в НКРЯ примера встретилось 48 на *идентичность-1* и всего 4 на *идентичность-2*:

Разговаривая в коридоре, он с необычайной силой испытал это томительное ощущение *идентичности*⁵ (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943))

Но эта связь не означает *идентичности* или «гармонического развития». (Рой Медведев. О книге «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына. 1974)

Вы говорили об интеллигенции, о ее особой, незаменимой роли в духовной жизни общества, о ее способности «намагничивать» людей, о преемственности в культуре, обеспечивающей *идентичность* и неразрывность духовного развития. (Владимир Дудинцев. Цвет наших одежд // Литературная газета. 1988)

Но это «стирание памяти», манкуртизация не прошли для общества бесследно: сегодня оно испытывает, по словам Ю. Афанасьева, «кризис *идентичности*», не имеет пока абсолютно точного, адекватного представления о себе самом: «Мы смотримся в зеркало и не можем узнать себя...» (Наталья Иванова. Освобождение от страха // Библиотека «Огонек». 1989)

Лишь с конца перестроечных 80-х гг. XX в. в широкое употребление вошло заимствование *идентичность-2*. Назовем авторов, способствовавших его усвоению в русском говорящем сообществе: митр. Антоний (Блум), митр. Питирим (Нечаев), С.С. Аверинцев, Н.П. Бехтерева, А.С. Панарин, А.Б. Миллер, Т.Г. Стефаненко, В.Р. Легойда и мн. др. С середины 1990-х гг. это иноязычное заимствование полностью вытесняет *идентичность-1*. Таким образом разрушается уже налаженная было в русских книжных стилях прочная собственно русская словообразовательная связь *идентичный* > *идентичность-1*.

Выше мы писали о важности учета синонимических отношений для прояснения значения слова с «плавающим» значением. Такой синоним есть и у слова *идентичность-2*:

Фон Вригт говорил там: «Модернизация в России была результатом не органического роста снизу, а попыток навязать ее сверху незрелому обществу, подавляя их [почвенных форм религиозной и общественной жизни] родные возможности развития и поиски *самопонимания* или *идентичности*» (В.В. Бибихин. Закон русской истории. 1994).

Как видим, не только в русском языке имеются трудности с усвоением расплывчатого понятия идентичности. Финский философ дает толкование английскому термину, которое калькируется на русский как *самопонимание*. Как бы то ни было, приходится соглашаться с А.Д. Васильевым в том, что, несмотря на широкое распространение слова *идентичность* в современной публицистике и гуманитарной науке, а может быть, как раз из-за такого чрезмерного и безотчетного распространения, соответствующее понятие нельзя признать настолько ясным и отчетливым, чтобы употреблять слово *идентичность* в ответственных

⁵ Здесь и далее ссылки на контексты НКРЯ даются в круглых скобках.

государственных документах, подписываемых высшим должностным лицом нашего государства – Президентом.

Выводы. «Написанное незабвенно пребывает». Автора прекрасных трудов о современной русской лексике с нами уже нет, но остаются сами труды, материалы которых нуждаются в дальнейшем исследовании в направлении, заданном А.Д. Васильевым. Он изучал слова с особой общественно значимой функцией, причем занимал наиболее объективную позицию, в которой язык не ускользает на место инструмента. Слова, изучавшиеся им, принадлежат разным тематическим сферам, поэтому их нельзя назвать, скажем, «социально-политической лексикой». Эти слова объединяются по важному общественно значимому прагматическому эффекту, связанному с когнитивной стороной русского языка, и их можно назвать «словами Васильева».

Дополнительное исследование слова *идентичность* подтверждает опасения А.Д. Васильева в целесообразности употребления его в юридически определяющих общегосударственных документах. Действительно, из-за смешения представлений, вызываемых словами *идентичность-1* и *идентичность-2* в русском языке, возникает необходимость ответа на вопрос, кто устанавливает или создает эту идентичность. В английской островной когнитивной модели это, разумеется, только тот, кто живет на острове. В русском опыте усвоения латинского прилагательного *idem > identicus* ‘тождественный’ ученый-естествоиспытатель ставит опыт и оценивает различие или тождественность, равнозначность, равноценность, равенство, подобие, схожесть его результатов. То, чему присуща идентичность, всегда выступает как объект, в том числе и в социальных технологиях. Субъектом придания той или иной идентичности выступает власть, объектом – народ. У фон Вригта есть попытка исправить такое неверное толкование отношений путем замены нового расплывчатого слова, претендующего на строгий юридический термин, *идентичность-2* с подозрительными ассоциациями на более ясное *самопонимание*. Слово *самоидентичность* подходит также лучше, чем *идентичность-2*.

Список источников

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.02.2026).

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб.: Златоуст, 2013. 660 с.
2. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. 316 с.
3. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020. Т. 1–2.

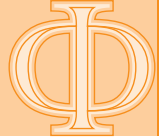
4. Васильев А.Д. Нескромное обаяние англицизмов: магнетизм темных слов // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 40–50. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-107>
5. Васильев А.Д. О вербальной коррекции картины мира // Сибирский филологический форум. 2023. № 1 (22). С. 4–13. URL: www.sibfil.ru/index.php/sibfil/article/view/294/216
6. Васильев А.Д. Вопросы культуры русской речи и аспекты российской языковой политики // Сибирский филологический форум. 2025. № 3 (32). С. 4–13. DOI: [10.24412/2587-7844-2025-3-4-13](https://doi.org/10.24412/2587-7844-2025-3-4-13)
7. Васильев А.Д. О новом документе государственной языковой политики «Об утверждении основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Сибирский филологический форум. 2025. № 4 (33). С. 6–13.
8. Васильев А.Д. Вербально-манипулятивные операции как обязательный компонент деятельности СМИ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalno-manipulyativnye-operatsii-kak-obyazatelnyy-komponent-deyatelnosti-smi-1/viewer> (дата обращения: 03.02.2026).

Список словарей

1. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации. Ч. 1. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast1_A-N.pdf (дата обращения: 04.02.2026).

Сведения об авторе

Демидов Дмитрий Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: demidoffs@rambler.ru

ABOUT VASILIEV'S WORDS

(IN MEMORY OF PROFESSOR ALEKSANDR D. VASILIEV)

D.G. Demidov (St. Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The late Professor A.D. Vasiliev's scholarly work focused on "language and society". Words as tools for governing the people confront the same words they internalize. Language stands between power and the people, offering its own historical response, for example, in the form of Sovietisms, the vocabulary of perestroika, and the vocabulary of the coronavirus era.

The purpose of the article is to demonstrate the relevance and practical importance of the problems raised by him using a very small fragment of the scientific legacy of A.D. Vasiliev; using his works, to identify examples of words and expressions significance of which is particularly high in contemporary Russian society; to assess the need for further research in this area and the expansion of their composition.

The material of the article consists of a very small number of words and expressions from the abundance of those that Dr Vasiliev wrote about.

Research methods: critical, historical, contextual, pragmatic and socio-political assessment of intra-linguistic lexical semantics.

The review of scientific literature on the problem takes into account only some of the works of A.D. Vasiliev; for their systematic and comprehensive review, a large independent study, perhaps a monographic one, is required.

Research results. A.D. Vasiliev examined words with diverse themes, yet they share a unique pragmatic effect on the relationship between power and the people. It is appropriate to call such words *Vasiliev's words*. Some recent Anglicisms are easily interchangeable with native Russian synonyms.

Conclusions. The inappropriateness of using the borrowed word 'identity' with its vague meaning in documents of national importance is confirmed. Its distinction from the native Russian derivative is established: *identichnyi* > *identichnost*.

Keywords: *A.D. Vasiliev, power and people, linguistic personality, foreign language borrowing, word-formation pair, homonym, identity.*

Sources

1. National Corpus of the Russian Language (NCRL). URL: <https://ruscorpora.ru/> (access date: 04.02.2026).

References

1. Vasil'ev, A.D. *Igry v slova: manipuliativnye operatsii v tekstakh SMI [Word Games: Manipulative Operations in Media Texts]*. Saint Petersburg, Zlatoust, 2013. 660 p.
2. Vasil'ev, A.D. *Prevrashcheniia slov. Sovremennye leksiko-semanticheskie protsessy [Transformations of Words. Modern Lexical-Semantic Processes]*. Krasnoiarsk, Krasnoiarskii gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2019. 316 p.

3. Vasil'ev, A.D. *Variativnye vyrazheniia universal'nykh oppozitsii. 1–2* [Variable Expressions of Universal Oppositions. Vols. 1–2]. Krasnoiarsk, Gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2020.
4. Vasil'ev, A.D. Neskromnoe obaianie anglicizmov: magnetizm temnykh slov [The Immodest Charm of Anglicisms: The Magnetism of Dark Words]. *In: SFF*, 2022, 1 (18), 40–50.
5. Vasil'ev, A.D. O verbal'noi korrektsii kartiny mira [On the Verbal Correction of the Worldview]. *In: SFF*, 2023, 1 (22), 4–13.
6. Vasil'ev, A.D. Voprosy kul'tury russkoi rechi i aspekty rossiiskoi iazykovoi politiki [Issues of Russian Speech Culture and Aspects of Russian Language Policy]. *In: SFF*, 2025, 3 (32), 4–13.
7. Vasil'ev, A.D. O novom dokumente gosudarstvennoi iazykovoi politiki “Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoi iazykovoi politiki Rossiiskoi Federatsii” [On the New Document of State Language Policy “On the Approval of the Fundamentals of the State Language Policy of the Russian Federation”]. *In: SFF*, 2025, 4 (33), 6–13.
8. Vasil'ev, A.D. Verbal'no-manipuliativnye operatsii kak obiazatel'nyi komponent deiatel'nosti SMI [Verbal-Manipulative Operations as an Obligatory Component of Media Activity]. KiberLeninka, 2015. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalno-manipulyativnye-operatsii-kak-obyazatelnyy-komponent-deyatelnosti-smi-1/viewer> (access date: 2026).

Dictionaries

1. Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation. Part 1. https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast1_A-N.pdf (access date: 04.02.2026).

About the author

Demidov, Dmitry G. – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Language, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
e-mail: demidoffs@rambler.ru

УДК 811.112.2`36

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ТАКСИСА И КВАНТИТАТИВНОСТИ: МОДЕЛЬ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО КРОССИНГА

И.В. Архипова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается интеграция функционально-семантических категорий таксиса и квантитативности в современном немецком языке.

Цель работы – анализ данного взаимодействия в рамках модели межкатегориального кроссинга.

Объектом исследования выступает системная взаимосвязь этих категорий, а предметом – механизмы репрезентации специфических семантических субкомплексов (квантитативно-примарно-таксисного, итеративно-примарно-таксисного, итеративно-секундарно-таксисного).

Эмпирическую базу составила направленная выборка высказываний с предложными девербативами, извлеченных из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (Leipzig Corpora).

В ходе исследования идентифицируются и подвергаются анализу указанные семантические субкомплексы. Детальный анализ языковой репрезентации данных субкомплексов осуществляется на материале реализации именной квантитативности, представленной девербативами с итеративной и мультипликативной семантикой, глагольной квантитативности, выраженной соответствующими итеративными и мультипликативными глаголами, а также системы квантификаторов, включающей адвербиальные и атрибутивные компоненты наряду с темпоральными и аспектуальными маркерами.

На материале немецкого языка эмпирически верифицирована модель межкатегориального кроссинга, описывающая интеграцию полей таксиса и квантитативности. В зоне их синкретизма выявлены три типа эмерджентных семантических субкомплексов (квантитативно-примарно-таксисный, итеративно-примарно-таксисный, итеративно-секундарно-таксисный), что подтверждает неаддитивный характер взаимодействия. Его механизм реализуется через семантическую диффузию на уровне системы, опосредованную полифункциональными единицами (с ключевой ролью предложных девербативов), и последующую контекстуальную актуализацию в речи.

Ключевые слова: *таксис, квантитативность, квантификаторы, глагольная квантитативность, именная квантитативность, квантитативно-таксисная ситуация, межкатегориальный кроссинг.*

Постановка проблемы. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности в изучении функционально-семантических категорий, в частности таксиса и квантитативности, которые анализируются в лингвистике изолированно. Несмотря на значительный

объем научных работ, посвященных таксисным отношениям в различных языках, их системное взаимодействие с категорией квантитативности остается недостаточно изученным. Существующие исследования сосредоточены преимущественно на аспектуально-таксисных связях или на анализе таксиса в рамках отдельных языковых конструкций, тогда как межкатегориальный потенциал таксиса в комплексе с количественными характеристиками действия (итеративностью, мультипликативностью) не был предметом специального рассмотрения.

Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке модели межкатегориального кроссинга, которая впервые позволяет системно описать взаимодействие таксисных и квантитативных значений в немецком языке на уровне семантических субкомплексов.

Целью работы являются моделирование механизмов интеграции функционально-семантических категорий таксиса и квантитативности в современном немецком языке и верификация предложенной модели межкатегориального кроссинга путем идентификации и анализа релевантных семантических субкомплексов (квантитативно-примарно-таксисного, итеративно-примарно-таксисного, итеративно-секундарно-таксисного).

Обзор литературы. Развитие функционально-семантической теории таксисных отношений представлено в трудах отечественных лингвистов. Т.Г. Акимова и Н.А. Козинцева исследовали аспектуально-таксисные ситуации в полипредикативных конструкциях русского языка [Акимова, Козинцева, 2017]. М.Б. Нуртазина анализировала аспектуально-таксисные категориальные ситуации в высказываниях с формами прошедшего времени [Нуртазина, 2010]. Л.Н. Оркина изучала временную соотнесенность действий в сфере независимого таксиса [Оркина, 2000]. С.М. Полянский провел функционально-семантический анализ таксисных категориальных ситуаций в немецком языке [Полянский, 1991]. Исследователи немецкого языка О.М. Снигирева, Р.З. Мурясов, Р.З. Габдракипова рассматривали причастия и девербативы как средства актуализации таксисных значений [Снигирева, 2013; Мурясов, 1987; Габдракипова, 2009]. В области английского языка Н.А. Ляшенко моделировала структуру функционально-семантического поля таксиса [Ляшенко, 2019]. Н.Л. Кудинова проанализировала когнитивно-функциональные модели таксиса в английском языке [Кудинова, 2018]. М. Нематуллоева исследовала сложносочиненные предложения как компонент микрополя независимого таксиса английского языка [Нематуллоева, 2012].

Вопросы актуализации таксиса в романских языках исследуются в работах Г.Г. Аврамова и Е.Е. Корди, а также в исследованиях Е.В. Донченко, выполненных на материале французского языка [Аврамов, 2014; Корди, 2020, 2020; Донченко, 2020]. Исследователи Р.Г. Тирадо и К.В. Урсул описали данную категорию на материале испанского языка [Тирадо, 2016; Урсул, 2015]. Особенности репрезентации таксиса в английском и итальянском языках описаны в работе А.В. Киселевой и Ж.О. Цулимовой [Киселева, Цулимова, 2019].

Сопоставительный анализ таксисных значений герундиальных и причастных конструкций в английском, итальянском, немецком и русском языках представлен в исследовании И.И. Косинец и О.В. Сычевой [Косинец, Сычева, 2016]. М.Ю. Ивонина представляет обзор исследований таксиса в романских языках [Ивонина, 2024].

Методология исследования (материалы и методы). Материалом данного исследования послужили высказывания с предложными девербативами немецкого языка, полученные методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (Leipzig Corpora) (LC)¹.

В работе были использованы метод направленной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный и описательный методы, а также метод интерпретации и обобщения языковых фактов. С помощью метода направленной выборки отобрано и проанализировано 1200 немецких высказываний с предложными девербативами.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно функциональной грамматике, квантитативность определяется как семантическая категория, репрезентирующая языковую интерпретацию когнитивной категории количества, а также как полицентрическое функционально-семантическое поле (ФСП), образуемое разноуровневыми языковыми средствами, объединенными на основе квантитативных функций [Бондарко, 1996, с. 161]. Исследования В.С. Храковского, А.В. Степановой, Л.Н. Моисеенко и др. подчеркивают полицентричность, многоаспектность и диффузность данной категории, выделяя такие значения, как единичность, множество, дискретное количество, итеративность, длительность и интенсивность [Храковский, 2017; Степанова, 2007; Моисеенко, 2005, с. 17–157].

Функционально-семантические категории (ФСК) таксиса и квантитативности находятся в отношениях тесного интегративного взаимодействия, которое проявляется в зоне синкретизма примарных таксисных значений одновременности и разновременности. В современной лингвистике квантитативность понимается как полицентрическое функционально-семантическое поле, объединяющее разноуровневые языковые средства на основе общей семантики количества [Бондарко, 1996, с. 161]. Его ядро составляет грамматическая категория числа, а периферию – лексические и лексико-грамматические квантификаторы (числительные, наречия, глаголы, специальные именные конструкции).

Модель взаимодействия: межкатегориальный кроссинг. В рамках функционально-семантического подхода межкатегориальный кроссинг концептуализируется как интегративный процесс, сущность которого заключается во взаимодействии разноуровневых языковых категорий, приводящем к генерации синкретичных семантических субкомплексов. Указанное понятие эксплицирует системное взаимовлияние функционально-семантических полей (таксиса и квантитативности), формально репрезентируемых в лингвистической традиции в качестве автономных систем.

¹ LC – Leipzig Corpora (Лейпцигский национальный корпус).

Структурную основу модели данного процесса составляет ядро взаимодействия – зона синкретизма, в которой происходит неаддитивное объединение базовых таксисных параметров (темпоральная соотнесенность и зависимость/независимость действий) и инвариантных квантитативных признаков (дискретность, мультипликативность, градуальность). Механизм интеграции реализуется посредством двух взаимосвязанных процедур: 1) семантической диффузии – имманентного процесса взаимопроникновения категориальных элементов на уровне языковой системы, осуществляемого через полифункциональные единицы, выступающие в роли интерфейсов между полями; 2) контекстуальной актуализации – дискурсивной процедуры селекции и конкретизации гибридных значений в речевой реализации, где контекст выполняет функцию триггера, активирующего латентные синкретичные смыслы. Таким образом, межкатегориальный кроссинг моделируется как динамическая система, в которой интеграция полей на системном уровне через семантическую диффузию создает потенциал для возникновения эмерджентных смыслов, актуализируемых в речи через механизм контекстуальной селекции.

Верификация модели осуществляется через анализ трех ключевых сегментов реализации. В сфере именной квантитативности исследуются девербативы с семантикой множественности, актуализирующие итеративно-таксисные ситуации. Глагольная квантитативность анализируется на материале мультипликативных глаголов, формирующих ситуации одновременности с количественной характеристикой. Интегративный сегмент охватывает систему квантификаторов, включая адвербиальные, атрибутивные и темпорально-аспектуальные маркеры, создающие комплексные таксисно-квантитативные конфигурации.

Прототипические элементы в контексте данной модели – это частотные языковые единицы, репрезентирующие квинтэссенцию межкатегориального взаимодействия. Речь идет о синтагматических комплексах, в которых таксисные маркеры (например, предложные девербативы, кодирующие временную соотнесенность) непосредственно сочетаются с различными квантификаторами, выражающими итеративность, мультипликативность и дистрибутивность. В операционализации модели эти элементы служат эмпирическим инвариантом, наглядно демонстрирующим работу механизма семантической диффузии в ядре взаимодействия ФСП таксиса и квантитативности.

Прототипическими элементами высказываний выступают комбинации таксисных показателей с разнотипными квантификаторами, что находит подтверждение в корпусных примерах, демонстрирующих синтез дистрибутивной множественности актантов с итеративными характеристиками. Таким образом, предложенная модель обеспечивает системное описание механизмов интеграции разноуровневых языковых категорий и выявление закономерностей формирования комплексных семантических структур. Ср. схему модели межкатегориального кроссинга таксиса и квантитативности (рис.).

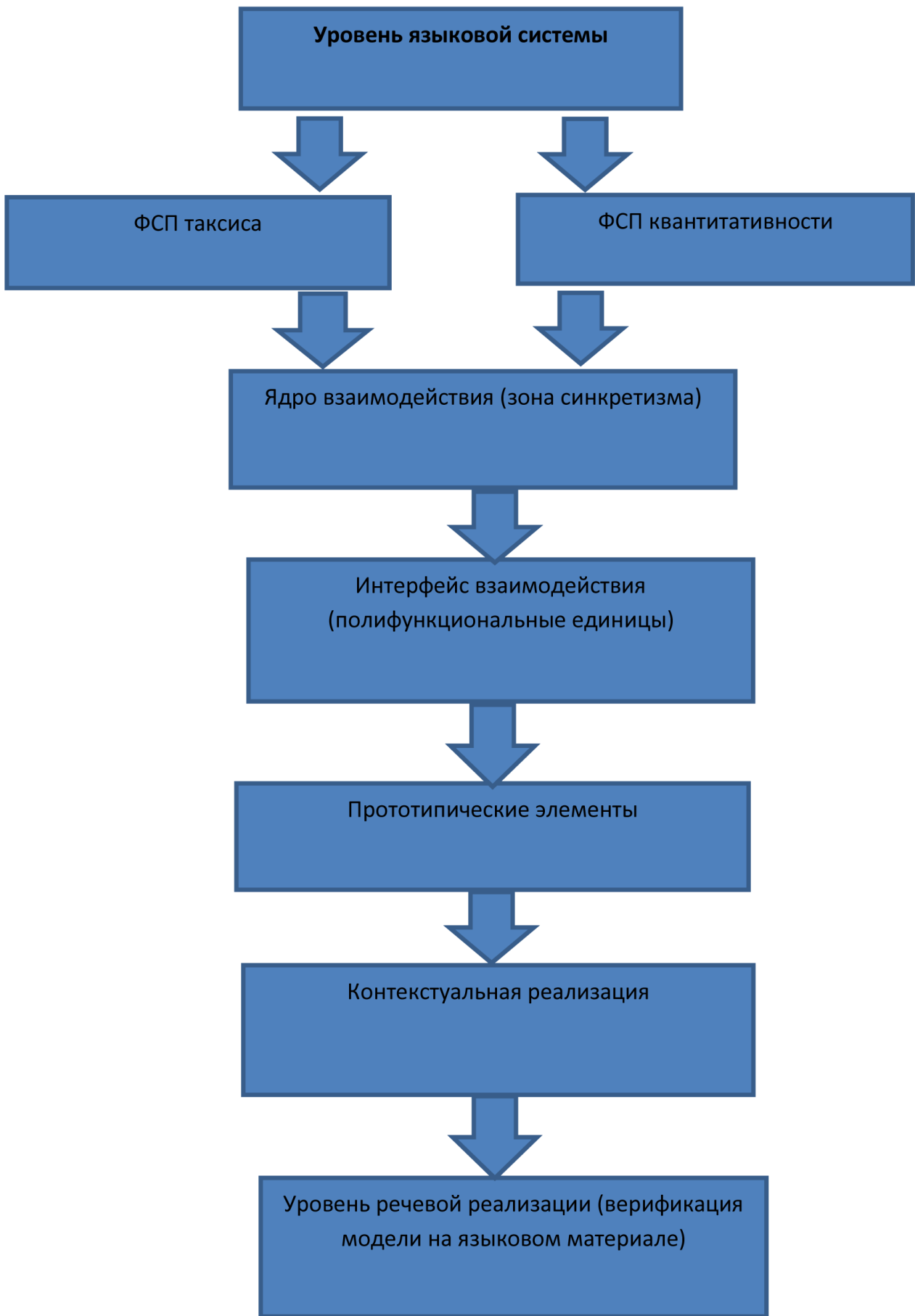
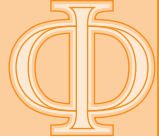

Рис. Модель межкатегориального кроссинга (таксис и количественность)

В контексте верификации предложенной модели межкатегориального кроссинга структура последующего анализа выстраивается в соответствии с принципом от ядерных к периферийным зонам взаимодействия функционально-семантических полей таксиса и квантитативности. Данный подход позволяет последовательно раскрыть механизмы семантической диффузии, начиная с наиболее репрезентативных и прототипических случаев интеграции и постепенно переходя к более сложным и опосредованным формам взаимодействия.

Последовательность представления аналитического материала выстраивается в соответствии с принципом градуальности – от анализа относительно автономных проявлений межкатегориального взаимодействия в рамках отдельных подсистем к исследованию наиболее концентрированных и синкретичных форм интеграции. Данная логика обеспечивает поэтапную верификацию модели, прослеживая механизмы семантической диффузии от периферии к ядру межкатегориального поля.

1. Анализ сферы именной квантитативности. Исследование начинается с выявления и описания девербатов с семантикой множественности, актуализирующих в высказывании итеративно-таксисные ситуации. Данный сегмент демонстрирует начальный этап семантической диффузии на лексико-грамматическом уровне, где квантитативная характеристика, закрепленная в именной единице, проецируется на таксисную организацию ситуации.

2. Исследование глагольной квантитативности. Следующим шагом является анализ мультипликативных и дистрибутивных глаголов, формирующих в своей семантике ситуации с имплицитной или эксплицитной одновременностью действий, наделенных количественной характеристикой. Этот этап раскрывает более тесное взаимодействие полей на уровне предиката.

3. Рассмотрение интегративного сегмента. Далее подвергается системному анализу класс квантификаторов различного типа – адвербиальных, атрибутивных, темпорально-аспектуальных. Их функция заключается в создании комплексных таксисно-квантитативных конфигураций, модифицирующих ядерную ситуацию, что раскрывает полный потенциал и вариативность межкатегориального взаимодействия.

4. Анализ ядерных прототипических комплексов. Завершающим и синтезирующим этапом является исследование синтагматических единств, где наблюдается максимальная, неразложимая интеграция значений. Речь идет о комплексах, где таксисный актуализатор непосредственно сочетается с квантификатором. Эти единицы репрезентируют квинтэссенцию межкатегориального кроссинга – сформировавшийся в ядре взаимодействия синкретичный семантический субкомплекс.

Таким образом, предложенная архитектоника реализует методологически выверенный переход от анализа компонентного вклада каждого поля к исследованию результата их интеграции – сложных гибридных смыслов, обеспечивая системное описание градиента межкатегориального взаимодействия от периферии к ядру.

Реализация взаимодействия в сферах именной и глагольной квантитативности. В сфере именной квантитативности ключевым средством языковой репрезентации являются девербативы с семантикой итеративности/мультипликативности, которые в форме множественного числа квантуют обозначаемые процессы. К ним относятся такие, как *das Kreischen, das Knistern, das Schluchzen, das Knirschen, die Besichtigungen, die Beobachtungen, die Begegnungen, Besuche, Angriffe, Eingriffe* и др.

(1) *Mit dem charakteristischen Knistern erhebt sich Schirm um Schirm in die heisse Nachmittagsluft (LC).*

(2) *Forscher fanden während der Beobachtungen eine verstreute Gruppe junger Sterne... (LC).*

(3) *... beim Knirschen und Pressen wird die harte Zahnschmelz (Zahnschmelz) und später auch das darunter liegende Dentin, abgetragen (LC).*

(4) *Der Jüngsten fehlte im entscheidenden Augenblicke der Mut, und, einsam zurückgeblieben, brach ihr beim Schluchzen der Nachtigallen das furchtsame Herz. (LC).*

(5) *Nach vier Begegnungen sind die Geheimnisse der Teams entschlüsselt... (LC).*

(6) *Nach den Besuchen der Präsidenten Bush und Gorbatschow bei uns hat diese deutsche Einflußnahme zumindest nicht abgenommen (DWDS).*

(7) *...sechs Jahre nach den Angriffen auf Afghanistan unter der Führung der USA liegt unser verwüstetes Land noch immer in den Ketten der fundamentalistischen Warlords (LC).*

(8) *Wir haben die Rentenautomatik nach den Eingriffen der Rezession wiederhergestellt (LC).*

В высказывании (1) актуализована итеративно-модально-таксисная категориальная ситуация одновременности. В примерах (2–8) реализованы итеративно-примарно-таксисные ситуации одновременности и следования.

В сфере глагольной квантитативности интеграция проявляется в функционировании глаголов-мультипликативов и итеративов *flattern, wippen, zucken, klopfen* и др. Например:

(9) *Sie wippen beim Gehen auf und ab (LC).*

В данном высказывании реализована мультипликативно-примарно-таксисная ситуация одновременности.

Интегративный сегмент таксисных квантификаторов. Интегративный сегмент взаимодействия включает языковые средства, объединенные общей семантикой количества. К ним относятся различные адвербиальные квантификаторы, такие как *immer, häufig, oft, mehrmals* и др. Например:

(10) *Das mache ich immer als Erstes nach dem Aufstehen (LC).*

В высказывании (10) актуализируется итеративно-примарно-таксисная ситуация следования.

Также в данный сегмент входят атрибутивные квантификаторы *jeder, mehrmalig, mehrfach* и др. Например:

(11) *...denn auch beim Schlafen gibt jeder Mensch Wasserdampf ab (LC).*

В высказывании (11) представлена дистрибутивно-примарно-таксисная ситуация одновременности.

Кроме того, выделяются темпоральные и аспектуальные квантификаторы *direkt, bereits, monatelang, kurz, einen Tag, rund drei Tage, wenige Tage* и др.

(12) **Direkt nach dem Öffnen der Hallen** strömten bereits zahlreiche *Fachbesucher...* (LC).

(13) **Nach monatelanger Verzögerung** hat die Regierung... *freigemacht* (LC).

(14) **Einen Tag nach Abreise der Ebersberger Familie** kam es zu heftigen *Regenfällen, der Fluss trat über die Ufer, das Camp wurde überflutet, die Strom- und die Wasserversorgung waren gekappt* (LC).

(15) **Kurz vor seiner Abreise in die USA** kündigte Ministerpräsident Netanjahu *an, ein Verhandlungsteam zu entsenden* (LC).

(16) **Rund drei Tage vor Abreise** gieße ich noch einmal alle Pflanzen, ein paar *Stunden vor Abfahrt stecke ich dann eine mit Wasser gefüllte Flasche in die feuchte Erde, so versorgen sie sich selber* (LC).

(17) **Wenige Tage vor Abreise** wird verkündet, dass die *Belegschaft der Fluglinie in den Streik tritt und der Transport ans Reiseziel wackelt* (LC).

В приведенных выше примерах актуализируются квантитативно-примарно-таксисные ситуации строгого следования (примеры 12–14) и строгого предшествования (примеры 15–17).

Прототипические элементы квантитативно-таксисных ситуаций. К прототипическим элементам квантитативно-таксисных ситуаций относятся: 1) темпоральные и таксисные квантификаторы (*im Januar, in den letzten Tagen, damals, direkt*); 2) аспектуальные квантификаторы с семантикой длительности и фазовости (*kurz, lang, lange, plötzlich, schließlich*); 3) аспектуальные атрибуты (*lang, wochenlang, monatelang, kurz*). Например:

(18) **Nach dem ersten Erscheinen im Januar** war der Ratgeber schnell *vergriffen* (LC).

(19) **Beim Bohren** springt **plötzlich** die Sicherung aus (LC).

(20) **Mit der Ankunft** war **schließlich** auch die kleine Tochter da (LC).

(21) **Nach langem Schweigen** hat sich Zuckerberg *geäußert* (LC).

В высказываниях (18–21) актуализируются квантитативно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования.

Дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные ситуации реализуются в высказываниях, характеризующихся дистрибутивной множественностью субъектных или объектных актантов. Ср.:

(22) **Bis zum Eintreffen der Gäste** haben die **Helferinnen die Tische** *gedeckt...* (LC).

(23) **Beim Öffnen der Balkontür** atmeten jedoch **zwei Kinder** *Rauch ein ...* (LC).

В этих случаях наблюдается синкретизм контекстуальных элементов, например сочетание итеративных атрибутов/адвербиалов и множественности актантов. Ср.:

(24) **Schon beim Betreten** sind die **meisten Besucher** *von der Helligkeit überrascht* (LC).

(25) **Beim Mittagessen** sitzen wir **wieder** *in der gleichen Runde zusammen...* (LC).

В примерах (24) и (25) репрезентируются сопряженные дистрибутивно-итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Выводы. Таким образом, взаимодействие ФСК таксиса и квантитативности представляет собой сложное явление, адекватное описание которого потребовало применения интегративного подхода. Предлагаемая модель *межкатегориального кроссинга* продуктивна как в сфере глагольной, так и именной квантитативности и реализуется через широкий репертуар языковых средств, формирующих комплексные семантические субкомплексы и категориальные ситуации.

Проведенное исследование позволяет сформулировать конкретные выводы, непосредственно вытекающие из анализа эмпирического материала. Верификация модели межкатегориального кроссинга подтверждена выявлением трех типов семантических субкомплексов: квантитативно-примарно-таксисных ситуаций, характеризующихся строгим следованием или предшествованием с количественной детерминацией; итеративно-примарно-таксисных ситуаций, актуализирующих отношения одновременности и следования с итеративной семантикой; дистрибутивно-итеративно-примарно-таксисных ситуаций, синтезирующих дистрибутивную множественность актантов с итеративными характеристиками. Механизмы интеграции конкретизированы через анализ трех ключевых сегментов. В сфере именной квантитативности установлено, что девербативы множественного числа систематически актуализируют итеративно-таксисные значения. В глагольной квантитативности мультипликативные глаголы формируют ситуации одновременности с эксплицитной количественной характеристикой. В интегративном сегменте выявлена иерархия квантификаторов: от адвербиальных к атрибутивным и темпорально-аспектуальным. Идентифицированы прототипические элементы как комбинации темпоральных и таксисных квантификаторов, аспектуальных маркеров с семантикой длительности и фазовости, а также аспектуальных атрибутов. Специфика семантической диффузии проявляется в синкретизме контекстуальных элементов, градуальности межкатегориального взаимодействия и системном характере формирования комплексных значений.

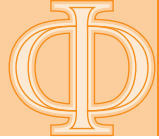
Полученные результаты демонстрируют, что предложенная модель межкатегориального кроссинга обеспечивает адекватный инструментарий для описания механизмов интеграции функционально-семантических полей таксиса и квантитативности в немецком языке. Выявленные закономерности открывают перспективы для типологических сопоставлений и дальнейшего изучения межкатегориальных взаимодействий в рамках функциональной грамматики, в частности для исследования зон периферийного взаимодействия категорий и анализа диахронических аспектов формирования таксисно-квантитативных комплексов.

Проведенный анализ позволяет наметить несколько направлений для дальнейшего изучения проблемы. Перспективными представляются уточнение и детализация модели кроссинга, что предполагает разработку типологии ее видов, а также выявление языковых маркеров каждого типа. Важным направлением является проведение сопоставительного анализа на материале разноструктурных

языков, в частности исследование реализации модели кроссинга функционально-семантических категорий таксиса и квантитативности в языках, не относящихся к германской группе, например в славянских, тюркских или изолирующих языках, что позволит дифференцировать универсальные и идиоэтнические механизмы взаимодействия. Существенный научный интерес представляет изучение роли дискурсивных и прагматических факторов, а именно анализ того, как жанр, тип текста и коммуникативная установка говорящего влияют на выбор и актуализацию конкретного квантитативно-таксисного субкомплекса. Кроме того, перспективным направлением является проведение корпусного исследования, включающего верификацию полученных данных на материале крупных текстовых корпусов как синхронного, так и диахронического характера.

Библиографический список

1. Аврамов Г.Г. Асимметрия функционирования конstituентов функционально-семантического поля таксиса в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-1 (37). С. 15–19. URL: [philology-journal.ru>article/phil20141301/pdf](http://philology-journal.ru/article/phil20141301/pdf)
2. Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, таксис. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 257–273.
3. Архипова И.В. Квантитативный таксис в аспекте межкатегориального взаимодействия // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2023. № 2 (58). С. 15–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantitativnyy-taksis-v-aspekte-mezhkatégorialnogo-vzaimodeystviya>
4. Бондарко А.В. Количественность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Т.Г. Акимова, В.П. Берков, А.В. Бондарко и др.; редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1996. 1996. С. 161–162.
5. Винокурова Л.В., Артемьев И.Т. Одновременность процессов, выраженная при помощи неспецифицированных темпоральных союзов // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-4. С. 103–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odnovremennost-protsessov-vyrazhennaya-pri-pomoschi-nespetsifitsirovannyh-temporalnyh-soyuzov>
6. Габдракипова Р.З. Производное слово как компонент функционально-семантического поля таксиса // Вестник Иркутского государственного университета. 2009. № 3. С. 93–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodnoe-slovo-kak-komponent-funktsionalno-semanticheskogo-polya-taksisa>
7. Гречаная К.Б. Итальянский герундий как средство выражения зависимого таксиса // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. № 22-2. С. 198–199. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=zlmoh>

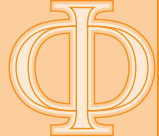

8. Донченко Е.В. Категория таксиса и анализ аспектуально-таксисных ситуаций в сложных предложениях с атрибутивным придаточным во французском языке // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 45–51. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-76-4-044-050
9. Ивонина М.Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nefinitnye-glagolnye-formy-kak-sposob-aktualizatsii-taksisa-v-romanskih-yazykah?ysclid=mizlun0xdo498297347>
10. Киселева А.В., Цулимова Ж.О. Особенности репрезентации категории таксиса в английском и итальянском языках // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. ун-та, 2019. Ч. 1. С. 163–170. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37293254>
11. Корди Е.Е. Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 2, № 16. С. 509–543. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnye-glagoly-valentnostnyy-taksis-na-materiale-frantsuzskogo-yazyka>
12. Косинец И.И., Сычева О.В. Реализация таксисных значений английских герундиальных и причастных конструкций в итальянском, немецком и русском языках // Язык и культура (Новосибирск). 2016. № 26. С. 125–134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27539973>
13. Кудинова Н.Л. Реализация таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса в русском и английском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5. С. 73–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-taksisnoy-semantiki-odnovremennosti-sredstvami-zavisimogo-taksisa-v-russkom-i-angliyskom-yazykah>
14. Ляшенко Н.А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках: монография / Н.Г. Склярова, А.В. Николаева, К.Н. Симонова, Н.А. Ляшенко, С.Е. Молчанова. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=martzm>
15. Моисеенко Л.Н. Количественные представления в сфере глагольного действия (на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 174 с.
16. Мурясов Р.З. Грамматика производного слова // Вопросы языкознания. 1987. № 5. С. 18–30.
17. Нематуллоева М. ССП как конституент ФСП независимого таксиса // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (29). С. 79–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssp-kak-konstituent-fsp-nezavisimogo-taksisa>

18. Нуртазина М.Б. Семантический потенциал таксиса при реализации идеи времени // Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая. 2010. № 4–5 (128–129). С. 127–129. URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/175>
19. Оркина Л.Н. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 389 с.
20. Полянский С.М. О категории таксиса и путях ее исследования (На материале немецкого языка) // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике: межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. пед. ин-т; редкол.: С.М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1991. С. 3–18.
21. Снигирева О.М. Таксисные значения причастных форм немецкого языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 3. С. 188–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taksisnye-znacheniya-prichastnyh-form-nemetskogo-yazyka>
22. Степанова А.В. Функционально-семантическое поле количественности в разноструктурных языках (на материале английского, русского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 198 с.
23. Тирадо Р.Г. О категории таксиса в русском и испанском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. С. 90–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kategorii-taksisa-v-russkom-i-ispanskom-yazykah>
24. Урсул К.В. Категория таксиса в структуре современного испанского языка // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 1. С. 30–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-taksisa-v-strukture-sovremennogo-ispanskogo-yazyka>
25. Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис: монография / А.В. Бондарко и др.; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. Изд.7-е. М.: ЛЕНАНД. 2017. С. 124–152.

Сведения об авторе

Архипова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет; ORCID: 0000-0002-0685-335X; e-mail: irarch@yandex.ru

INTERACTION OF FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORIES OF TAXIS AND QUANTITATIVENESS: AN INTERCATEGORIAL CROSSING MODEL

I.V. Arkhipova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article examines the integration of the functional-semantic categories of taxis and quantitateness in modern German.

The purpose of the study is to analyze this interaction within the framework of the intercategory crossing model.

The object of the study is the systemic interrelationship between these categories, and the subject matter is the mechanisms for representing specific semantic subcomplexes (quantitative-primary-taxis, iterative-primary-taxis, and iterative-secondary-taxis).

The empirical base consists of a targeted sample of utterances with prepositional deverbatives extracted from the electronic database of the Leipzig National Corpus (Leipzig Corpora).

Research results. The study identifies and analyzes these semantic subcomplexes. A detailed analysis of the linguistic representation of these subcomplexes is carried out using the material of the implementation of nominal quantitateness, represented by deverbatives with iterative and multiplicative semantics, verbal quantitateness, expressed by the corresponding iterative and multiplicative verbs, as well as a system of quantifiers, including adverbial and attributive components along with temporal and aspectual markers.

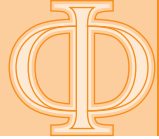
Conclusions. Using German language data, a model of intercategory crossing describing the integration of the taxis and quantitative fields was empirically verified. Three types of emergent semantic subcomplexes (quantitative-primary-taxis, iterative-primary-taxis, and iterative-secondary-taxis) were identified within the zone of their syncretism, confirming the non-additive nature of the interaction. Its mechanism is realized through semantic diffusion at the system level, mediated by polyfunctional units (with a key role for prepositional deverbatives), and subsequent contextual actualization in speech.

Keywords: *taxis, quantitateness, quantifiers, verbal quantitateness, nominal quantitateness, quantitative-taxis situation, intercategory crossing.*

References

1. Akimova, T.G., Kozintseva, N.A. Dependent taxis (based on adverbial participial constructions) [Zavisimy`j taksis (na materiale deeprichastny`h konstrukcij)] // Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, taxis. 7th ed. Moscow, LENAND, 2017, 257–273.
2. Arkhipova, I.V. Quantitative taxis in the aspect of intercategory interaction [Kvantitativny`j taksis v aspekte mezhkategorial`nogo vzaimodejstviya]. In: *Modern linguistic and methodological-didactic studies*, 2023, 2 (58), 15–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvantitativnyy-taksis-v-aspekte-mezhkategorialnogo-vzaimodeystviya>

3. Avramov, G.G. Asymmetry of functioning of constituents of the functional-semantic field of taxis in modern French [Asimetriya funkcionirovaniya konstituentov funkcional'no-semanticheskogo polya taksisa v sovremennom francuzskom yazy'ke]. In: *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. 2014, 7-1 (37), 15–19. URL: philology-journal.ru/article/phil20141301/pdf
4. Bondarko, A.V. Quantitativeness. Introductory Remarks [Kolichestvennost'. Vstupitel'ny'e zamechaniya]. In: *Theory of Functional Grammar: Qualitativeness. Quantitativeness* / T.G. Akimova, V.P. Berkov, A.V. Bondarko, et al.; Editorial Board: A.V. Bondarko (ed.), et al.; Rus. Acad. of Sciences, In-t linguist. issled. St. Petersburg Publishing Company, 1996, 161–162.
5. Donchenko, E.V. The category of taxis and the analysis of aspectual-taxis situations in complex sentences with an attributive clause in French [Kategoriya taksisa i analiz aspektual'no-taksisny'x situacij v slozhny'x predlozheniyax s atributivny'm pridatochny'm vo francuzskom yazy'ke]. In: *Humanitarian Studies*, 2020, 4 (76), 45–51. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-76-4-044-050
6. Gabdrakipova, R.Z. A derivative word as a component of the functional-semantic field of taxis [Proizvodnoe slovo kak komponent funkcional'no-semanticheskogo polya taksisa] In: *Bulletin of Irkutsk State University*, 2009, 3, 93–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodnoe-slovo-kak-komponent-funktsionalno-semanticheskogo-polya-taksisa>
7. Grechanaya, K.B. The Italian gerund as a means of expressing dependent taxis [Ital'yanskij gerundij kak sredstvo vy'razheniya zavisimogo taksisa]. In: *Annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities*. 2012, 22-2, 198–199. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=zlmoh>
8. Ivonina, M.Yu. Non-finite verb forms as a way of actualizing taxis in Romance languages [Nefinitny'e glagol'ny'e formy' kak sposob aktualizacii taksisa v romanskix yazy'kax]. In: *Eurasian Humanitarian Journal*, 2024, 2, 75–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nefinitnye-glagolnye-formy-kak-sposob-aktualizatsii-taksisa-v-romanskih-yazykah?ysclid=mizlun0xdo498297347>
9. Khrakovsky, V.S. Multiplicity [Kratnost']. In: *Theory of Functional Grammar: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis*: [monograph] / A.V. Bondarko et al.; ed. board: A.V. Bondarko (ed.) et al. 7th ed. 2017. Moscow, 2017, LENAND, 124–152.
10. Kiseleva, A.V., Tsulimova, J.O. Features of representation of the category of taxis in English and Italian [Osobnosti reprezentacii kategorii taksisa v anglijskom i ital'yanskom yazy'kax]. In: *Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalization of education: proceedings of the III International scientific and practical conference*. In 2 parts. Part 1. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University Publishing House, 2019, 163–170. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37293254>

11. Kordi, E.E. Mental verbs: valence taxis (based on the French language) [Mental'ny'e glagoly': valentnostny`j taksis (na materiale francuzskogo yazy`ka)]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute of Linguistic Research*, 2020, 2, 16, 509–543. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnye-glagoly-valentnostnyy-taksis-na-materiale-frantsuzskogo-yazyka>
12. Kosinets, I.I., Sycheva, O.V. Realization of taxis meanings of English gerundial and participial constructions in Italian, German, and Russian [Realizaciya taksisny`x znachenij anglijskix gerundial`ny`x i prichastny`x konstrukcij v ital`janskom, nemeczkom i russkom yazy`kax]. In: *Language and Culture (Novosibirsk)*, 2016, 26, 125–134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27539973>
13. Kudinova, N.L. Realization of taxis semantics of simultaneity by means of dependent taxis in Russian and English [Realizaciya taksisnoj semantiki odnovremennosti sredstvami zavisimogo taksisa v russkom i anglijskom yazy`kax]. In: *Bulletin of Cherepovets State University*, 2018, 5, 73–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-taksisnoj-semantiki-odnovremennosti-sredstvami-zavisimogo-taksisa-v-russkom-i-anglijskom-yazykah>
14. Lyashenko, N.A. Functional-semantic field of taxis in English [Funkcional`no-semanticheskoe pole taksisa v anglijskom yazy`ke]. In: *Functional-semantic fields of different types in English and Russian: monograph* / N.G. Sklyarova, A.V. Nikolaeva, K.N. Simonova, N.A. Lyashenko, S.E. Molchanova. Rostov-on-Don, Science and Education Fund, 2019, 101–129. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=martzm>
15. Moiseenko, L.N. Quantitative representations in the sphere of verb action (based on the modern German language) [Kolichestvenny`e predstavleniya v sfere glagol`nogo dejstviya (na materiale sovremennogo nemeczkogo yazy`ka)]: diss. ... k. philol. n. Omsk, 2005. 174 p.
16. Muryasov, R.Z. Grammar of a derivative word [Grammatika proizvodnogo slova]. In: *Voprosy yazykoznanija [Problems of linguistics]*, 1987, 5, 18–30.
17. Nematulloeva, M. SSP as a constituent of the functional semantic structure of an independent taxis [SSP kak konstituent FSP nezavisimogo taksisa]. In: *Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanitarian sciences*, 2012, 1 (29), 79–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssp-kak-konstituent-fsp-nezavisimogo-taksisa>
18. Nurtazina, M.B. Semantic potential of taxis in the implementation of the idea of time [Semanticheskij potencial taksisa pri realizacii idei vremeni]. In: *Bulletin of the Kazakh National University. Philological series*, 2010, 4–5 (128–129), 127–129.
19. Orkina, L.N. Aspectual-temporal characteristics of utterances with the semantics of conditionality in modern Russian [Aspektual`no-temporal`naya xarakteristika vy`skazy`vanij s semantikoj obuslovlennosti v sovremennom russkom yazy`ke]: diss. ... Doctor of philological sciences. St. Petersburg, 2000. 389 p.

20. Polyansky, S.M. On the category of taxis and the ways of its study (based on the German language) [O kategorii taksisa i putyax ee issledovaniya (Na materiale nemeczkogo yazy`ka)]. In: *Functional-semantic relations in vocabulary and grammar: Interuniversity. Collection of scientific papers / Novosibirsk state ped. in-t; editorial board: S.M. Polyansky (editor-in-chief) et al.* Novosibirsk, Publishing house “Novosibirsk State Pedagogical University”, 1991, 3–18.
21. Snigireva, O.M. Taxis meanings of participial forms in the German Language [Taksisny`e znacheniya prichastny`x form nemeczkogo yazy`ka]. In: *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*, 2013, 3, 188–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taksisnye-znacheniya-prichastnyh-form-nemetskogo-yazyka>
22. Stepanova, A.V. Functional-semantic field of quantitateness in languages with different structures (based on the English, Russian, and Chuvash languages) [Funkcional`no-semanticheskoe pole kolichestvennosti v raznostrukturny`x yazy`kax (na materiale anglijskogo, russkogo i chuvashskogo yazy`kov)]: diss. ... Cand. Sci. (Philology). Cheboksary, 2007. 198 p.
23. Tirado, R.G. On the category of taxis in Russian and Spanish [O kategorii taksisa v russkom i ispanskom yazy`kax]. In: *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2016, 1, 90–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kategorii-taksisa-v-russkom-i-ispanskom-yazykah>
24. Ursul, K.V. The Category of taxis in the structure of the modern Spanish Language [Kategoriya taksisa v strukture sovremennogo ispanskogo yazy`ka]. In: *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2015, 1, 30–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-taksisa-v-strukture-sovremennogo-ispanskogo-yazyka>
25. Vinokurova, L.V., Artemyev, I.T. Simultaneity of processes expressed by means of unspecified temporal conjunctions [Odnovremennost` processov, vy`razhennaya pri pomoshhi nespecificirovanny`x temporal`ny`x soyuzov]. In: *Bulletin of the Buryat State University*, 2014, 10-4, 103–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odnovremennost-protsessov-vyrazhennaya-pri-pomoschi-nespetsifitsirovannyh-temporalnyh-soyuzov>

About the author

Arkhipova, Irina V. – DSc (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); ORCID: 0000-0002-0685-335X; e-mail: irarch@yandex.ru

УДК 81'11

ЭВФЕМИЗМЫ-ТЕРМИНОИДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ СМИ

А.А. Курделяс (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Речь современных печатных масс-медиа характеризуется своими попытками нейтрализации смысла для маскировки семантического компонента слов для манипуляции сознанием аудитории. Эвфемизмы как языковые средства позволяют нейтрализовать истинный смысл прямых номинаций, смягчают и трансформируют определенные словесные единицы в психологически приемлемые для аудитории.

Целью настоящей статьи является исследование эвфемизмов-терминоидов экономической тематики в современных российских газетных СМИ.

Материалы и методы. В работе применяются такие методы, как лексикографический, структурно-семантический, анализ вероятных интенций. Материалом исследования послужили тексты статей газетных СМИ «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета» за 2016–2026 гг.

В *обзоре научной литературы* произведены отсылки к исследованиям, связанным с эффективностью эвфемизации речи как способа языкового манипулирования в СМИ. В исследованиях А.Д. Васильева, С.Г. Кара-Мурзы, М.Л. Ковшовой рассматривается процесс манипуляции сознанием через явление эвфемизации публичной речи за счет феномена кажущейся научности, впоследствии определяемого как эвфемизмы-терминоиды, слова-мифогены, слова-амебы.

Результаты исследования. Определены основные особенности использования экономических эвфемизмов-терминоидов в современных газетных СМИ, а также движущие интенции по функциональному признаку.

Выводы. Выявлено, что исследуемые эвфемизмы-терминоиды используются с целью снижения остроты восприятия за счет импульса к самоустранению от попыток семантизации.

Ключевые слова: эвфемизмы, СМИ, терминоиды, экономика, интенция, интерпретация, манипуляция.

Постановка проблемы. Речь современных СМИ зачастую характеризуется своими попытками нейтрализации смысла с целью вуалирования семантики слов для дальнейшей манипуляции сознанием аудитории. Одним из таких языковых средств является процесс эвфемизации, способный нейтрализовать истинный смысл прямых наименований, смягчая его и трансформируя в определенные словесные единицы, которые становятся психологически приемлемыми. Эвфемизмы как лексико-семантические единицы выступают в роли значимых компонентов экономического дискурса и, реализуя коммуникативные функции, отражают определенные интенции авторов, которые реализуются в интерпретациях. Эвфемизмы позволяют маркировать области социально-коммуникативного напряжения. Процесс эвфемизации речи необходимо рассматривать вместе с интенциональной составляющей.

Обзор научной литературы. «Слова-амебы» (С.Г. Кара-Мурза), «слова-мифогены», «терминоиды» (А.Д. Васильев) широко применяются в речи СМИ в качестве элементов дискурсивного «украшения», реализующих процесс манипулирования сознанием. Эффективность эвфемизации речи, описываемой в качестве способа языкового манипулирования в СМИ, рассматривается в работах С.Г. Кара-Мурзы¹, Н.В. Прядильниковой², Ю.С. Басковой³, А.Д. Васильева⁴. Основными сферами применения эвфемизмов являются экономическая и политическая деятельность. Эвфемистические терминоиды активно исследуются с позиции лингвистической экологии, занимающейся вопросами языковых последствий в информационно-психологических войнах. Вошедшие в русский язык слова-терминоиды можно считать подобными языковыми последствиями, которые служат наименованию информационно-психологического противоборства разного типа [Копнина и др., 2021, с. 384].

Рассмотрим семантизацию понятия «терминоид» в трудах отечественных ученых. «Терминоид – специальная лексема, используемая для называния недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих четких границ, а значит, и дефиниций. Поэтому терминоиды не имеют таких терминологических свойств, как точность значения, контекстуальная независимость и устойчивый характер, хотя и именуют понятия»⁵. По А.В. Суперанской, терминоиды – это специальные номинации, не отвечающие критериям термина и потому не обладающие в полной мере признаками культуры термина. В новых терминологиях нередко до момента выбора наиболее подходящего термина нагрузку его выполняют именно терминоиды⁶. С.Г. Кара-Мурза утверждает, что сфера применимости подобных слов-амеб исключительно широка и важным признаком подобных лексических единиц является их кажущаяся «научность». С.Д. Шелов считает, что целесообразно выделить языковые единицы терминоиды в самостоятельный класс, имеющий существенные различия с явлением «термин», и приводит в примеры такие словосочетания, как *теневой бюджет, самоорганизация крупного бизнеса*⁷.

Целью настоящей работы является исследование эвфемизмов-терминоидов экономической тематики в современных российских газетных СМИ.

¹ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

² Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 179 с.

³ Баскова Ю.С. Манипуляция в языке СМИ: эвфемизмы как «слова-прикрытия»: монография. Краснодар: КСЭИ, 2009.

⁴ Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта-Наука, 2003. 224 с.

⁵ Хаяутин А.Д. Термин, терминология, номенклатура. Самарканд: СГУ, 1972. 130 с.

⁶ Суперанская А.В. Терминология и номенклатура. Проблематика определения терминов в словарях разных типов. Л.: Наука, 1976. С. 73–83.

⁷ Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2018. 353 с.

Материалом исследования послужили тексты статей, опубликованные в современных русскоязычных газетах, входящих в первую тройку лучших печатных СМИ по российскому рейтингу: «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета». Временной промежуток исследуемого материала составил десять лет (2016–2026). В данных газетах публикуется информация, посвященная актуальным проблемам экономической жизни России. Методом сплошной выборки был проведен поиск по запросам исследуемых эвфемизмов-терминоидов в анализируемых газетах. Для обеспечения точности поиска была проведена выборочная верификация контекстов употребления искомым единицам. В процессе исследования было проанализировано в общей сложности 1740 статей по выбранной тематической группе, основу анализа составили 15 отобранных эвфемизмов экономической тематики: *количественные смягчения, мировая рецессия, финансовая турбулентность, нецелевое расходование, пересмотр тарифов, оптимизация расходов, либерализация цен, повышение рентного коэффициента, отрицательный рост, секвестр, непрозрачное ценообразование, технический дефолт, расширение тарифного коридора, новая экономическая реальность, Вашингтонский консенсус*. В данной статье проводится обзор анализа эвфемизмов-терминоидов, входящих в тематическую группу «изменение/рост цен, инфляция».

Методология исследования. Данная работа предполагает использование следующих методов: метод лексикографического анализа, подразумевающий отбор специализированных словарей эвфемизмов и рассмотрение их словарных статей, метод структурно-семантического анализа лексических единиц и анализа эвфемистических стратегий, подразумевающий объяснение вероятных интенций и роли эвфемизмов в коммуникации.

Результаты исследования. Необходимо проанализировать основные отечественные функциональные подходы к изучению эвфемизмов: О.В. Чибисова утверждает, что одной из главных интенций употребления эвфемизмов является желание коммуниканта быть положительно оцененным своим собеседником [Чибисова 2013, с. 91]. Л.Н. Саакян утверждает, что цели могут варьироваться от информирования до воздействия путем манипулирования, от развлечения до смягчения риска коммуникативной неудачи [Саакян, 2010, с. 57]. Т.А. Ковалева определяет целеполагание эвфемизма следующим образом: «Главная роль эвфемизма заключается в поиске альтернативных методов называния табуированного и нежелательного предмета» [Ковалева, 2008, с. 76]. Эвфемизмы могут способствовать достижению следующих интенций (классификация по Л.П. Крысину, 2000).

– Стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, которые приводят собеседника к дискомфорту: *слабослышащий* вместо *глухой*.

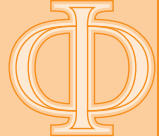
– Вуалирование, маскировка неприятной для адресата сути понятий и действий. Особый разряд среди этого типа составляют эвфемизмы, обозначающие военные действия государства: *спецакция* вместо *расстрел*.

– Стремление скрыть смысл истинного значения слова во избежание напряженности и конфликтности сторон.

– Стремление передать зашифрованное сообщение, чтобы оно было понято только определенному лицу: *по хорошей договоренности* вместо *по определенной плате за что-либо*.

Появление экономических эвфемизмов обусловлено социальной востребованностью. Например, такие явления, как инфляция, рост цен на товары и услуги, финансовый кризис, служат источником активной языковой подмены. Для исследования экономических эвфемизмов-терминоидов мы выбрали тематическую группу «изменение цен и инфляция»: *количественные смягчения, пересмотр тарифов, оптимизация расходов, либерализация цен, повышение рентного коэффициента, секвестр, расширение тарифного коридора, Вашингтонский консенсус*. С целью исследования особенностей использования эвфемизмов-терминоидов в современных русскоязычных газетных СМИ, а также с целью определения движущих интенций был проведен лингвистический анализ фрагментов текстов рассматриваемых газет: «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета». Приведем наиболее частотные примеры эвфемизмов-терминоидов, встречающихся в тематической группе «изменение/рост цен, инфляция».

Количественные смягчения. *Политика смягчения достигла своего предела, монетарные стимулы практически не влияют на рост ВВП, а накопленные странами долги вынуждают искать новые источники для возросших в условиях пандемии расходов на финансовую подпитку наиболее пострадавших отраслей и слоев населения. Центральные банки больше не «хозяева вселенной»: их политика постоянным снижением процентных ставок и количественным смягчением усугубила неравенство в развитых экономиках и нагроулила их неподъемной задолженностью* (Российская газета. 25.04.2021). В. Катасонов указывает, что следование политике количественных смягчений приведет к быстрому приближению **мирового кризиса**, так как эмиссия избыточной денежной массы разгоняет инфляцию. Количественные смягчения – это нетрадиционная монетарная политика, используемая центральными банками для стимулирования экономического роста. Заключается в увеличении количества денег в экономике при очень низких процентных ставках. Эвфемизм, представленный в виде псевдонаучного экономического словосочетания **количественные смягчения**, используется в качестве языковой подмены словам **инфляция** и **экономический кризис**. Схожим эвфемистическим словосочетанием является **квантитативное, или количественное, послабление**. Анализируемые языковые единицы реализуют манипулятивную стратегию вуалирования прямого наименования такой экономической проблемы, как инфляция. Суть семантического механизма заключается в использовании более нейтрального имени для денотата, в данном случае нейтрализация обеспечивается использованием слов-терминоидов. Камуфлирование серьезности ситуации позволяет представить описываемый факт как контролируруемую со стороны государства ситуацию, что, в свою очередь, способствует уменьшению интенсивности социальной напряженности. Частотность анализируемых терминоидов за 2016–2026 гг. составила 708 упоминаний.

Секвестр. Минстрою России не удалось перезапустить с будущего года программу «Стимул», направленную на субсидирование проектов комплексного развития территорий в регионах. Средства на софинансирование строительства социальных объектов не заложены в федеральный бюджет. Об этом сообщил заместитель Министра строительства и ЖКХ РФ Никита Стасишин, отметив, что бюджетные средства на эти цели попали под секвестр при обсуждении проекта федерального бюджета на 2026-й и на плановые 2027–2028 годы (Ведомости. 20.11.2025). «Секвестр – это сокращение расходной части бюджета. В отношении российского бюджета термин впервые встречается в августе 1991 г. в постановлении Совета Министров РСФСР “О мерах по реализации постановления Президиума Верховного Совета РСФСР” от 30 июля 1991 г.» (Моченов, 2003, с. 171). «Секвестр (лат. sequestro – ставлю вне, отделяю) – реструктуризация государственного бюджета с целью сокращения отдельных расходных статей» (Белояр, 2003, с. 240). Эвфемизм **социальный секвестр** представлен в виде слова-терминоида, которое используется для указания на процесс реструктуризации государственного бюджета с целью сокращения отдельных расходных статей. В представленном примере мы наблюдаем процесс введения терминоида, который выступает инструментом манипуляции общественным мнением. Очевидным является факт специального использования подобных слов-амеб с их кажущейся «научностью», затуманивающих истинный смысл происходящего, который способен индуцировать негативную реакцию, и употребляющихся, когда следует говорить о таком распоряжении бюджетными средствами, которое заведомо нанесет ущерб широким слоям населения. Частотность анализируемых эвфемизмов-терминоидов за 2016–2026 гг. составила 498 упоминаний.

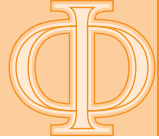
Расширение тарифного коридора. Вместе с тем, по мнению Татьяны Самсоновой, в 2026 году «рост сборов по моторным видам страхования будет в большей степени обусловлен не увеличением количества новых полисов, а ростом их стоимости в связи с удорожанием запчастей и ремонтных работ». Этому будет способствовать **расширение тарифного коридора**. С 9 декабря 2025 года Банк России расширил тарифный коридор ОСАГО на 15 % для большинства автомобилей и на 40 % для мотоциклов (Коммерсант. 11.01.2026). На сайте Росгосстраха терминоид «тарифный коридор» представлен в виде следующего толкования: это установленный Центробанком диапазон, в пределах которого работают страховые компании. Такой механизм позволяет держать цены под контролем, оставляет страховщикам возможность конкурировать между собой и при этом устанавливать справедливую стоимость полиса (www.rgs.ru). Мы считаем необходимым процитировать комментарий вице-президента национального автомобильного союза Антона Шапарина по отношению к терминоиду «расширение тарифного коридора»: *Страховые компании чаще всего работают по самому верху тарифного коридора, поэтому любое расширение по факту означает повышение стоимости ОСАГО. А сама формулировка «тарифный коридор» – фактически эвфемизм, плохо камуфли-*

рующий каждое новое повышение цен для водителей (Газета.ру. 08.01.2022). Соответственно, **расширение тарифного коридора** используется вместо выражения **увеличение ставок страхования**. Таким образом, исследуемый эвфемистический терминоид применяется с целью ухода от слов «подорожание», «повышение/увеличение/рост цен», нейтрализуя их своей кажущейся научностью. Главной интенциональной стратегией подобной замены является попытка снять психологическую напряженность со стороны аудитории. Количество вхождений искомой единицы за период 2016–2026 гг. составило 383 упоминания.

Повышение рентного коэффициента и синонимичные варианты – введение дополнительного рентного коэффициента, поднять рентный платеж. *Минфин предлагает привязать НДСИ для производителей коксующегося угля и железной руды к рыночным мировым ценам на сырье. Для угольщиков ставка составит 1,5 %, для добытчиков руды – 5,5 %. Для производителей удобрений предлагается повысить рентный коэффициент в 2,5 раза – до 8,75. Сейчас выплаты по НДСИ составляют примерно 0,2 % от рыночной цены продукции. Кроме того, Минфин предложил ввести акциз на жидкую сталь. Он будет составлять 3 % от экспортной цены слэбов в российских портах, если она превышает 300 долл. за тонну. Силуанов заверил, что новый порядок является долгосрочным* (Ведомости. 21.09.2021). Рентный коэффициент – просто неловкий эвфемизм для указания на **прямое повышение налога**. Крайне вероятно, что инициатива, изначально направленная против играющих на девальвации рубля экспортёров, больше всего ударит по потребителю, спровоцировав повышение цен на все изделия из металла. Суть рентного коэффициента сводится к тому, что при налогообложении ряда твердых полезных ископаемых и некоторых металлических руд к стандартной ставке НДСИ применяется коэффициент в размере 3,5. Основная цель введения рентного коэффициента сводится к **увеличению налоговых поступлений в государственный бюджет** [Школик, 2022, с. 3]. Эвфемистическое словосочетание под видом экономического терминоида **рентный коэффициент** используется вместо указания на выражение **повышенный налог**. В рассматриваемом контексте реализуется искажающая функция, где словосочетание с диффузной семантикой скрывает прямое указание на явление повышения налоговой нагрузки, тем самым преследуя коммуникативную цель, связанную с попыткой снижения социальной напряженности. Частотность анализируемых языковых единиц за 2016–2026 гг. составила 152 упоминания.

Выводы. В результате проведенного анализа выявлено, что эвфемизмы, представленные в виде терминоидов, имеют следующие отличительные характеристики:

- реализуются как инструмент манипуляции общественным мнением;
- снимают компонент прагматического фокуса;
- способствуют реализации антиадаптационных стратегий по отношению к адресанту;
- транслируют кажущуюся «научность» за счет широкой семантики.

Проведенный анализ функциональных классификаций эвфемизмов позволяет прийти к заключению о том, что типологии эвфемизмов с позиции интенционального горизонта указывают на многоаспектность природы эвфемистических наименований. Анализ функционального подхода к определению интенциональности эвфемизмов показал, что одной из ведущих интенций является вуалирование (маскировка) истинного значения слова. Популярность этого способа объясняется тем, что он позволяет коммуникатору не выдавать за правду явную ложь, а лишь слегка размывает границы самой правды за счет вуалирования истинного значения слова, что позволяет маркировать области социально-коммуникативного напряжения, а также создавать эффект контроля и стабилизации напряженной ситуации в стране.

Изучив фрагменты текстов исследуемых газетных статей, мы приходим к следующему заключению. Использование экономических эвфемизмов-терминоидов обусловлено требованием к соблюдению принципа психологической уместности. Сфера экономики является одной из приоритетных и диктует все большее появление подобных языковых единиц, представленных в виде терминоидов, зачастую иноязычного происхождения, внутренняя форма которых позволяет интерпретироваться аудиторией как слово, имеющее книжную стилистическую окраску. Таким образом, смысл подобных лексических единиц нередко оказывается зашифрованным, непонятным, что служит в некоторой степени символом «недоступной учености», следовательно, это позволяет снизить остроту восприятия при помощи импульса к самоустранению от попыток семантизации.

Главной интенциональной стратегией продемонстрированных эвфемистических замен является попытка исключить последствия, приводящие к психологическому дискомфорту со стороны аудитории.

Мы утверждаем, что широкое употребление эвфемизмов-терминоидов в публичной речи приводит к изменениям активного словарного запаса носителей языка и к вероятной корректировке общественного сознания.

Библиографический список

1. Бизюков Н.В. Информационный шум как прием языковой манипуляции (на материале публицистического дискурса) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 159. DOI: 10.25146/1995-0861-2019-47-1-110
2. Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивная эвфемизация // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 101–108.
3. Васильев А.Д. Размывание семантики текста как прием виртуализации реальности // Реальность, язык и сознание. Тамбов, 1999. С. 137–139.
4. Ковалева Т.А. Introducing euphemisms to intermediate language learners // Иностранные языки в школе. 2008. № 5. С. 76–80.
5. Копнина Г.А., Кошкарова Н. Сковородников А.П. Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных массмедиа: постановка проблемы // Русистика. 2021. Т. 19, № 4. С. 383–400. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-4-383-400

6. Саакян Л.Н. Эвфемия и дисфемия: языковые стратегии смягчения и дискредитации высказываний // Русский язык в школе. 2010. № 4. С. 57–62.
7. Чибисова О.В. Эвфемизмы в межкультурной коммуникации // Alma mater (Вестник высшей школы). 2013. № 1. С. 91–94.
8. Школик О.А. Актуальные проблемы налогообложения добычи драгоценных металлов // Российский экономический интернет-журнал. 2022. № 2. С. 1–11.

Список словарей

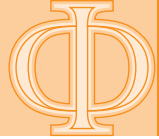
1. Белояр А. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/472>
2. Иванян Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: ФЛИНТА, 2021. 461 с.
3. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
4. Моченов А.В. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: Олма-Пресс, 2003. 352 с.

Список интернет-ресурсов

1. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/>
2. Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/>
3. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/>
4. Росгосстрах. URL: www.rgs.ru
5. Российская газета. URL: <https://rg.ru/>

Сведения об авторе

Курделяс Анастасия Андреевна – ассистент кафедры лингвистики, теории и практики перевода, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: shagratka@icloud.com

ECONOMIC EUPHEMISMS-TERMINOIDS IN MODERN RUSSIAN NEWSPAPER MEDIA

AA. Kurdelias (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The language of modern print mass media is characterized by attempts to neutralize meaning in order to mask the semantic component of words, aiming to manipulate the audience's consciousness. Euphemisms, as linguistic tools, allow for the neutralization of the true meaning of direct nominations, softening and transforming certain lexical units into forms psychologically acceptable to the audience.

The purpose of this article is to study euphemisms-terminoids on economic topics in modern Russian newspaper media.

Materials and methods. The work employs methods such as lexicographic analysis, structural-semantic analysis, and analysis of probable intentions. The research material consisted of articles from the newspaper media *Kommersant*, *Vedomosti*, and *Rossiyskaya Gazeta* from 2016 to 2026. The literature review references include studies related to the effectiveness of speech euphemization as a method of linguistic manipulation in media. The research of A.D. Vasiliev, S.G. Kara-Murza, and M.L. Kovshova examines the process of consciousness manipulation through the phenomenon of euphemization in public speech via the phenomenon of apparent 'scientificity', subsequently defined as terminoid-euphemisms, mythogenic words, and amoeba-words.

Research results. The main features of using economic euphemisms in modern newspaper media are identified, along with the driving intentions based on functional characteristics.

Conclusions. It is indicated that the studied euphemisms are used in an attempt to reduce the acuity of perception by leveraging an impulse towards self-elimination from attempts of semantic interpretation.

Keywords: *euphemisms, mass media, terminoids, economics, intention, interpretation, manipulation.*

References

1. Bizyukov, N.V. Informacionnyj shum kak priem yazykovej manipuljacji (na materiale publitsisticheskogo diskursa) [Information noise as a method of linguistic manipulation (based on the material of journalistic discourse)]. In: *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva*, 2014, 3 (29), 159. DOI: 10.25146/1995-0861-2019-47-1-110
2. Chibisova, O.V. Evfemizmy v mezhkul'turnoj kommunikacii [Euphemisms in intercultural communication]. In: *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)*, 2013, 1, 91–94.
3. Kopnina, G.A., Koshkarova, N.N., Skovorodnikov, A.P. Yazykovye posledstviya sovremennyh informacionno-psihologicheskikh vojn v russkoyazychnyx massmediah: postanovka problemy [Linguistic consequences of modern information and psychological wars in Russian-speaking mass media: problem statement]. In: *Rusistika*, 2021, 19, 4, 383–400. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-4-383-400

4. Kovaleva, T.A. Introducing euphemisms to intermediate language learners. In: *Foreign Languages at School*, 2008, 5, 76–80.
5. Saakyan, L.N. Evfemiya i disfemiya: yazykovye strategii smyagcheniya i diskreditatsii vyskazyvanij [Euphemism and dysphemism: Linguistic Strategies for Mitigation and Discredit of Statements]. In: *Russian Language at School*, 2010, 4, 57–62.
6. Vasilyev, A.D. Igry v slova: manipulyativnaya evfemizatsiya [Word games: Manipulative euphemisation]. In: *Politicheskaya Lingvistika*, 2010, 2, 101–108.
7. Vasilyev, A.D. Razmyvanie semantiki teksta kak priem virtualizatsii real'nosti [Blurring text semantics as a tool for reality virtualization]. In: *Real'nost', yazyk i soznanie, Tambov*, 1999, 137–139.
8. Vasilyev, A.D. Slovo v rossijskom teelefire. Ocherki novejshego slovoupotrebleniya [Words in Russian Television: Essays on Recent Word Usage]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2003. 224 p.

Dictionaries

1. Beloyar, A. Tolkovyy slovar' demokraticeskogo novoyaza i evfemizmov [Explanatory dictionary of democratic newspeak and euphemisms]. Available at: <http://www.politike.ru/dictionary/472> (access date: 15.07.2023).
2. Ivanyan, E.P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of Russian euphemisms]. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 461 p.
3. Kovshova, M.L. Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkiy tematicheskiy slovar' sovremennykh russkikh evfemizmov [Semantics and Pragmatics of Euphemisms. Short Thematic Dictionary of Contemporary Russian Euphemisms]. Moscow, Gnosis Publ., 2007. 320 p.
4. Mochenov, A.V. Slovar' sovremennogo zhargona rossiyskikh politikov i zhurnalistov [Dictionary of modern jargon of Russian politicians and journalists]. Moscow, Olma-Press Publ., 2003. 352 p.

Internet resources

1. Vedomosti. Available at: <https://www.vedomosti.ru> (access date: 15.12.2025).
2. Gazeta.Ru. Available at: <https://www.gazeta.ru> (access date: 15.12.2025).
3. Kommersant. Available at: <https://www.kommersant.ru> (access date: 15.12.2025).
4. Rosgosstrakh. Available at: www.rgs.ru (access date: 15.12.2025).
5. Rossiyskaya gazeta. Available at: <https://rg.ru> (access date: 15.12.2025).

About the author

Kurdelias, Anastasiia A. – Lecturer, Department of Linguistics, Translation Theory and Practice, Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: shagratka@icloud.com

УДК 81-112

НАЗВАНИЯ МЕЛЬНИКА В РУССКИХ ГОВОРАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.В. Тишина (Москва, Россия)**А.А. Безрукова (Москва, Россия)****Л.М. Гареева (Москва, Россия)**

Аннотация

Постановка проблемы. Данная работа посвящена изучению диалектных названий мельника ввиду их особой значимости для человека и определенного аксиологического потенциала. Актуальность настоящего исследования обусловлена вниманием со стороны ученого сообщества к проблеме изучения языковой картины мира диалектоносителя.

Цель статьи – проанализировать в лингвокультурологическом аспекте диалектные названия мельника.

Обзор научной литературы. Теоретической основой исследования послужили труды по лингвокультурологии (Т.И. Вендина, В.И. Супрун, Е.В. Брысина и др.), диалектологии (Е.В. Кузнецовой, М.В. Калининой, Е.В. Тишиной и др.), а также работы по истории мукомольного промысла и народной мифологии (Н.М. Ведерникова, А.Ф. Кривоноженко, Г.А. Рыбаков и др.).

Методология исследования. Основным является описательный метод (наблюдение, систематизация, интерпретация). Дополнительно использованы: этимологический, лингвокультурологический (для выявления культурных коннотаций) и словообразовательный анализ.

Результаты исследования. В русских говорах зафиксировано 30 диалектных лексем со значением ‘мельник’. Данные лексемы отражают социокультурные и исторические аспекты его деятельности, распределяясь по пяти группам: семейный статус; особенности проживания; тип мельницы, на которой осуществляется процесс помола муки; характер выполняемого действия; характер оплаты труда. Кроме того, отмечается, что фольклорный образ представителя данной профессии, включая его роль «сторожа сакрального пространства», также репрезентирован в данных лексемах.

Выводы. Диалектные названия мельника демонстрируют высокую лингвокультурологическую содержательность, являясь отражением исторической, аксиологической и социальной реальности национального традиционного быта.

Авторский вклад. Впервые осуществлен комплексный лингвокультурологический анализ диалектных названий мельника как целостного феномена, что открывает новые перспективы для изучения ремесленной лексики в диалектах.

Ключевые слова: мельник, диалектная лексика, диалектология, лингвокультурология, языковая картина мира, мукомольный промысел, фольклорный образ, русские народные говоры, этимология.

Постановка проблемы. Исторически земледельческие промыслы – важнейшие промыслы во многих регионах России. Хлебопашество, обработка зерна, мукомольный промысел – это не только существенная составляющая

экономической и продовольственной безопасности государства во все времена, но и условие физического выживания его граждан. Исследователи отмечают особый аксиологический статус данных видов промыслов в сознании народа [Тишина, Кузнецова, 2024, с. 5; Ведерникова, 2014, с. 6]. Русская национальная картина мира репрезентирует отношение к хлебу как к сакральному: «Без хлеба и пес воет»¹, «Хлеба ни куска – и в избе тоска»², «Хлеб дороже всего»³. Следовательно, лексика, связанная с изготовлением (производством) хлеба, непременно отражает подобное отношение со стороны носителя языка. В настоящем исследовании рассматриваются диалектные названия мельника как человека, играющего существенную роль в технологической цепочке изготовления хлеба от посева до выпекания.

Обзор научной литературы. Работа выполнена в рамках лингвокультурологического подхода, предполагающего рассмотрение диалектной лексики на предмет отражения в ней представлений об окружающей действительности, знаниевого пространства и картины мира диалектоносителя. Данный подход не раз применялся в отношении изучения диалектной лексики в трудах В.И. Супруна, Т.И. Вендиной, Е.В. Брысиной, Р.И. Кудряшовой, Е.В. Кузнецовой, Е.В. Тишиной, М.В. Калининой и др. [Брысина, Супрун, 2020, с. 192–200; Брысина, 2012, с. 51–56; Вендина, 1998; Тишина, Кузнецова, 2024; Калинина, Захарова, Тишина, 2025, с. 94–106; Калинина, 2015, с. 81–87; Кузнецова, 2022, с. 101–105].

Как показывают исследования, диалектная лексика обладает высокой лингвокультурологической содержательностью. В указанных работах особое внимание уделяется профессиональной и ремесленной лексике, в том числе связанной с хлебопашеством и мукомольным промыслом [Тишина, Кузнецова, 2024; Ведерникова, 2014, с. 6–20; Кривоноженко, Захарова, Литвин, 2021, с. 699–717]. В работах подчеркиваются мифологизированный образ мельника в фольклоре, а также его уникальный социальный статус в крестьянской общине. Вместе с тем систематический лингвокультурологический анализ именно названий мельника в диалектах ранее не проводился [Ведерникова, 2014].

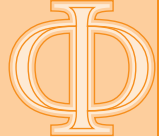
Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступают диалектные лексемы со значением «мельник», зафиксированные в «Словаре русских народных говоров», региональных словарях, а также в полевых материалах. Предметом исследования является лингвокультурологическая содержательность этих лексем, то есть их способность эксплицитно или имплицитно отражать знаниевое пространство, социальные нормы и мифологические представления диалектоносителя.

Цель статьи – определить лингвокультурологическую содержательность диалектных лексем со значением «мельник».

¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 142.

² Там же. Т. 2. С. 53.

³ Веселовский А.Н. Собрание русских пословиц и поговорок. М., 1862. № 3431.

Методология. Основным методом – описательный, включающий наблюдение, систематизацию и интерпретацию языкового материала. Дополнительно использованы: сравнительно-исторический метод (для установления этимологии и диахронии); лингвокультурологический анализ (для выявления культурных коннотаций); словообразовательный анализ (для определения мотивации названий).

Результаты исследования и их обсуждение. Развитие мельничного ремесла на Руси зародилось в период с XIII–XV вв. Ему предшествовали домашняя обработка зерна и его помол с помощью ручных жерновов. Как отмечает Б.А. Рыбаков, ручной помол зерна был характерен для раннего периода (IX–XI вв.) [Рыбаков, 1948, с. 565]. Но стоит оговориться, что в кризисные моменты он и в XX в. оставался весьма распространенным явлением.

С XI–XII вв. в Древней Руси начинают появляться водяные мельницы в регионах с подходящей гидрографической сетью. Такие археологические находки, как деревянные детали, жернова, плотины, свидетельствуют о распространении данного типа мельниц, особенно в княжеском и монастырском хозяйстве [Рыбаков, 1948]. Об этом есть летописное упоминание в «Повести временных лет»: *И постави млины по рѣкамъ и по потокомъ на потребу людѣмъ* [Повесть временных лет, 1950, стб. 96]. В данном отрывке речь идет о деятельности князя Владимира в 996 г.

С увеличением количества мельниц профессия мельника получает определенный статус. Вопрос типологии данного вида деятельности также остается открытым, так как, в отличие от классических форм ремесел, в которых мастер создает то или иное изделие, мельник предоставляет услугу – помол зерна. По утверждению Б.А. Рыбакова, мельники не всегда были свободными ремесленниками. Часто они работали на князя, бояр или церковь, поскольку мельницы были капиталоемким и стратегически важным объектом. В некоторых случаях мельники упоминаются как зависимые или полузависимые работники [Рыбаков, 1948, с. 384].

Со значительным увеличением количества мельниц ручной домашний размол зерна постепенно уходит, но сохраняется вплоть до начала XX в. Интересно, что изначально изготовление хлеба от обработки зерна до выпечки в домашних условиях было исключительно женским занятием [Рыбаков, 1948, с. 566].

По данным «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», мы видим, что ручной помол являлся важнейшим элементом домашнего хозяйства, обеспечивающим выживание в тяжелейшие исторические периоды, в том числе в условиях коллективизации и Великой Отечественной войны⁴. Недоступность мельниц в кризисные моменты активизировала бытовую деятельность русского народа, отражая его высокую трудовую культуру. В социально-бытовом контексте ручной помол может быть определен как единственное возможное условие выживания человека [Нефедьева, 1997]. По данным «Словаря говоров

⁴ Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 16. М., 1980–2005. С. 125–126.

русских старожилов Байкальской Сибири», соседи нередко делили ручной жернов, пользуясь им по очереди⁵.

В связи с тем что мукомольный промысел являлся одной из важнейших отраслей сельского хозяйства дореволюционной России, мельники не только обеспечивали бесперебойный процесс переработки зерна в муку, но и выступали в роли ключевых фигур в локальной экономике, так как способствовали связи крестьянских хозяйств, помещичьих угодий и рынков сбыта. Профессия мельника требовала не только технических навыков, но и глубокого понимания природных условий и особенностей родного края, умения взаимодействовать с различными социальными группами и общиной, адаптироваться к изменениям в сельскохозяйственном промысле.

Как отмечают ученые, повсеместное распространение мельниц привело к ряду изменений в мукомольном промысле. Он стал исключительно мужским занятием. Кроме того, по данным фольклора Русского Севера, женщинам и детям запрещено было посещать территорию мельницы [Ведерникова, 2014, с. 8].

Мельник – главный участник мукомольного процесса. Очевидно, что именно лексема «мельник» получила повсеместное распространение в русском литературном языке. В говорах нами зафиксировано 30 диалектизмов. В славянских языках получил распространение рефлекс праславянского слова *mlinarь* (белорусское *млынар*, сербское *млинар*, чешское *mlynář*, польское *mlynarz* и т.д.). Как указывает О.Н. Трубачев, это общеевропейское название, заимствование из латинского⁶. В древнерусском языке употреблялась лексема *мелех*.

Зафиксированные нами диалектные названия мельника репрезентируют определенные социокультурные и исторические аспекты его жизни и деятельности.

Семейный статус мельника. В говорах зафиксирована одна лексема, эксплицитно демонстрирующая особенности семейного статуса представителя данного ремесла: *бобыль* – ‘мельник’, *бобыльничать* – ‘жить бобылем || оставаться неженатым || ночевать без полной оседлости, по нанимаемым пустошам’, *бобыличка* – ‘одинокая женщина, бобылка’⁷. По данным исследователей, мельник как персонаж фольклора нередко представлен одиноким и холостым [Ведерникова, 2014; Кривоноженко, Захарова, Литвин, 2021, с. 699–717]. Однако этот факт не коррелируется с имеющимися историческими данными. Так, историками отмечается, что перепись 1916 г. по Карелии зафиксировала случаи управления мельницами супругами мобилизованных мельников [Кривоноженко, Захарова, Литвин, 2021, с. 703]. Это косвенно указывает на то, что мельник мог иметь статус семейного человека. Также в говорах видим лексемы со значением

⁵ Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 16. М., 1980–2005. С. 126.

⁶ Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974–2018. Вып. 19. С. 66.

⁷ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–2013. Т. 3. С. 39.

‘жена мельника’: *прудничиха, хухора, хухорица, мирошница, мирошничиха* и т.д.^{8,9} Возможно, данная лексема отражает скорее фольклорный образ, а не социокультурный и исторический.

Особенности проживания мельника. Названия мельника по месту проживания. В говорах видим 3 лексемы, отражающие особенности проживания мельника. Как правило, учитывая особенности ландшафта местности, розы ветров и других физико-географических характеристик, и водяные, и ветряные мельницы возводились за пределами населенных пунктов, иногда достаточно удаленно. Данное обстоятельство предполагало наличие отдельного помещения при мельнице, в котором могли бы проживать работники и заказчики. В говорах видим: *дербень* – ‘изба при мельнице, в которой жил мельник и останавливались попольцы’ [Сыщиков, 2006, с. 162]. Происхождение данной лексемы, по мнению М. Фасмера, не связано с глаголом *дербить* – ‘чесать, скрести, царапать, драть’, а является заимствованием из тюркского – ‘горный проход, ущелье’, ‘страж’¹⁰. Соответственно видим: *дербеницк* – ‘мельник’¹¹; *каморка (камора)* – ‘чулан, кладовка’¹², а также *каморка* – ‘мельник’, *каморник* – ‘работник, мельник’¹³. По видимому, названия *каморка, каморник* эксплицитно отражают специфические условия трудовой деятельности мельника, связанные с его проживанием. Лексема *дербеницк* имплицитно репрезентирует образ мельника как сторожа некоего сакрального места (территория мельницы).

По типу мельницы выделяются следующие диалектные названия мельника: *прудник, прудняк*. Связано с пруд – ‘запруда, плотина’, ‘водяная мельница’¹⁴.

По выполняемому действию. Некоторые диалектные названия мельника отражают характер его деятельности, так как мотивированы глаголами, обозначающими процесс помола. Отглагольные образования (от *молоть, мелю* и т.д. ← *melti*): *молотьцк, помелец, помолотчик, помельцк* (словообразовательные диалектизмы с чередованием в корне), *мукомол*. Кроме того, видим диалектизм *рушалъ* – ‘мельник’¹⁵. Однако у глагола *рушить (рушать)*, нами не отмечено значений, связанных с измельчением зерна в муку, но в СРНГ видим: *рушить* – ‘сдирать оболочку с зерна, дробить для получения крупы’, а также *рушалка, рушилка* – ‘мельница-крупорушка’, ‘машина, приспособление для очистки кедровых шишек’¹⁶ и т.д.

⁸ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–2013. Т. 3. С. 39.

⁹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

¹⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1. С. 500.

¹¹ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–2013. Т. 8. С. 6.

¹² Там же. Т. 13. С. 27.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Т. 33. С. 62, 64.

¹⁵ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–2013. Т. 35. С. 288.

¹⁶ Там же. Т. 35. С. 286.

Для сравнения приведем пример лексемы *шелушник* – ‘мельник’¹⁷. Также часть диалектизмов со значением ‘помощник мельника’ отражают ход и порядок действий во время процесса помола муки. Например, *подсыпка, засыпка, приемыш, приемник*¹⁸. *Хухор (хухорь)*, а также, возможно, как экспрессивный вариант *кухор (кухорь)* со значением ‘мельник’¹⁹ от *хухорить* – ‘молоть’. Но, по мнению М. Фасмера, слово неясной этимологии²⁰. Возможно, связано с др.-русск. *кухарь* – ‘повар’. *Хухорные*, мн. – ‘плата за пользование мельницей’. *Хухорные заплатила*²¹.

По характеру условий оплаты за помол. Производство муки на продажу осуществлялось только крупными или средними мукомольными предприятиями [Кривоноженко, Захарова, Литвин, 2021, с. 710]. Что касается маленьких мельниц, то часто оплата работы мельника осуществлялась частью полученной муки (натуральный обмен). Данную традицию имплицитно и эксплицитно иллюстрируют следующие диалектные лексемы: *мирошник, мерочник*. *Мирошник* – украинизм, отыменное образование от *мирка* ‘мера зерна’, соответствует русскому варианту *мерочник*, от *мера* ‘плата за помол мельнику в условиях натурального обмена’²². Ср., *мирошня* ‘мельница’²³. Омонимичное образование *мирошник* ‘нищий’, *мирошничать* ‘нищенствовать, просить милостыню’, видимо, отражает идею – получить свою меру²⁴. Также см. выше, *хухорные*.

Выводы. Диалектные названия мельника отражают не только профессиональную функцию, но и социальный статус, бытовые условия, мифологические представления и аксиологические установки традиционного русского общества. Лингвокультурологическая содержательность названий реализуется в двух формах: эксплицитной (прозрачная мотивация: *мерочник* ← *мера*, *прудник* ← *пруд*) и имплицитной (затемненная внутренняя форма: *дербенщик*).

Фольклорный и исторический образы мельника не совпадают: если в фольклоре он чаще предстает как одинокий, холостой персонаж (*бобыль*), то архивные и диалектные данные (например, наличие лексем *прудничиха, мирошница*) указывают на семейный статус мельника.

Наличие лексем, производных от глаголов обработки зерна (*рушить, шелушить*), а также именованья со значением ‘помощник мельника’ (*подсыпка, приемник*) подтверждают, что диалектная лексика фиксирует технологическую специфику помола, отражают ход и порядок действий.

¹⁷ Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / под ред. Л.В. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. С. 383.

¹⁸ Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–2013.

¹⁹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Т. 6. С. 738–739.

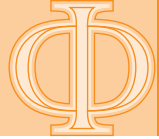
²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 4. С. 287.

²¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Т. 6. С. 739.

²² Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–2013. Т. 18. С. 122.

²³ Там же. Т. 18. С. 174.

²⁴ Там же. Т. 18. С. 173.

Экономический аспект профессии репрезентирован через лексемы, связанные с натуральной оплатой (*мерочник, мирошник, хухорные*), что свидетельствует о сохранении архаичных форм обмена даже в XIX–XX вв. и подчеркивает роль мельницы как значимого элемента локальной экономики.

Авторский вклад. Впервые осуществлен комплексный лингвокультурологический анализ диалектных названий мельника как целостного феномена, что позволяет рассматривать профессиональную лексику не только как лингвистический, но и как культурно-исторический источник, раскрывающий глубинные пласты народного мировоззрения.

Библиографический список

1. Брысина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 51–56.
2. Брысина Е.В., Супрун В.И. Лингвокультурный потенциал диалекта // Золотая звезда: эстафета поколений: сб. материалов международных конференций и конкурса эссе. Волгоград: Волгоградский центр гражданского образования, 2020. С. 192–200.
3. Ведерникова Н.М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12 (36). С. 6–20.
4. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
5. Калинина М.В. Религиозно-мифологические запреты, предписания и верования в жизни казаков (на материале донских говоров) // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 81–87.
6. Калинина М.В., Захарова М.А., Тишина Е.В. Лингвокультурологический анализ наименований одежды, встречающихся в физиологическом очерке В.И. Даля «Уральский казак» // Вестник Калмыцкого университета. 2025. № 3 (67). С. 94–106. DOI: 10.36430/2712-8887-2025-3-94-106
7. Кривоноженко А.Ф., Захарова Е.В., Литвин Ю.В. Мельницы в жизни российского крестьянства пореформенного периода // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, вып. 3. С. 699–717. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.302
8. Кузнецова Е.В. Прилагательные со значением «красивый» в говорах Волгоградской области: комплексный анализ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 8 (171). С. 101–105.
9. Нефедьева А.К. Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX – начало XX в.) // Тальцы. 1997. URL: <https://sibfolk.ru/?p=2236> (дата обращения: 06.11.2025).
10. Повесть временных лет / подгот. текста, введение и коммент. Д.С. Лихачева; отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

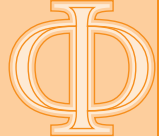
11. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 792 с.
12. Сыщиков А.Д. Лексика крестьянского деревянного строительства. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 248 с.
13. Тишина Е.В., Кузнецова Е.В. Названия мукомольных приспособлений и устройств в русских говорах: деривационный и этимологический аспекты // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 3 (51). С. 1–10. DOI: 10.18454/RULB.2024.51.16

Сведения об авторах

Тишина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Московский университет «Синергия»; ORCID: 0009-0001-0419-5269; e-mail: ETishina@synergy.ru

Безрукова Анастасия Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский университет «Синергия»; ORCID: 0000-0001-8075-247X; e-mail: ABezrukova@synergy.ru

Гареева Лилия Махмутовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики спорта и физического воспитания, Московский государственный университет спорта и туризма; ORCID: 0000-0001-8046-9762; e-mail: Liliyagareeva@yandex.ru

NAMES FOR THE WORD 'MILLER' IN RUSSIAN DIALECTS: LINGUOCULTURAL ASPECT

E.V. Tishina (Moscow, Russia)

A.A. Bezrukova (Moscow, Russia)

L.M. Gareeva (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This work is devoted to the study of dialect names for the word 'miller' in view of their special significance for humans and a certain axiological potential. The relevance of this study is due to the attention of the scientific community to the problem of studying the linguistic worldview of a dialect speaker.

The purpose of the article is to analyze the dialect names for the word 'miller' in the linguistic and cultural aspect.

Review of scientific literature. The theoretical basis of the research consists of the works on linguoculturology (T.I. Vendina, V.I. Suprun, E.V. Brysina, etc.), dialectology (E.V. Kuznetsova, M.V. Kalinina, E.V. Tishina, etc.), as well as works on the history of milling and folk mythology (N.M. Vedernikova, A.F. Krivonozhenko, G.A. Rybakov et al.).

Research methodology. The main method is descriptive (observation, systematization, interpretation). Additionally, etymological, linguoculturological (to identify cultural connotations) and word-formation analyses were used.

Research results. There are 30 dialect lexemes with the meaning of 'miller' in Russian dialects. These lexemes reflect the socio-cultural and historical aspects of these activities, divided into five groups: family status; features of residence; type of mill where the flour milling process is carried out; the nature of the action performed; the nature of remuneration. In addition, it is noted that the folklore image of a representative of this profession, including their role as a 'guardian of the sacred space', is also represented in these lexemes.

Conclusions. The dialectal names for the word 'miller' demonstrate high linguistic and cultural significance, reflecting the historical, axiological, and social reality of the national traditional way of life.

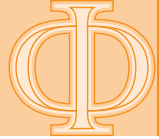
The authors' contribution. For the first time, a comprehensive linguistic and cultural analysis of the dialect names for the word 'miller' has been carried out as an integral phenomenon, opening up new perspectives for the study of craft vocabulary in dialects.

Keywords: *miller, dialectal vocabulary, dialectology, linguocultural studies, linguistic worldview, flour-milling trade, folklore image, Russian vernaculars, etymology.*

References

1. Brysina, E.V. Dialekt cherez prizmu lingvokul'turologii [Dialect through the prism of linguocultural studies]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 2: Iazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2012, 2 (16), 51–56.
2. Brysina, E.V., Suprun, V.I. Lingvokul'turnyi potentsial dialekta [Linguocultural potential of dialect]. In: *Zolotaia zvezda: estafeta pokolenii* [Golden Star: Relay of Generations]. Volgograd, Volgogradskii tsentr grazhdanskogo obrazovaniia, 2020, 192–200.

3. Vedernikova, N.M. Mel'nitsy i mel'nik v russkoi mifologii [Mills and miller in Russian mythology]. In: *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, 2014, 12 (36), 6–20.
4. Vendina, T.I. Russkaia iazykovaia kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniia (makrokosm) [The Russian linguistic worldview through the prism of word-formation (macrocosm)]. Moscow, Indrik, 1998. 240 p.
5. Kalinina, M.V. Religiozno-mifologicheskie zaprety, predpisaniia i verovaniia v zhizni kazakov (na materiale donskikh govorov) [Religious and mythological prohibitions, prescriptions and beliefs in the life of Cossacks (based on Don dialects)]. In: *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2015, 4 (42), 81–87.
6. Kalinina, M.V., Zakharova, M.A., Tishina, E.V. Lingvokul'turologicheskii analiz naimenovaniia odezhdy, vstrechaiushchikhsia v fiziologicheskom ocherke V.I. Da lia "Ural'skii kazak" [Linguocultural analysis of clothing terms found in V.I. Dal's physiological sketch "Ural Cossack"]. In: *Vestnik Kalmytskogo universiteta [Bulletin of Kalmyk University]*, 2025, 3 (67), 94–106. DOI: 10.36430/2712-8887-2025-3-94-106
7. Krivonozhenko, A.F., Zakharova, E.V., Litvin, Iu.V. Mel'nitsy v zhizni rossiiskogo krest'ianstva poref ormennogo perioda [Mills in the life of Russian peasantry in the post-reform period]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Bulletin of St. Petersburg University. History]*, 2021, 66 (3), 699–717. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.302
8. Kuznetsova, E.V. Prilagatel'nye so znacheniem "krasivy" v govorakh Volgogradskoi oblasti: kompleksnyi analiz [Adjectives with the meaning "beautiful" in the dialects of Volgograd Oblast: a comprehensive analysis]. In: *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]*, 2022, 8 (171), 101–105.
9. Nefed'eva, A.K. Mukomol'nyi promysel v Srednem Priangar'e (konets XIX – nachalo XX vv.) [Flour-milling trade in Middle Angara region (late 19th – early 20th centuries)]. In: Tal'tsy, 1997. Available at: <https://sibfolk.ru/?p=2236> (access date: 06.11.2025).
10. Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years] / Ed. by D.S. Likhachev; chief ed. V.P. Adrianova-Peretts. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1950.
11. Rybakov, B.A. Remeslo Drevnei Rusi [Crafts of Ancient Rus']. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948. 384 p.
12. Syshchikov, A.D. Leksika krest'ianskogo dereviannogo stroitel'stva [Lexicon of Peasant Wooden Construction]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 2006. 248 p.
13. Tishina, E.V., Kuznetsova, E.V. Nazvaniia mukomol'nykh prisposoblenii i ustroistv v russkikh govorakh: derivatsionnyi i etimologicheskii aspekty [Names of flour-milling devices and equipment in Russian dialects: derivational and etymological aspects]. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2024, 3 (51), 1–10. DOI: 10.18454/RULB.2024.51.16

About the authors

Tishina, Elena V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Moscow “Synergy” University (Moscow, Russia); ORCID: 0009-0001-0419-5269; e-mail: ETishina@synergy.ru

Bezrukova, Anastasia A. – PhD (Politics), Associate Professor, Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow “Synergy” University (Moscow, Russia); ORCID: 0000-0001-8075-247X; e-mail: ABezrukova@synergy.ru

Gareeva, Liliya M. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Sports and Physical Education, Moscow State University of Sport and Tourism (Moscow, Russia); ORCID: 0000-0001-8046-9762; e-mail: Liliyagareeva@yandex.ru

УДК 811.161.1:81.23

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ 仁/ГУМАННОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА БАЗЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Е.А. Бирюлина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Изучение ассоциативно-вербальных полей миромоделирующих и аксиологических концептов относится к актуальным задачам современной лингвистики. Объектом настоящего исследования выступает ассоциативно-вербальное поле 仁/гуманность в языковом сознании китайских студентов, которые отнесли себя к носителям и трансляторам китайской лингвокультуры. Это позволяет получить проекцию языкового сознания и выявить важнейшие мировоззренческие и морально-нравственные установки носителей китайской национальной лингвокультуры.

Цель статьи – моделирование и анализ ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность в языковом сознании китайских студентов.

Методология (материалы и методы). Эмпирическим материалом послужили реакции, полученные в результате ассоциативных экспериментов, проведенных со студентами 1–4-х курсов в семи университетах КНР. На исследовательском этапе в ходе исследования применялись методики моделирования ассоциативно-вербального поля и построения семантического гештальта.

Результаты анализа. В рамках статьи проведен анализ 392 реакций. В результате анализа ассоциативного поведения были выявлены основные типы ассоциативного реагирования, а также ключевые закономерности женского и мужского ассоциативного реагирования. В процессе моделирования ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность было показано, что в его структуру входят ядерная, околядерная и периферийная зоны (последняя делится на ближнюю и дальнюю периферию).

Выводы. Проведенное исследование позволило выявить структуру и содержание ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность в языковом сознании китайских студентов. К дифференцирующим признакам гуманности, помимо определенных морально-нравственных качеств (доброта, отзывчивость, человечность, милосердие, сострадание, толерантность, справедливость), также относятся социально одобряемая деятельность и поступки в соответствии с историко-культурно закрепленными конфуцианскими практиками (помощь, забота, поддержка, благотворительность).

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативное поведение, ассоциативно-вербальное поле, ассоциативное реагирование, гуманность-жэнь, психолингвокультурология, языковое сознание.

Постановка проблемы. Изучение фундаментальных проблем «языка и ментальности», специфики языкового сознания традиционно проводится с применением методики моделирования ассоциативно-вербальных полей.

По справедливому замечанию Ю.Н. Караулова, именно они являются проекцией языкового сознания¹. Под ассоциативно-вербальным полем, вслед за рядом современных лингвистов, мы понимаем совокупность вербальных ассоциатов на словосочетание-стимул, организованных и визуализированных в виде полевой модели² [Долинский, 2011; Довголюк, 2016]. В последние годы в связи с активным становлением психолингвокультурологии на первый план выходит задача исследования миромоделирующих и аксиологических концептов, к которым, без сомнения, относится концепт 仁/гуманность. В рамках настоящей статьи ставится цель смоделировать и проанализировать ассоциативно-вербальное поле данного концепта. Актуальность достижения поставленной цели обусловлена тем, что анализ ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность позволяет раскрыть закодированные в исследуемом концепте важнейшие мировоззренческие и морально-нравственные установки носителей китайской лингвокультуры.

Обзор научной литературы. Проблеме исследования ассоциативно-вербальных полей посвящены многие докторские и кандидатские диссертации, статьи, выполненные в русле психолингвистики и психолингвокультурологии [Алимушкина, 2017; Долинский, 2011; Доменко, 2005; Кузина, 2006; Шевченко, 2017; и др.]. Отдельное место среди подобных работ занимают исследования ассоциативно-вербальных полей, в которых вербализуются представления о важнейших мировоззренческих и морально-нравственных установках носителей изучаемой лингвокультуры. В последние годы были рассмотрены следующие ассоциативно-вербальные поля на базе языковых данных разных этнокультур: ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ [Васильева, 2015]; СИЛА [Низамутинова, 2020]; ДОБРО, ЗЛО [Васильев, Васильева, 2015; Гросу, 2025]; ТРУД [Васильева, 2011]; СЧАСТЬЕ/幸福 [Бай, 2025]; МИЛОСЕРДИЕ/CHARITÉ [Шалгина, Подгаец, 2021]; МУДРОСТЬ [Мельникова, Цао, 2025] и многие другие.

Материалы и методы исследования. Анализ проводится на базе результатов ассоциативного эксперимента на стимульную лексему 仁/гуманность. В ассоциативном эксперименте приняли участие студенты 1–4-х курсов следующих университетов КНР: Северо-западный университет по делам национальностей (西北民族大学); Сычуаньский университет иностранных языков (四川外国语大学); Университет Ланьчжоу (兰州大学); Хэйлунцзянский университет (黑龙江大学); Технологический университет Ланьчжоу (兰州理工大学); Пекинский университет авиации и космонавтики (北京航空航天大学); Шэньянский университет (沈阳大学山). Эксперимент проводился в феврале 2022 г. на базе платформы онлайн-анкетирования Tencent, что позволило снизить временные затраты

¹ Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: в 3 ч., 6 кн. / авт.-сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1994, 1996, 1998. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 18.11.2022).

² Русский региональный ассоциативный словарь: (Европейская часть России): в 2 т. / авт.-сост. Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 2018. Т. 1. 544 с.

на обработку данных. В опросе принял участие 201 человек – от 18 до 22 лет: 110 студентов женского пола и 91 – мужского. Все участники отнесли себя к носителям китайского языка как родного. В соответствии с методикой проведения ассоциативного эксперимента реципиентам было предложено записать любое возможное количество реакций (слов, словосочетаний, предложений) на стимул 仁/гуманность. В том случае если участник эксперимента не мог привести первую возникшую реакцию, ему предлагалось поставить в графе ответа «прочерк». Для обеспечения чистоты эксперимента был установлен таймер на 1 минуту. Ответы, отправленные позже 1 минуты, не учитывались в выборке. В результате проведенных ассоциативных экспериментов было получено 392 реакции.

На этапе первичной обработки были исправлены ошибки, связанные с неправильным написанием иероглифов или ошибки в пунктуации, которые носили несистемный характер и предположительно были вызваны особенностями быстрого ввода текста с клавиатуры мобильного телефона.

На исследовательском этапе применялись методики моделирования ассоциативно-вербального поля и построения семантического гештальта.

Методика анализа ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность состоит из следующих этапов.

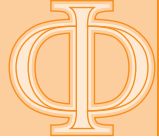
1. Лексикографическая характеристика стимульного иероглифа.
2. Арифметический подсчет полученных реакций.
3. Формальная морфологическая характеристика полученных реакций.
4. Анализ коннотативного значения полученных реакций.
5. Построение модели ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность.
6. Описание полученной модели при помощи методики построения семантического гештальта.

Результаты исследования. Анализ полученных ассоциатов позволил выявить пять основных типов ассоциативного реагирования, проявленных носителями китайской лингвокультуры в ходе эксперимента. При составлении классификации учитывались критерии, предложенные Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1999], Е.И. Горошко [Горошко, 2005] и Е.Н. Гуц [Гуц, 2005]. Данные о соотношении выявленных типов реакций представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Типы реагирования на стимульная лексема 仁/ гуманность

Тип реакции	Частота встречаемости (из 100 %)
Собственно ассоциативные реакции	36,4 %
Собственно семантические реакции	30,5 %
Реакции развертывания	15,5 %
Реакции пояснения	16,2 %
Оценочные реакции	0,7 %

Таким образом, классификация ассоциативного поведения участников эксперимента на понятие 仁/гуманность выглядит следующим образом.

Собственно ассоциативные реакции (36,4 % от общего числа реакций).

Собственно ассоциативные реакции (вслед за А.Р. Лурия [Лурия, 1975; 1979]) преимущественно представлены словами и сочинительными словосочетаниями, обозначающими ряд значимых морально-нравственных качеств: 宽容和原谅/снисхождение и прощение (1); 智慧与包容/мудрость и терпимость (1); 善良和宽/恕 / доброта и снисхождение (1); 宽容之心/снисходительное сердце (1); 内心善良/ доброта в сердце (1); 心地善良 / доброта в сердце (добродушный) (1); 爱/любовь (2); 博爱/ всеобщая любовь (Мо-цзы) (3); 友善/ дружеский (3); 友好/дружный, дружеский (2); 善良/добрый, относиться по-доброму (12), 宽容/мягкий, снисходительный (4), 真诚/искренний, искренность (1); 仁厚/великодушный (1); 友爱/дружба (1); 慈悲/милосердие, сочувствие (1). Все вышеуказанные однословные реакции были отнесены к собственно ассоциативным, поскольку у них отсутствуют структурные показатели атрибутивности, например частица 的. Наличие структурной частицы 的 позволило бы однозначно интерпретировать данные ассоциаты в качестве прилагательных и отнести их к реакциям развертывания. Участники эксперименты также реагировали на слово-стимул словами и словосочетаниями, указывающими на связанные с гуманностью социально одобряемые поступки, поведение и качества характера: 人和人相互爱护/взаимная забота между людьми (1); 多人忠诚 / верность многих людей (1); 品行端正 / правильное поведение (1); 普遍的爱/повсеместная любовь (1); 律己/самодисциплина (1); 道德品质高尚/высокие нравственные качества (1); 人的基本良知/человеческое основополагающее природное (интуитивное) знание (1); 道德素质高 / высокие нравственные качества (1); 品德高尚 / высокая нравственность (1). В двух единичных случаях реципиенты приводили слово 人/человек в качестве ответа: 人/человек (1); 仁人/гуманный человек (1).

К данному типу реакций также были отнесены все полученные фразеологические обороты: 以人为本 / Человек превыше всего (1); 与人为善 / Помогать людям в добрых делах (2); 己所不欲勿施于人 / Не делай другим того, чего себе не желаешь (1); 克己复礼[为仁] / Обуздать себя и вернуться к ли (этикету-культурности) [– это и есть гуманность] (1); 厚德载物 / Добродетельный муж способен на великие свершения (пожелание успехов в учебе) (1); 仁义礼智信 / Гуманность, справедливость, благопристойность, мудрость, доброе намерение (пять постоянств праведного человека) (1). Обращение к фразеологическому фонду языка является отличительной особенностью китайского ассоциативного поведения.

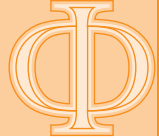
2. Собственно семантические реакции (30,5 % от общего числа реакций).

В данный тип реакций вошли те ассоциаты, которые находятся в синонимических отношениях со словом-стимулом. Особенностью этого типа реакций является то, что в состав подавляющего большинства семантических синонимов китайского языка входит иероглиф 仁: 仁爱/человеколюбие (24); 仁慈/милосердие (12); 仁义/гуманность и справедливость (6); 仁善/гуманность и доброта (1).

3. Реакции пояснения (16,2 % от общего числа реакций).

В том случае если реципиент реагировал на слово-стимул развернутой дефиницией, ответ интерпретировался как реакция пояснения. Реакции подобного типа преимущественно представлены сложноподчиненными предложениями, выражающими атрибутивные отношения. Среди полученных реакций можно выделить такие формально-структурные показатели данного структурно-семантического типа предложений, как сказуемое 是 и структурная частица 的: 仁是孔子提出的思想观念可以用来形容一个人的品行 / Гуманность – идеологическая концепция, выдвинутая Конфуцием, при помощи которой возможно описать качества и поступки отдельного человека (1); 仁就是一种大爱是包容是宽厚 / Гуманность – это и есть определенная безграничная любовь, это терпимость, это снисходительность (1); 本义是对人友善相亲后来发展为含义广泛的道德范畴如儒家提倡仁爱仁政等 / Изначальный смысл [заключается] в дружеском и добром отношении к людям, впоследствии [концепция] развилась до нравственной категории широкого смысла, например, [к ней относятся] выдвигаемые конфуцианством идеи человеколюбия, гуманного правления (1); 是一种好的令人舒服的态度 / Это определенный хороший подход, [благодаря которому] становится комфортно людям (1); 仁就是善心存有善意 / Гуманность – это доброе сердце, преисполненное добрыми намерениями (1). В ряде ответов участниками эксперимента приводилась только придаточная часть сложноподчиненного предложения: 中华民族传统美德是属于道德层面的人们互相之间团结友爱怀有一颗爱人之心 / Традиционная китайская национальная ценность, это относящаяся к нравственному аспекту взаимная сплоченность и дружба между людьми, [которая заключается] в любви к людям, находящейся в самом сердце (1); 仁包含着温和礼貌善良的精神 / Гуманность включает в себе идеи умеренности, вежливости и доброты (1); 古代一种含义广泛的道德观念 / Древняя нравственная концепция, содержащая в себе глубокий смысл (1); 人与人之间互相尊重不掺杂私欲的互亲互爱 / Взаимное уважение между людьми, с которым не смешиваются личные привязанности (1); 对待万事万物的一种态度 / Это определенный тип поведения, с которым относятся ко всему сущему в мире (1). Как видно из примеров, реципиенты в своих ответах подчеркивали связь данной морально-нравственной категории с конфуцианской традицией, а также указывали на ее сугубо положительное содержание.

К данному типу реакций также были отнесены ответы, структурно представляющие собой простые предложения, при этом в них зачастую был пропущен глагол-связка 是: 一种美好品质 / Определенное прекрасное моральное качество (1); 人与人之间相互有爱帮助 / Взаимная любовь и помощь между людьми (1); 对万物抱以善良之心 / Относиться ко всему сущему с добротой в сердце (1); 爱身边的人或物 / Любить людей и все сущее рядом с человеком (1); 人和人之间相亲、相爱、互相尊重 / Дружеские отношения, взаимная любовь и взаимное уважение между людьми (1); 对他人抱有博爱、善良、平和、友爱 /

Относиться к другим людям с [позиции] всеобщей любви (Мо-цзы), с добром, миролюбием и дружбой (1). В ходе эксперимента участники не только давали пояснение семантики слова-стимула, в единичном случае участником эксперимента также было дано объяснение структуры иероглифа 仁: 两个站立的人 / два стоящих человека (1).

4. Реакции развертывания (15,5 % от общего числа реакций):

а) предикативные реакции (14,8 % от общего числа реакций) с формальной точки зрения представлены глагольно-объектными и подчинительными словосочетаниями. Во время участия в ассоциативном эксперименте реципиентами были вербализованы следующие типичные действия и поступки, которые можно интерпретировать как проявление гуманности: 对人友善 / быть добрым и дружественным к людям (6); 宽厚待人 / относиться к людям с добротой и великодушием (5); 帮助他人 / помогать другим людям (1); 关心他人 / заботиться о других людях (1); 爱人 / любить людей (1); 对他人友好 / быть дружественным к другим людям (1); 相互尊敬 / взаимно уважать (1); 仁慈待人 / относиться к людям с милосердием (1). Для указания на характерные для гуманности состояния реципиенты чаще всего применяли глагольно-объектные словосочетания со стержневым глаголом 有 / иметь, обладать или глаголом 具有 / обладать, который является книжно-письменным инвариантом глагола 有: 有同理心 / обладать эмпатией (1), 有品德 / обладать добропорядочностью (1), 有礼 / обладать [знанием] церемоний (1), 有修养 / обладать воспитанностью (1) 具有同理心 / обладать эмпатией (1);

б) атрибутивные реакции представлены единичным случаем употребления атрибутивной конструкции со структурной частицей 的: 对人友善的 / относящийся к людям по-доброму и дружественно.

5. Оценочные реакции (0,7 % от общего числа реакций). Данный тип реакций представлен единичным ассоциатом 善 / хороший, хорошо (1).

Анализ результатов эксперимента также позволил выявить следующую картину закономерностей ассоциативного поведения внутри студенческой группы реципиентов:

1) среди ответов реципиентов оказалось невозможным выделить гендерно маркированные реакции;

2) в половине случаев участники эксперимента реагировали при помощи фразеологических единиц (53 % у мужчин и 57 % у женщин соответственно);

3) и мужчины, и женщины связывают гуманность-жэнь с Конфуцием, конфуцианским учением или же другими представителями конфуцианства (23 % от всех полученных ответов);

4) в ответах реципиентов практически не встретились реакции, в которых испытуемые оценивали гуманность;

5) в ответах реципиентов отсутствуют негативные реакции.

Анализ полученных ассоциатов позволил смоделировать ассоциативно-вербальное поле 仁/гуманность.

Модель ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность
в языковом сознании китайских студентов

С формальной точки зрения структура ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность представлена практически равновесным соотношением многословных и однословных реакций – 46,6 и 53,4 % соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Процентное распределение реакций
по формальному и морфологическому признаку

Однословные реакции (53,4 %)			
Многословные реакции (46,6 %)			
Субъектно-предикативные словосочетания	2 %	Сложные словосочетания	2,7 %
Глагольно-объектные словосочетания	5,4 %	Устойчивые словосочетания (фразеологизмы)	4 %
Сочинительные словосочетания	2 %	Предложения	17 %
Подчинительные словосочетания	13,5 %		

В рамках анализа данных на китайском языке невозможно произвести стратификацию и статистический подсчет морфологического состава однословных реакций. Прежде всего это обусловлено спецификой китайского языка, а именно невыделимостью грамматической категории слова вне контекста его употребления либо же без использования специальных грамматических показателей, например: видо-временной показатель 了 или структурная частица 的 [Курдюмов, 2014, с. 45–46; 吕叔湘, 1984; 吕文华, 1999]. Например, наиболее частотная реакция 仁爱/человеколюбие (индекс частотности – 24), согласно словарной статье из словаря 现代汉语规范词典 (Нормативный словарь современного китайского языка), может использоваться в качестве прилагательного и глагола:

1) 形, 仁厚慈爱 (宽厚仁爱 | 仁爱之心 | 希望人间充满仁爱); 2) 动, 同情人、关爱人、乐于助人 (仁爱士卒) / 1) прилагательное, великодушный и милостивый (добрый и человеколюбивый; человеколюбивое сердце; надеяться на то, что среди людей [все] преисполнится человеколюбием); 2) глагол, сочувствовать людям, сердечно заботиться о людях, охотно приходить на помощь (проявлять человеколюбие к солдатам)³. В связи с этим невозможно точно определить, в каком именно грамматическом значении был приведен данный ассоциат².

Анализ семантического состава полученных однословных ассоциативных реакций показал, что чаще всего реципиенты реагировали на стимул словами: 仁爱/человеколюбивый (24); 仁慈/милосердие, милосердный (12); или приводили слово, дающее психологическую оценку: 善良/добрый (12).

³ 现代汉语规范词典 / 主编: 李行健. 第3版. 北京: 外语教学与研究出版社, 2014年. 1848页 / Нормативный словарь современного китайского языка / гл. ред. Ли Синцзянь. 3-е изд. Пекин: Исследования и преподавание иностранных языков, 2014. 1848 с.

Наибольшую долю от общего числа многословных реакций составляют простые словосочетания (22,9 %). Для анализа структуры простых словосочетаний была использована классификация, принятая в китайской лингвистической науке [Коротков, 1968; Сухина, 2013]. Согласно выбранной классификации все словосочетания были распределены по четырем типам: 主谓词组 / *субъектно-предикативные словосочетания*, 动宾词组 / *глагольно-объектные словосочетания*, 并列词组 / *сочинительные словосочетания*, 偏正词组 / *подчинительные словосочетания*.

Среди **подчинительных словосочетаний** (13,5 % от общего числа реакций) наиболее продуктивными выступили две модели: 1) сочетания с обстоятельством 宽厚 / *по-доброму, великодушно*: 宽厚待人 / *относиться к людям с добротой и великодушием* (5); 2) словосочетания с предлогом 对 / *по отношению, к*: 对人友善 / *быть добрым и дружественным к людям* (6). **Глагольно-объектные словосочетания** (5,4 % от общего числа реакций) преимущественно представлены единичными словосочетаниями, в которых стержневым словом выступает глагол 有 / *иметь, обладать*: 有同理心 / *обладать эмпатией* (1), 有品德 / *обладать добропорядочностью* (1), 有礼 / *обладать [знанием] церемоний* (1), 有修养 / *обладать воспитанностью* (1). В меньшей степени реципиенты реагировали субъектно-предикативными словосочетаниями (2 % от общего числа реакций) и сочинительными словосочетаниями (2 % от общего числа реакций). **Субъектно-предикативные словосочетания** представлены единичными сочетаниями с предикатами, выраженными прилагательными 善良/добрый и 高尚/возвышенный, высокий: 内心善良 / *доброта в сердце* (1), 心地善良 / *доброта в сердце (добродушный)* (1); 品德高尚 / *высокая нравственность* (1). **Сочинительные словосочетания** образованы при помощи сочинительных союзов 和 и 与: 善良和宽恕 / *доброта и снисхождение* (1), 宽容和原谅 / *снисхождение и прощение* (1); 智慧与包容 / *мудрость и терпимость* (1).

Отличительной особенностью ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность в китайском языковом сознании является наличие в его структуре устойчивых словосочетаний-фразеологизмов (4 % от общего числа реакций). Больше половины подобных полученных ассоциатов являются афоризмами Конфуция и Мэн-цзы: 己所不欲, 勿施于人 / *Не делай другим того, чего себе не желаешь* (1); 克己复礼[为仁] / *Обуздать себя и вернуться к ли (этикету-культуры) – [это и есть гуманность]* (1); 与人为善 / *Помогать людям в добрых делах* (2). Подобная ситуация доказывает глубокую взаимосвязь исследуемого аксиологического концепта 仁/гуманность с китайской конфуцианской традицией. Помимо устойчивых выражений, связанных с конфуцианским течением, реципиенты также реагировали на слово-стимул при помощи фразеологизмов: 厚德载物 / *Добродетельный муж способен на великие свершения (пожелание успехов в учебе)*» (1); 仁义礼智信 / *пять постоянств праведного человека (гуманность, справедливость, благопристойность, мудрость, доброе намерение)*» (1). Также встретился единичный случай упоминания афоризма Ху Цзиньгао: 以人为本 / *Человек превыше всего*» (1).

Как видно из приведенных выше примеров, ассоциативно-вербальное поле 仁/гуманность включает абсолютное большое число положительных коннотатов. Рассмотрение эмоционально-оценочного значения полученных ассоциатов показало, что участники эксперимента реагировали на слово-стимул исключительно лексическими единицами с положительной коннотацией. При этом функционально-стилистический компонент выражен активным использованием лексико-фразеологических единиц и синтаксических конструкций, свойственных книжно-письменному стилю китайского языка: 博爱 / всеобщая любовь (Мо-цзы) (3); 对他人抱有博爱、善良、平和、友爱 / Относиться к другим людям с [позиции] всеобщей любви (Мо-цзы), с добром, миролюбием и дружбой (1); 有礼 / обладать [знанием] церемоний (1); 己所不欲勿施于人 / Не делай другим того, чего себе не желаешь (1); 克己复礼为仁 / Обуздать себя и вернуться к ли (этикету-культуре) – это и есть гуманность (1).

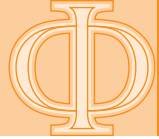
В структуру ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность входят ядерная, околоядерная и периферийная зоны (последняя делится на ближнюю и дальнюю периферию), которые выделены на основании индекса частотности полученных реакций. К ядру ассоциативно-вербального поля отнесены реакции, встречающиеся в ответах реципиентов от 12 и более раз; в околоядерную зону вошли реакции, встречающиеся от 6 до 4 раз включительно; к ближней периферии отнесены реакции с частотностью от 3 до 2 раз; к дальней периферии отнесены единичные реакции.

В ядро ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность входят следующие реакции: 仁爱/человеколюбие (24); 仁慈/милосердие (12); 善良/добрый (12).

Околоядерную зону ассоциативно-вербального поля составляют такие реакции, как: 仁义 / гуманность и справедливость (6); 对人友善 / быть добрым и дружественным к людям (6); 宽厚待人 / относиться к людям с добротой и великодушием (5); 宽容 / мягкий, снисходительный (4).

Ближнюю периферию ассоциативно-вербального поля составляют следующие реакции: 博爱 / всеобщая любовь (по Мо-цзы) (3); 友善 / дружеский (3); 友好/дружба (2); 爱/любовь (2); 与人为善 / помогать людям в добрых делах (2).

К дальней периферии были отнесены такие положительные единичные реакции, выраженные словами, словосочетаниями, устойчивыми выражениями и предложениями, как: 仁政/гуманное правление (1); 仁善/гуманный и добрый (1); 人/человек (1); 真诚/искренний; честный (1); 仁人/гуманный человек (1); 仁厚/великодушный (1); 友爱/ дружба (1); 慈悲/милосердие; сочувствие (1); 人道/человечность (1); 善/хороший (1); 律己/самодисциплина (1); 内心善良/доброта в сердце (1); 心地善良/доброта в сердце (добродушный) (1); 品德高尚/высокая нравственность (1); 具有同理心/обладать эмпатией (1); 有品德/обладать добропорядочностью (1); 有礼/обладать [знанием] церемоний (1); 有修养/обладать воспитанностью (1); 帮助他人/помогать другим людям (1); 关心他人/заботиться о других людях (1); 爱人 любить людей (1); 善良和宽恕/доброта и снисхождение (1); 宽容和原谅/снисхождение и прощение (1);

智慧与包容 / мудрость и терпимость (1); 宽容之心 / снисходительное сердце (1); 普遍的爱 / повсеместная любовь (1); 多人忠诚/верность многих людей (1); 品行端正 / правильное поведение (1); 道德范畴/нравственная категория (1); 相互尊敬 / взаимно уважать (1); 仁慈待人 / относиться к людям с милосердием (1); 对人友善的 / относящийся к людям по-доброму и дружелюбно (1); 对他人友好/быть дружелюбным к другим людям (1); 以人为本/человек превыше всего (1); 己所不欲勿施于人 / не делай другим того, чего себе не желаешь (1); 克己复礼为仁 / обуздать себя и вернуться к ли (этикету-культуры – это и есть гуманность) (1); 厚德载物 / добродетельный муж способен на великие свершения (пожелание успехов в учебе) (1); 仁义礼智信 / гуманность, справедливость, благопристойность, мудрость, доброе намерение (пять постоянств праведного человека) (1); 人和人相互爱护 / взаимная забота между людьми (1); 道德品质高尚 / высокие нравственные качества (1); 人的基本良知 / основополагающее природное (интуитивное) человеческое знание (1); 道德素质高 / высокие нравственные качества (1).

Для восстановления целостного представления о *仁/гуманности* в наивно-языковой картине мира носителей китайской лингвокультуры на заключительном этапе исследования была применена методика семантического гештальта. В результате в структуре ассоциативно-вербального поля *仁/гуманность* были выделены следующие семантические зоны⁴.

1. Сознание, память, знание, воля, мораль:

а) разум, интеллект: 智慧与包容 / мудрость и терпимость (1);

б) соответствие правилам морали и нравственным нормам: 仁爱/человеколюбие (24); 仁慈 / милосердие, милосердный (12); 仁义 / гуманность и справедливость (6); 仁善 / гуманный и добрый (1); 人道/человечность (1); 真诚 / искренний, честный (1); 仁厚/великодушный (1); 慈悲/милосердие, сочувствие (1); 道德素质高 / высокие нравственные качества (1); 道德品质高尚 / высокие нравственные качества (1); 宽容之心 / снисходительность (1); 宽容和原谅 / снисхождение и прощение (1); 仁就是一种大爱是包容是宽厚 / Гуманность – это и есть определенная безграничная любовь, это терпимость, это снисходительность (1);

в) подсознание и интуиция: 人的基本良知 / человеческое основополагающее природное (интуитивное) знание;

г) мысль, ее формы, ее течение; суждение, его строение: 是一种道德范畴 / Это определенная нравственная концепция (1); 儒家的核心思想之一, 仁爱的意思 / Одна из основных идей конфуцианства, обозначает человеколюбие (1); 一种行为准则和思想指导 / Определенные нормы поведения и мировоззренческая установка (1); 仁包含着温和礼貌善良的精神 / Гуманность включает

⁴ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой; Ин-т рус. яз. РАН. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.

в себе идеи мягкости и умеренности, вежливости и доброты (1); 是一种道德范畴 / Это определенная нравственная концепция (1); 古代一种含义广泛的道德观念 / Древняя нравственная концепция, содержащая в себе глубокий смысл (1); 仁是孔子提出的思想观念可以用来形容一个人的品行 / Гуманность – идеологическая концепция, выдвинутая Конфуцием, при помощи которой возможно описать качества и поступки отдельного человека (1); 道德范畴 / нравственная категория (1);

д) мировоззрение, мировосприятие: 人之「仁指」为人的道理和自觉 / Самосознание и принцип хорошего отношения к людям (1).

2. Чувства, эмоциональные состояния и их проявления. Свойства и склад личности:

а) поведение, поступок, манера поведения: 是一种好的令人舒服的态度 / Это определенный хороший подход, [благодаря которому] становится комфортно людям (1); 对待万事万物的一种态度 / Это определенный тип поведения, с которым относятся ко всему сущему в мире (1); 仁是孔子提出的思想观念可以用来形容一个人的品行 / Гуманность – идеологическая концепция, выдвинутая Конфуцием, при помощи которой возможно описать качества и поступки отдельного человека (1); 品行端正 / правильное поведение (1); 人之「仁指」为人的道理和自觉 / самосознание и принцип отношения к людям (1); 一种行为准则和思想指导 / Определенные нормы поведения и мировоззренческая установка (1);

б) чувства и эмоциональные состояния:

– доброта: 善良/доброта (12); 内心善良 / доброта в сердце (1); 心地善良 / доброта в сердце (добродушный) (1); 仁包含着温和礼貌善良的精神 / Гуманность включает в себе идеи мягкости и умеренности, вежливости и доброты (1); 仁就是善心存有善意 / Гуманность – это доброе сердце, преисполненное добрыми намерениями (1); 本义是对人友善相亲后来发展为含义广泛的道德范畴如儒家提倡仁爱仁政等 / Изначальный смысл [включается] в дружеском и добром отношении к людям, впоследствии [концепция] развилась до нравственной категории широкого смысла, например, [к ней относятся] выдвигаемые конфуцианством идеи человеколюбия, гуманного правления (1);

– любовь: 博爱 / Всеобщая любовь (Мо-цзы) (3); 爱 / любовь (2); 普遍的爱 / повсеместная любовь (1); 仁指人与人之间友爱互助 / Гуманность – это дружеская любовь и взаимопомощь между людьми (1); 人与人之间相互有爱帮助 / Взаимная любовь и помощь между людьми (1); 仁就是一种大爱是包容是宽厚 / Гуманность – это и есть определенная безграничная любовь, это терпимость, это снисходительность (1);

в) черты характера, склада личности, душевные свойства и их проявление в поступках, поведении:

– доброе отношение: 对万物抱以善良之心 / Относиться ко всему сущему с добротой в сердце (1); 对他人抱有博爱、善良、平和、友爱 / Относиться к другим людям с [позиции] всеобщей любви (Мо-цзы), с добром, миролюбием и дружбой (1); 仁就是善心存有善意 / Гуманность – это доброе сердце, преисполненное

добрыми намерениями (1); 宽厚待人 / Относиться к людям с добротой и великодушием (5); 对人友善 / Быть добрым и дружественным к людям (6);

– любить людей и все сущее: 爱身边的人或物 / Любить людей и все сущее рядом с человеком (1); 爱人 / любить людей (1); 中华民族传统美德是属于道德层面的人们互相之间团结友爱怀有一颗爱人之心 / Традиционная китайская национальная ценность – это относящаяся к нравственному аспекту взаимная сплоченность и дружба между людьми, [которая заключается] в любви к людям, находящейся в самом сердце (1);

– уважать людей: 相互尊敬 / Взаимно уважать (1); 人与人之间互相尊重不掺杂私欲的互亲互爱 / Взаимное уважение между людьми, с которым не смешиваются личные привязанности (1);

– милосердное отношение: 仁慈待人 / Относиться к людям с милосердием (1).

3. Религия и философские течения:

а) то, что связано с конфуцианством: 儒家的核心思想之一, 仁爱的意思 / Одна из основных идей конфуцианства, обозначает человеколюбие (1); 仁是孔子提出的思想观念可以用来形容一个人的品行 / Гуманность – идеологическая концепция, выдвинутая Конфуцием, при помощи которой возможно описать качества и поступки отдельного человека (1); 本义是对人友善相亲后来发展为含义广泛的道德范畴如儒家提倡仁爱仁政等 / Изначальный смысл [заключается] в дружеском и добром отношении к людям, впоследствии [концепция] развилась до нравственной категории широкого смысла, например, [к ней относятся] выдвигаемые конфуцианством идеи человеколюбия, гуманного правления (1);

4. Социальные связи, отношения и связанные с ними действия, состояния:

а) дружба: 友爱 / дружба (1); 对人友善的 / Относящийся к людям по-доброму и дружественно (1); 对人友善 / Быть добрым и дружественным к людям (6); 人和人之间相亲、相爱、互相尊重 / Дружеские отношения, взаимная любовь и взаимное уважение между людьми (1); 是人与人之间相互友爱、互助、同情 / Это дружба, взаимопомощь и сочувствие между людьми (1); 本义是对人友善相亲后来发展为含义广泛的道德范畴如儒家提倡仁爱仁政等 / Изначальный смысл [заключается] в дружеском и добром отношении к людям, впоследствии [концепция] развилась до нравственной категории широкого смысла, например, [к ней относятся] выдвигаемые конфуцианством идеи человеколюбия, гуманного правления (1); 中华民族传统美德是属于道德层面的人们互相之间团结友爱怀有一颗爱人之心 / Традиционная китайская национальная ценность – это относящаяся к нравственному аспекту взаимная сплоченность и дружба между людьми, [которая заключается] в любви к людям, находящейся в самом сердце (1); 对他人抱有博爱、善良、平和、友爱 / Относиться к другим людям с [позиции] всеобщей любви (Мо-цзы), с добром, миролюбием и дружбой (1); 友善 / дружеский (3); 友好 / дружный, дружеский (2);

б) помощь: 与人为善 / помогать людям в добрых делах (2); 仁指人与人之间友爱互助 / Гуманность – это любовь и взаимопомощь между людьми (1);

人与人之间相互有爱帮助 / *Взаимная любовь и помощь между людьми* (1); 是人与人之间相互友爱、互助、同情 / *Это дружба, взаимопомощь и сочувствие между людьми* (1); 帮助他人 / *Помогать другим людям* (1);

в) забота: 人和人相互爱护 / *Взаимная забота между людьми* (1); 关心他人 / *Заботиться о других людях* (1);

д) прочие социально одобряемые действия: 具有同理心/ *обладать эмпатией* (1); 有同理心/ *обладать эмпатией* (1); 有品德/ *обладать добропорядочностью* (1); 是人与人之间相互友爱、互助、同情 / *Это дружба, взаимопомощь и сочувствие между людьми* (1); 人之「仁指」为人的道理和自觉 / *Самосознание и принцип отношения к людям* (1).

Выводы. Анализ эмпирического материала позволил смоделировать ассоциативно-вербальное поле 仁/гуманность в языковом сознании китайских студентов и выделить в его структуре ядерную, околоядерную и периферийные зоны. В ядре исследуемого поля отражается стереотипированное представление о гуманности как об ответственности перед семьей и страной, высшей нравственной ценности, осуществлении того, что должно. Ассоциативно-вербальное поле 仁/гуманность отличается наличием большого числа синонимичных словосочетаний, обозначающих высокие нравственные качества. Отличительной особенностью представления о гуманности в китайском языковом сознании является его высокая степень персонифицированности.

В структуре семантического гештальта ассоциативно-вербального поля 仁/гуманность были выделены четыре семантические зоны: «сознание, память, знание, воля, мораль», «свойства и склад личности», «религия и философские течения» «социальные связи, отношения и связанные с ними действия, состояния». В языковом сознании китайских студентов закреплён важный дифференциальный признак гуманности – её явная направленность на реализацию социально одобряемой деятельности в соответствии с историко-культурно закреплёнными конфуцианскими практиками. На это указывает наличие в структуре семантических зон «социальные связи и связанные с ними действия» и «религия и философские течения». Таким образом, исследование показало, что исследуемое ассоциативно-вербальное поле концепта 仁/гуманность занимает значимое место в китайской национальной картине мира и относится к важнейшим концептам китайской лингвокультуры.

Библиографический список

1. Алимущкина О.А. Механизмы проявления стереотипизации в ассоциативном поле: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2017. 192 с.
2. Бай Линсяо. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории 幸福 (СЧАСТЬЕ) в китайском языке // Евразийский гуманитарный журнал, 2025. № 4. С. 71–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-assotsiativno-verbalnogo-polya-kategorii-schastie-v-kitayskom-yazyke> (дата обращения: 02.02.2026).

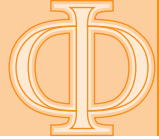

3. Васильева С.П. «Вера», «Надежда», «Любовь» в языковом сознании сибиряков Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 214–220. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vera-nadezhda-lyubov-v-yazykovom-soznanii-sibiryakov-prieniseyskoj-sibiri> (дата обращения: 02.02.2026).
4. Васильев А.Д., Васильева С.П. «Добро – зло» в языковом сознании русских Приенисейской Сибири // North Charleston, SC, USA:CreateSpace, 2015. С. 193–198.
5. Васильева С.П. Семантическое поле «труд» в говорах Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2011. № 3. С. 56–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-trud-v-govorah-prieniseyskoj-sibiri> (дата обращения: 02.02.2026).
6. Гаврилкова Е.А. Сравнительный анализ ассоциативного поля «Семья» в языковом сознании молодежи Красноярского края и европейской части России // Сибирский филологический форум. 2025. № 4. С. 124–134. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-4-124-134. URL: <https://www.sibfil.ru/index.php/sibfil/issue/view/36/pdf38> (дата обращения: 02.02.2026).
7. Горошко Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия ВГПУ. 2005. № 3. С. 53–61.
8. Гросу А.И. Ассоциативно-вербальное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания (на примере лексемы «Добро») // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы X Международного научного конгресса. Симферополь, 2025. С. 913–914. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82695083> (дата обращения: 02.02.2026).
9. Гуц Е.Н. Психолингвистическая и семантическая проблематика классификации некодифицированных вербальных ассоциаций // Вестник ОмГУ. 2005. № 2. С. 82–85.
10. Довголюк М.Н. Ассоциативно-вербальное поле «Армия»: лингвокогнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук: СПб., 2016. 169 с.
11. Долинский В.А. Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: дис. ... д-ра филол. М., 2011. 1173 с.
12. Доменко Н.В. Лексические единицы со вторично-номинативным значением в ассоциативном поле русской языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 183 с.
13. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. 180 с.
14. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка: (Грамматическая природа слова). М.: Наука, 1968. 372 с.
15. Кочекова Е.А., Васильева С.П. Описание ассоциативных полей «Семья», «Дети» «Ассоциативного словаря профессиональной группы “Педагог” Красноярского края» // Молодая наука – 2024: сб. материалов XV Национальной научно-практической конференции с международным участием молодых ученых, аспирантов и студентов: в 4 ч. Ярославль, 2024. С. 280–282. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75196604> (дата обращения: 02.02.2026).

16. Кузина О.А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 458 с.
17. Курдюмов В.А. Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 1 (13). С. 37–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskiy-uroven-kitayskogo-yazyka-kak-izoliruyuschego-topikovogo-suschnost-i-soderzhanie-pozitsii-chastitsy> (дата обращения: 02.02.2026).
18. Лурия А.Р. Речь и мышление. М.: Изд-во МГУ. 1975. 120 с.
19. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ. 1979. 319 с.
20. Мельникова А.Ю., Цао Божань. Ассоциативно-вербальные поля концепта «Мудрость» в русской и китайской языковых картинах мира // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 4. С. 30–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=88751533>
21. Низамутинова Т.М. Ассоциативное поле «сила»: эволюция содержания // Сибирский филологический форум. 2020. № 2 (10). С. 108–115.
22. Сухина Ю.С. Количественный анализ структурных типов китайских сокращений // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 62. С. 149–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyu-analiz-strukturnyh-tipov-kitayskih-sokrascheniy> (дата обращения: 02.02.2026).
23. Шалгина Е.А., Подгаец А.М. Психологически актуальное содержание базовой ценности МИЛОСЕРДИЕ/CHARITÉ в русской и французской лингвокультурах // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2. С. 70–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheski-aktualnoe-soderzhanie-bazovoy-tsennosti-miloserdie-charit-v-russkoy-i-frantsuzskoy-lingvokulturah> (дата обращения: 02.02.2026).
24. Шевченко С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 272 с.
25. 吕叔湘. 汉语语法分析问题. 汉语语法论文集, 北京, 1984 (1), 481–571页. [Люй Шусян. Проблемы анализа грамматики китайского языка: сб. ст. по грамматике китайского языка. Пекин, 1984. Вып.1. С. 481–571].
26. 吕文华. 短语词的划分在对外汉语教学中的意义[J]. 语言教学与研究, 北京, 1999 (3). 53–65页 [Люй Вэньхуа. О разграничении словосочетаний в преподавании китайского как иностранного // Преподавание и исследование языка. Пекин, 1999. № 3. С. 53–65.

Сведения об авторе

Бирюлина Екатерина Андреевна – старший преподаватель кафедры восточных языков, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: ekaterinabir2015@gmail.com

ASSOCIATIVE-VERBAL FIELD OF 仁/ HUMANENESS IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF CHINESE STUDENTS (BASED ON A FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

E.A. Biryulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The study of associative-verbal fields of world-modelling and axiological concepts is a current and relevant task in modern linguistics. The object of this research is the associative-verbal field of 仁/humaneness in the linguistic consciousness of Chinese university students who identify themselves as bearers and transmitters of Chinese linguaculture. This approach allows for a projection of their linguistic consciousness and reveals the most significant worldview, moral, and ethical attitudes inherent to bearers of Chinese national linguaculture.

The purpose of the article is to model and analyze the associative-verbal field of 仁/humaneness in the linguistic consciousness of Chinese students.

Methodology (materials and methods). The empirical data consisted of responses obtained through free associative experiments conducted for the 1st to 4th-year students at seven universities in the People's Republic of China. During the research stage, methods for modelling an associative-verbal field and constructing a semantic gestalt were applied.

Research results. The paper analyzes 392 associative responses. The analysis of associative behavior identified the main types of associative responses, as well as key patterns in female and male associative response patterns. The modelling of the associative-verbal field of 仁/humaneness demonstrated that its structure comprises a core, a near-core zone, and a peripheral zone (the latter being subdivided into near and far periphery).

Conclusion. The study has revealed the structure and content of the associative-verbal field of 仁/humaneness in the linguistic consciousness of Chinese students. The defining features of humaneness, in addition to specific moral qualities (kindness, responsiveness, humanity, compassion, mercy, tolerance, justice), also include socially approved activities and actions aligned with historically and culturally established Confucian practices (help, care, support, charity).

Keywords: *associative experiment, associative behavior, associative-verbal field, associative response, humaneness-ren, psycholinguaculturology, linguistic consciousness.*

References

1. Alimushkina, O.A. *Mekhanizmy proiavleniia stereotipizatsii v assotsiativnom pole [The mechanisms of stereotyping manifestation in the associative field]*. Barnaul, 2017. 192 p.
2. Bai Lin'xiao. Modelirovanie assotsiativno-verbal'nogo polia kategorii 幸福 (SCHAST'E) v kitaiskom iazyke [Modelling the associative-verbal field of the category 幸福 (HAPPINESS) in the Chinese language]. In: *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 2025, 4, 71–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-assotsiativno-verbalnogo-polya-kategorii-schastie-v-kitayskom-yazyke> (access date: 02.02.2026).

3. Vasil'eva, S.P. “Vera”, “Nadezhda”, “Liubov” v iazykovom soznanii sibiriakov Prieniseiskoi Sibiri [“Faith”, “Hope”, “Love” in the linguistic consciousness of Siberians of the Yenisei Siberia]. In: *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva [Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University Bulletin]*, 2015, 32 (2), 214–220. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vera-nadezhda-lyubov-v-yazykovom-soznanii-sibiryakov-prieniseyskoy-sibiri> (access date: 02.02.2026).
4. Vasil'ev, A.D., Vasil'eva S.P. Dobro – zlo v yazykovom soznanii russkikh Prieniseyskoy Sibiri [Good – Evil in the linguistic consciousness of the Russians of the Yenisei Siberia]. In: *North Charleston, SC, USA: CreateSpace*, 2015, 193–198.
5. Vasil'eva, S.P. Semanticheskoe pole “trud” v govorakh Prieniseiskoi Sibiri [The semantic field “labour” in the dialects of the Yenisei Siberia]. In: *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva [Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University Bulletin]*, 2011, 3, 56–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-trud-v-govorah-prieniseyskoy-sibiri> (access date: 02.02.2026).
6. Gavrilkova, E.A. Sravnitel'nyi analiz assotsiativnogo polia “Sem'ia” v iazykovom soznanii molodezhi krasnoiarskogo kraia i evropeiskoi chasti rossii [Comparative analysis of the associative field “Family” in the linguistic consciousness of youth in the Krasnoyarsk region and the European part of Russia]. In: *Sibirskii filologicheskii forum [Siberian Philological Forum]*, 2025, 4, 124–134. DOI: 10.24412/2587-7844-2025-4-124–134. URL: <https://www.sibfil.ru/index.php/sibfil/issue/view/36/pdf38> (access date: 02.02.2026).
7. Goroshko, E.I. Problemy provedeniia svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta [Problems of conducting a free associative experiment]. In: *Izvestiia VGPU [Izvestia of Vologda State Pedagogical University]*, 2005, 3, 53–61.
8. Grosu, A.I. Assotsiativno-verbal'noe pole kak sposob modelirovaniia fragmenta iazykovogo soznaniia (na primere leksemy “Dobro”) [The associative-verbal field as a method for modelling a fragment of linguistic consciousness (on the example of the lexeme “Kindness”)]. *Filologiya. Sotsial'naiia i natsional'naiia variativnost' iazyka i literatury. Materialy X Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa [Philology. Social and national variability of language and literature. Proc. 10th Int. Sci. Congr.]*. Simferopol, 2025, 913–914. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82695083> (access date: 02.02.2026).
9. Guts, E.N. Psikholingvisticheskaia i semanticheskaia problematika klassifikatsii nekodifitsirovannykh verbal'nykh assotsiatsii [Psycholinguistic and semantic issues of classifying non-codified verbal associations]. In: *Vestnik OmGU [Omsk University Bulletin]*, 2005, 2, 82–85.
10. Dolgoliuk, M.N. *Assotsiativno-verbal'noe pole “Armiia”: lingvokognitivnyi aspekt [The associative-verbal field “Army”: linguocognitive aspect]*. Sankt-Peterburg, 2016. 169 p.
11. Dolinskii, V.A. *Modelirovanie verbal'nykh assotsiativnykh polei v kvantitativnoi lingvistike [Modelling verbal associative fields in quantitative linguistics]*. Moscow, 2011. 1173 p.

12. Domenko, N.V. *Leksicheskie edinit'sy so vtorychno-nominativnym znacheniem v assotsiativnom pole russkoi iazykovoï lichnosti [Lexical units with secondary-nominative meaning in the associative field of the Russian linguistic personality]*. Moscow, 2005. 183 p.
13. Karaulov, Iu.N. *Aktivnaia grammatika i assotsiativno-verbal'naia set' [Active grammar and the associative-verbal network]*. Moscow, 1999. 180 p.
14. Korotkov, N.N. *Osnovnye osobennosti morfologicheskogo stroia kitaiskogo iazyka: (Grammaticheskaiia priroda slova) [Main features of the morphological structure of the Chinese language: (The grammatical nature of the word)]*. Moscow, Nauka, 1968. 372 p.
15. Kočekova, E.A., Vasil'eva, S.P. Opisanie assotsiativnykh polei "Sem'ia", "Deti" "Assotsiativnogo slovaria professional'noi gruppy "Pedagog" Krasnoïarskogo kraia" [Description of the associative fields "Family", "Children" from the "Associative Dictionary of the Professional Group 'Teacher' in the Krasnoyarsk Region"]. *Molodaia nauka-2024. Sbornik materialov XV Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem molodykh uchenykh, aspirantov i studentov. V 4-kh chastyakh* [Young Science-2024. Proc. 15th Natl. Sci.-Pract. Conf. with Int. Particip. of Young Scientists, Postgraduates and Students. In 4 parts]*. Iaroslavl, 2024, 280–282. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75196604> (access date: 02.02.2026).
16. Kuzina, O.A. *Semanticheskie i assotsiativnye polia turizma kak otrazhenie fragmentov iazykovogo soznaniia i kartin mira russkikh, nemtsev i amerikantsev [Semantic and associative fields of tourism as a reflection of fragments of the linguistic consciousness and worldviews of Russians, Germans and Americans]*. Barnaul, 2006. 458 p.
17. Kurdiunov, V.A. Morfologicheskii uroven' kitaiskogo iazyka kak izoliruiushchego topikovogo. Sushchnost' i sodержanie pozitsii chastitsy [The morphological level of the Chinese language as an isolating topical one. The essence and content of the particle position]. In: *Vestnik MGPU. Seria: Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoie obrazovanie [Moscow City University Bulletin. Series: Philology. Theory of Language. Language Education]*, 2014, 13 (1), 37–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfologicheskii-uroven-kitayskogo-yazyka-kak-izoliruyushchego-topikovogo-sushchnost-i-soderzhanie-pozitsii-chastitsy> (access date: 02.02.2026).
18. Luriiia, A.R. *Rech' i myshlenie [Speech and thinking]*. Moscow, Izd-vo MGU, 1975. 120 p.
19. Luriiia, A.R. *Iazyk i soznanie [Language and consciousness]*. Moscow, Izd-vo MGU, 1979. 319 p.
20. Mel'nikova, A.Iu., Tsao Bozhan'. Assotsiativno-verbal'nye polia kontsepta "Mudrost'" v russkoi i kitaiskoi iazykovykh kartinakh mira [Associative-verbal fields of the concept "Wisdom" in the Russian and Chinese linguistic worldviews].

- In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2025, 4, 30–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=88751533> (access date: 02.02.2026).
21. Nizamutina T.M. Assotsiativnoe pole sila: evolyutsiya sodержaniya [The associative field of power: evolution of content]. In: *Sibirskiy filologicheskiy forum* [Siberian Philological Forum], 2020, 2 (10), 108–115.
 22. Sukhina, Iu.S. Kolichestvennyi analiz strukturnykh tipov kitayskikh sokraschenii [Quantitative analysis of structural types of Chinese abbreviations]. In: *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Amur State University Bulletin. Series: Humanities], 2013, 62, 149–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyy-analiz-strukturnyh-tipov-kitayskih-sokrascheniy> (access date: 02.02.2026).
 23. Shalgina, E.A., Podgaets, A.M. Psikhologicheski aktual'noe sodержanie bazovoi tsennosti MILOSERDIE/ CHARITÉ v russkoi i frantsuzskoi lingvokul'turakh [Psychologically relevant content of the basic value MILOSERDIE/ CHARITÉ in Russian and French linguocultures]. In: *Evraziiskii humanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2021, 2, 70–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheski-aktualnoe-soderzhanie-bazovoy-tsennosti-miloserdie-charit-v-russkoy-i-frantsuzskoy-lingvokulturah> (access date: 02.02.2026).
 24. Shevchenko, S.N. *Strukturnaia spetsifika assotsiativnogo polia leksicheskikh edinits, oboznachaiushchikh poleznye iskopaemye, kak proiavlenie semanticheskikh razlichii leksem* [Structural specificity of the associative field of lexical units denoting minerals as a manifestation of semantic differences of lexemes]. Moscow, 2017. 272 p.
 25. Lü, Shuxiang. Hanyu yufa fenxi wenti [Problems of Chinese grammar analysis]. In: *Hanyu yufa lunwenji* [Collected Papers on Chinese Grammar], Beijing, 1984, 1, 481–571.
 26. Lü, Wenhua. Duanyuci de huafen zai duiwai Hanyu jiaoxue zhong de yiyi [On the distinction of phrases in teaching Chinese as a foreign language]. In: *Yuyan jiaoxue yu yanjiu* [Language Teaching and Linguistic Studies], Beijing, 1999, 3, 53–65.

About the author

Biryulina, Ekaterina A. – Senior Lecturer, Department of Oriental Languages, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ekaterinabir2015@gmail.com

УДК 81-112

ДИНАМИКА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ Г.А. ЧЕРКАСОВОЙ)

С.П. Васильева (Красноярск, Россия)

Мен Юань (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Концепт «семья», будучи, по определению В.Н. Телия, концентратом базовых ценностей и «проекцией коллективного идеала» этноса, находится в постоянном движении, чутко реагируя на изменения в обществе. Следовательно, изучение его эволюции требует источников, способных зафиксировать как инвариантное ядро, так и исторически изменчивые смыслы.

Цель исследования – провести комплексный структурно-семантический и диахронический анализ ассоциативного поля «Семья» на материале данных основных ассоциативных словарей русского языка («Словарь ассоциативных норм русского языка» – САНРЯ, «Русский ассоциативный словарь» – РАС, «Славянский ассоциативный словарь» – САС), интегрированных в «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» (РСпАС), с целью реконструкции динамики семейных ценностей в русском языковом сознании второй половины XX в.

Материалом статьи стал «Русский сопоставительный ассоциативный словарь», посвященный исследованию языкового сознания и языковой картины мира носителей русского языка.

Методы исследования – психолингвистический, семантический, элементы количественного, сопоставительный, лингвокультурологический.

Результаты анализа – авторами статьи осуществлен комплексный диахронический анализ ассоциативного поля «Семья» на материале трех основных ассоциативных словарей русского языка (САНРЯ, РАС, САС), интегрированных в Русский сопоставительный ассоциативный словарь (РСпАС). На основе обработки нескольких тысяч ассоциативных реакций, полученных в период с 1976 по 2000 г., были выявлены, систематизированы и сопоставлены структурные компоненты поля (ядро, околядерная зона, периферия) и прослежена их трансформация на протяжении ключевых исторических периодов. Установлены основные тенденции эволюции концепта, включая психологизацию, индивидуализацию и динамику представлений о семье в русском языковом сознании второй половины XX в.

Выводы. Ассоциативное поле «Семья» обладает сложной иерархической структурой с устойчивым инвариантным ядром и динамичной периферией, чутко реагирующей на социальные изменения. Эволюция концепта в XX в. шла по пути деидеологизации и психологизации: от акцента на структурных и коллективных аспектах к доминированию эмоциональных и личностных ценностей (*любовь, счастье, взаимопонимание*).

Ключевые слова: семья, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, ассоциативный словарь, языковая картина мира, психолингвистика, лингвокультурология.

Постановка проблемы. Ассоциативные словари, аккумулирующие массовые реакции носителей языка и позволяющие проследить трансформацию языкового сознания во времени, являются ценным источником динамических процессов языкового сознания.

Однако существующие исследования часто носят фрагментарный характер, ограничиваясь либо синхронным срезом, либо анализом отдельных временных периодов. Это создает методологический пробел в понимании того, как именно менялись содержание и структура одного из ключевых культурных концептов под влиянием таких масштабных процессов, как деидеологизация общества, переход к рыночной экономике, трансформация гендерных ролей и семейных моделей.

Задачи исследования заключаются в выявлении и объяснении диахронических изменений в структуре и содержании ассоциативного поля «Семья» в русском языковом сознании в период социальных трансформаций (1960–2000-е) и конкретизируются в следующих вопросах:

- какие компоненты концепта остаются инвариантными на протяжении данного временного отрезка?
- в каком направлении трансформируются ядро и периферия ассоциативного поля?
- как социально-исторический контекст (советский, постсоветский периоды) отражается в ассоциативных реакциях?

Цель исследования – провести комплексный структурно-семантический и диахронический анализ ассоциативного поля «Семья» на материале данных основных ассоциативных словарей русского языка («Словарь ассоциативных норм русского языка» – САНРЯ, «Русский ассоциативный словарь» – РАС, «Славянский ассоциативный словарь» – САС), интегрированных в «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» (РСпАС), с целью реконструкции динамики семейных ценностей в русском языковом сознании второй половины XX в.

Материалом статьи стал «Русский сопоставительный ассоциативный словарь», посвященный исследованию языкового сознания и языковой картины мира носителей русского языка.

Методы исследования – психолингвистический, семантический, элементы количественного, сопоставительный, лингвокультурологический.

Обзор научной литературы. Важнейшим этапом в развитии психолингвистики стало появление специальных ассоциативных тезаурусов, в которых результаты исследований фиксируются в строго систематизированном порядке. «С точки зрения психолингвистической технологии ассоциативный словарь возникает в результате анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного эксперимента и содержит данные как о прямых (от стимула к реакции), так и об обратных (от реакции к стимулу) связях между словами...» [Уфимцева, 2011, с. 228].

Появление ассоциативной лексикографии стало возможным благодаря развитию компьютерных технологий. Обработка с помощью программного обеспечения результатов массовых ассоциативных экспериментов, проведенных

в разные периоды и на разных территориях, на основе сопоставления данных позволяет проводить исследования глубинных процессов языкового сознания, трансформаций языковой картины мира. Наиболее значимым толчком для развития ассоциативной лексикографии стал Русский ассоциативный словарь (РАС) под редакцией Ю.Н. Караулова, вслед за которым появилось целое «семейство ассоциативных словарей», как бумажных, так и в виде баз данных, размещенных в Интернете. Это и «Славянский ассоциативный словарь» (САС) на базе болгарского, белорусского, русского и украинского языков, дополненный Польским и Сербским ассоциативными словарями, как часть все еще не завершенного проекта по созданию ассоциативных словарей всех славянских языков. Это «Немецко-русский ассоциативный словарь» и «Ассоциативные нормы испанского и русского языков», большой Французский ассоциативный словарь, который «живет» в виде базы данных на сайте Новосибирского госуниверситета. Это и целая серия ассоциативных словарей народов России: Якутский ассоциативный словарь, Хакасский ассоциативный словарь, Ассоциативный словарь татарского языка (заканчивается компьютерная обработка), это ассоциативные словари латышского, казахского, украинского и других языков [Уфимцева, Черкасова, 2014, с. 194].

Ю.Н. Караулов характеризует «Русский ассоциативный словарь» как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности [Караулов, 1994, с. 190]. Е.Ф. Тарасов, описывая актуальные проблемы анализа языкового сознания, отмечает, что ассоциативное поле (экспериментально создаваемый артефакт) можно поставить в один ряд с такими формами фиксации общенационального словаря, как академические грамматики и толковые словари [Тарасов, 2000, с. 24].

Оценивая возможности ассоциативных словарей, исследователи отмечают: «...происходят определенные изменения в структуре ассоциативных полей, в психолингвистических значениях отдельных слов, в языковом сознании испытуемых в целом. Эти изменения происходят неравномерно, какие-то участки языкового сознания меняются быстрее, какие-то остаются стабильными на протяжении длительного времени. Данные изменения вызваны в первую очередь внешними причинами – изменениями в образе жизни людей, в политическом строе и экономической ситуации, в структуре общественных и социальных отношений, существующих в обществе» [Старостина, 2021, с. 126].

Результаты анализа и обсуждение. Одним из первых тезаурусов стал «Словарь ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ, 1977) под редакцией А.А. Леонтьева. Этот труд, как отмечал сам редактор, не только фиксировал устойчивые парадигматические и синтагматические связи слов, но и раскрывал «характерные лингвокультурологические связи, знание которых основано на многолетнем речевом опыте носителей языка» (САНРЯ, 1977, с. 4–5). Материалы для словаря собирались в течение 1969–1972 гг., результатом чего стало получение от 60 до 150 реакций на 100 слов-стимулов. К сожалению, в данном словаре слово «семья» не представлено в качестве стимула, но его ассоциативное значе-

ние можно выявить имплицитно. Наиболее близкие с точки зрения семантики стимулы *мать, отец, дочь, сын, бабушка, ребенок, дом*. «Семья» в роли ассоциации фигурирует в ассоциативных полях следующих стимулов: *дом* (9), *фамилия* (10), *помогать* (5), *потерять* (3), *школа, мать* (3); *комната, положение* (2); *papa* (2), *ребенок, дочь* (1) (САНРЯ, 1977).

Есть несколько возможных причин, почему данного стимула нет в ассоциативном словаре 1977 г. Во-первых, в 1970-е гг. исследователи сосредоточились на фундаментальных стимулах, среди которых рассматривались родственные отношения (*мать, отец, дети*), пространственные концепты (*дом*), социальные идентификаторы (*фамилия*). Таким образом, семья рассматривалась как производное понятие, складывающееся из элементарных компонентов. Во-вторых, обработка данных производилась вручную, что ограничивало объем исследуемых стимулов.

Следующей вехой стало создание «Русского ассоциативного словаря» (РАС) под редакцией Ю.Н. Караулова (1994), который значительно расширил масштабы исследования. В эксперименте участвовали свыше 11 тысяч респондентов из всех регионов России, что позволило зафиксировать реакции на более чем 6000 стимулов и создать обширную базу из 100 тысяч ассоциаций. По определению Ю.Н. Караулова, этот словарь представляет «коллективное обыденное сознание» носителей русского языка [Караулов, 1999].

Для более глубокого понимания выявленных закономерностей целесообразно обратиться к репрезентативному лексикографическому источнику: Г.А. Черкасова «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» (далее – РСпАС). Данный словарь представляет особую ценность для нашего исследования, поскольку он содержит 253 статьи «Прямого словаря (от стимула к реакции)»; интегрирует данные трех ассоциативных экспериментов, проведенных с интервалом 10–20 лет начиная с 1967 г.; объединяет материалы предыдущих лексикографических проектов: «Словаря ассоциативных норм русского языка» А.А. Леонтьева, «Русского ассоциативного словаря» и «Славянского ассоциативного словаря».

РСпАС позволяет реконструировать ассоциативно-вербальную модель языкового сознания носителей русского языка в динамике, охватывающей период с конца XX до начала XXI в., что позволяет провести сравнительный анализ эволюции языкового сознания на протяжении 40-летнего периода.

Русский сопоставительный ассоциативный словарь – это «Прямой словарь: от стимула к реакции», в котором можно выделить три части, полученные по множеству стимулов, повторившихся: 1) в САНРЯ и РАС; 2) в РАС и САС; 2) во всех трех словарях. Эти части объединяются сводным алфавитным списком слов-стимулов.

Словарные статьи Прямого словаря РСпАС построены по тем же принципам, что и словарные статьи известных словарей САНРЯ, РАС и САС. Но есть отличие, которое вызвано следующим фактом: количество испытуемых по отдельным стимулам в разных ассоциативных опросах колеблется в значительных пределах: для САНРЯ – от 180 до 773, для РАС – от 108 до 1056, только в САС

оно почти одинаковое (около 600). Поэтому в Русском сопоставительном ассоциативном словаре для реакций даны две частоты встречаемости: абсолютная частота, или количество ответивших респондентов, и относительная.

Словарная статья прямого словаря РСПАС включает:

– *заголовочное слово* – СТИМУЛ, расположено в центре отдельной строки. За ним в отдельных абзацах следуют словарные статьи этого стимула из трех или двух словарей, начинающиеся с *условных обозначений*: САНРЯ – L, РАС – R, САС – S.

Каждый из абзацев содержит *реакции* на стимул, расположенные по мере убывания абсолютной частоты, выделенной жирным шрифтом, и относительной частоты, заключенной в квадратные скобки, которые указываются после реакции, если лишь она имеет такую частоту встречаемости в ответах испытуемых.

В конце словарной статьи приводятся количественные показатели, напечатанные полужирным курсивом. Всего шесть показателей, среди которых:

- *первое число* указывает общее количество полученных реакций на слово-стимул;
- *второе* – количество разных реакций;
- *третье* – количество испытуемых, не указавших в анкете реакцию на стимул, что трактуется как отказ;
- *четвертое число* – это количество единичных реакций, то есть ответов данных только одним из респондентов или с частотой 1;
- *пятое* – количество реакций на слово-стимул, повторившихся во всех словарях, поэтому оно одинаковое для всех приведенных словарей;
- *шестая* – число оригинальных реакций в соответствующем словаре, т.е. ассоциатов, не встретившихся в других опросах.

Так, например, **СЕМЬЯ** в РАС имеет помету «631+198+4+138 // 59+140»: получено реакций 631, количество разных реакций 198, отказались 4, единичные реакции 138 // одинаковых реакций 59, 140 индивидуальных реакций.

СЕМЬЯ в САС – «593+171+13+115 // 59+113»: получено реакций 593, разных реакций 171, отказались 13, единичные реакции 138 // одинаковых 59, 113 индивидуальных реакций (Черкасова, 2008).

Финальным шагом развития словарных источников стало создание «Славянского ассоциативного словаря» (САС, 2004), составленного на 112 взаимно эквивалентных стимулах по результатам ассоциативного эксперимента, проведенного в 1998–1999 гг. методом анкетирования на родном языке испытуемых – носителями белорусского, болгарского, русского и украинского языков.

Для сопоставления отдельных временных срезов использована шрифтовая разметка слов-реакций. Реакции, повторившиеся в трех опросах, выделены жирным шрифтом. Реакции, полученные в любых двух экспериментах, даны курсивом. Если реакция не имеет выделений, то она встретилась только в одном эксперименте, т.е. «оригинальная», а число таких ассоциатов фиксируется последним числом в количественных показателях (Черкасова, 2008).

Для сопоставления обратимся к данным словаря РАС, чтобы выявить ассоциативные составляющие семантического поля «Семья». На основании количественных показателей частотности выделим ядро, околоядерную зону и периферию для удобства анализа (табл. 1).

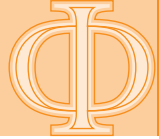
Таблица 1

Ассоциативное поле «Семья» в РАС

Реакции	Ядро	Околоядерная зона	Периферия
Большая	82		
Дружная	63		
Дети	37		
Дом	27		
Моя	27		
Школа	17		
Мама	14		
Крепкая	12		
Счастливая	11		
Любовь	10		
Распалась	10		
Ячейка	10		
Муж		8	
Очаг		7	
Родная		7	
Дружба		6	
Многодетная		6	
Ячейка общества		6	
Брак		5	
Наша		5	
Хорошая		5	
Люди		4	
Ребенок		4	
Родители		4	
Тепло		4	
			Около 140 единичных реакций

Ядерные составляющие поля формируют круг ключевых компонентов, отражающих базовые представления о семье в русском языковом сознании конца XX в. Наибольшую частотность демонстрируют реакции:

– *большая* (82) – количественная характеристика, свидетельствующая о сохранении культурной значимости традиционной многопоколенной семьи, несмотря на тенденцию к нуклеаризации. Семантический объем этой реакции включает идеал семейного единства и родовой преемственности;

– *дружная* (63) – ключевая качественная характеристика, акцентирующая важность гармоничных отношений и психологического климата в семье. Высокая частотность этой реакции указывает на эмоционально-психологическую доминанту в восприятии семьи;

– *дети* (37) – центральный элемент семейной структуры, подтверждающий значимость репродуктивной функции семьи. Данная ассоциация сохраняет свою ядерную позицию, подчеркивая детоцентричность русской семейной модели;

– *дом* (27), *моя* (27) – пространственно-идентификационные характеристики, маркирующие семью как личное, интимное пространство. Реакция «моя» свидетельствует о персонализации концепта, в то время как «дом» отражает его физическое и символическое воплощение;

– *мама* (14), *крепкая* (12), *счастливая* (11) – эмоционально-оценочные характеристики, конкретизирующие идеальный образ семьи. Особенно показательно сочетание качественных (*крепкая*) и эмоциональных (*счастливая*) параметров;

– *любовь* (10), *распалась* (10), *ячейка* (10) – амбивалентный комплекс реакций, отражающий переходный характер семейных ценностей в 1990-е гг. Соседство позитивной *любви*, кризисной *распалась* и идеологической *ячейки* демонстрирует сложность и противоречивость восприятия института семьи в этот период.

Околоядерная зона включает компоненты, развивающие и конкретизирующие ядерные значения:

– структурные элементы: *муж* (8), *родители* (4), *ребенок* (4) – конкретизация семейных ролей и состава;

– символические образы: *очаг* (7), *тепло* (4) – метафорическое осмысление семьи как источника душевного тепла;

– социально-идеологические компоненты: *ячейка общества* (6), *общество* (3) – отражение советского идеологического наследия;

– количественно-качественные характеристики: *многодетная* (6), *хорошая* (5), *молодая* (3) – вариативное описание семейных моделей.

Периферийная зона демонстрирует исключительное семантическое богатство и включает разнообразные аспекты:

– позитивные коннотации: *благополучие*, *гармония*, *взаимопонимание*, *защита*;

– кризисные явления: *неполная*, *плохая*, *развод*, *скандал*, *проблемы*;

– социальная стратификация: *аристократов*, *депутата*, *колхозников*, *художника*;

– метафорические модели: *крепость*, *оплот*, *тыл*;

– бытовые аспекты: *ужин*, *круглый стол*, *домашний уют*.

Особого внимания заслуживает наличие диаметрально противоположных оценок в периферийной зоне: от высоких духовных ценностей (*благочестивая*, *союз любящих*) до сугубо бытовых (*молоко*, *чай*) и резко негативных (*ненавижу*,

порочна) ассоциаций. Эта смысловая поляризация отражает сложный, переходный характер восприятия института семьи в российском обществе 1990-х гг.

Славянский ассоциативный словарь состоит из двух частей – *Прямого словаря* и *Обратного словаря*.

Обратимся к данному словарю, чтобы выявить ассоциативные составляющие семантического поля «Семья» для носителей русского языка. Выделим ядро, околядерную зону и периферию для удобства анализа (табл. 2).

Таблица 2

Ассоциативное поле «Семья» в САС

Реакции	Ядро	Околядерная зона	Периферия
Моя	57		
Большая	50		
Дети	48		
Дом	42		
Дружная	33		
Любовь	21		
Счастье	15		
Родители		12	
Счастливая		11	
Очаг		10	
Крепкая		9	
Мама		9	
Ячейка		9	
Уют		8	
Добро		7	
Тепло		7	
Брак		6	
Родная		5	
Родня		5	
Хорошо		5	
Гармония			4
Благополучие			4
Единство			4
Защита			4
Искренность			4
Обязанность			4
Ответственность			4
Развод			4
Тяжело			4
Оковы			4
Рутин			4
Муж			4
Жена			4
Брат			4
Дочь			4
Сын			4
Крепость			3
Оплот			3
Тыл			3
Ячейка государства			3

Анализ данных ассоциативного эксперимента, приведенного в «Славянском ассоциативном словаре» Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой, Ю.Н. Караулова, Е.Ф. Тарасова (САС, 2004), позволяет реконструировать структуру и содержательное наполнение семантического поля «Семья» в русском языковом сознании 1998–1999 гг. Полученные результаты демонстрируют сложную многоуровневую организацию данного концепта.

Ядерные составляющие поля формируются вокруг базовых концептов, отражающих универсальные представления о семье. Наибольшую частотность имеют реакции:

- *моя* (57) – семья воспринимается не как абстрактный социальный институт, а как глубоко личное пространство (в целом данное притяжательное местоимение является одной из самых распространенных реакций (на 18 месте) среди всех других в словаре на различные стимулы (279). Оно также занимает первенство для стимулов «Родина» и «Мать»);

- *большая* (50) – количественная характеристика традиционной семьи, отражающая устойчивую связь с традиционной моделью многопоколенной семьи. Эта ассоциация сохраняет культурную значимость, несмотря на современную тенденцию к нуклеаризации семейной структуры. Семантический объем этой реакции включает идеал семейного единства и ценность родовой преемственности, что подчеркивает следующая реакция.

- *дети* (48) – центральность ассоциации подтверждает репродуктивную функцию семьи и ее важность среди населения;

- *дом* (42) – отражает как физическое пространство существования семьи, так и символическое, где мыслятся очаг и уют;

- *дружная* (33), *любовь* (21), *счастье* (15) – положительные эмоционально-оценочные характеристики, подчеркивающие важность семьи в психологическом плане.

Околоядерная зона включает компоненты, конкретизирующие и развивающие ядерные значения:

- социальные роли: *родители* (12), *мама* (9);
- качественные характеристики: *счастливая* (11), *крепкая* (9), *родная* (5);
- символические образы: *очаг* (10), *тепло* (7);
- социально-идеологические компоненты: *ячейка* (9), *ячейка общества* (6).

Периферийная зона демонстрирует исключительное семантическое богатство и включает разнообразные аспекты:

- положительные коннотации: *благополучие*, *гармония*, *взаимопонимание*, *защита*;

- конфликтные смыслы: *развод*, *проблема*, *тяжело*, *оковы*;

- социальные роли: *муж*, *жена*, *отец*, *брат*;

- метафорические модели: *крепость*, *оплот*, *тыл*.

Особого внимания заслуживает наличие диаметрально противоположных оценок в периферийной зоне: от высоких духовных ценностей (*свято, спасение*) до сугубо бытовых (*ужин за столом, кухня*) и даже негативных (*скандалы, рутинна*) ассоциаций.

Полученные данные позволяют убедительно продемонстрировать, как в русском языковом сознании сочетаются универсальные семейные ценности с культурно обусловленными особенностями и индивидуальными смысловыми фрагментами.

Проведенный анализ на основе шрифтовой разметки РСПАС позволяет выявить *динамику трансформации* концепта «Семья» в русском языковом сознании за период с 1967 по 2000 г.

Инвариантное ядро концепта (реакции, выделенные жирным шрифтом – присутствуют во всех трех временных срезах). Устойчивый семантический каркас составляют следующие ассоциации:

- **дети** – сохраняет статус центрального элемента семейной структуры;
- **родители** – неизменная значимость межпоколенных связей;
- **дом** – устойчивое восприятие семьи как пространственно локализованного единства.

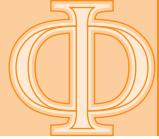
Переходные элементы (реакции, выделенные курсивом, – присутствуют в двух временных срезах – РАС и САС). Наблюдается динамика в качественных характеристиках:

- *большая* (82) → (50) актуальность многодетной модели постепенно снижается;
- *дружная* (63) → (33) эмоциональная гармония сохраняет высокую значимость;
- *моя* (27) → (57) увеличение индивидуализации концепта;
- *любовь* (10) → (21) рост важности эмоциональной составляющей.

Очевидно, что «Семантическое поле, окружающее доминантные концепты культуры, не статично. Его периферия особенно чувствительна к социальным изменениям, тогда как ядро демонстрирует удивительную устойчивость, выполняя функцию культурного стабилизатора» [Уфимцева, 1996, с. 147].

Ассоциативные словари зафиксировали ключевой переход 1990-х гг., характеризующийся семантической амбивалентностью: одновременным сосуществованием в языковом сознании идеализированного образа (*дружная, счастливая*) и кризисных сценариев (*распалась, развод*). К концу века происходят относительная стабилизация и унификация представлений о семье, что отражает завершение острой фазы социальной трансформации и становление новой, более рефлексивной модели семейных ценностей в русской лингвокультуре.

Таким образом, диахронический анализ ассоциативного поля подтверждает, что концепт «Семья» является не статичным, а динамическим образованием, служащим точным индикатором глубинных социокультурных трансформаций.

Таким образом, эволюция ассоциативного поля «Семья» в 1990–2000 гг. демонстрирует:

1) стабильность базовых ценностей при трансформации периферийных элементов;

2) рост рефлексивного отношения к институту семьи, выражающийся в увеличении отказов от реакции;

3) формирование определенного спектра семейных ценностей в языковом сознании к концу XX в.: инвариантное ядро (дети, родители, дом), переходные элементы (*большая, дружная, моя, любовь*).

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь (АТРЯ). Кн. 1–6. М.: Помовский и партнеры, 1994–1999. Кн. 6. URL: <https://studfile.net/preview/3962920/page:87/> (дата обращения: 02.02.2026).
2. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1. С. 190–218.
3. Старостина Е.В. Ассоциативный словарь как материал для изучения динамики языкового сознания // Лексикография цифровой эпохи: сб. материалов Международного симпозиума (24–25 сентября 2021 г.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 125–127. DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-40
4. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. М., 2000. С. 24–32.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры, 1996. 289 с.
6. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 139–162.
7. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
8. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4 (38). С. 193–199.

Список словарей

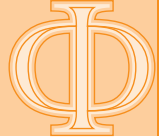
1. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. 192 с. (СНРЯ).

2. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. I: От стимула к рекции. 784 с. (РАС).
3. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с. (САС).
4. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М.: ИЯз РАН, 2008. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>

Сведения об авторех

Васильева Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: sileva@kspu.ru

Мэн Юань – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: Larisa0523@icloud.com

DYNAMICS OF THE *FAMILY* ASSOCIATIVE FIELD IN MID-TO-LATE 20TH CENTURY (BASED ON THE RUSSIAN COMPARATIVE ASSOCIATIVE DICTIONARY BY G.A. CHERKASOVA)

S.P. Vasilyeva (Krasnoyarsk, Russia)
Meng Yuan (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The concept of ‘family’, as defined by V.N. Telia, as a concentrator of basic values and a “projection of the collective ideal” of an ethnic group [Telia, 1996, p. 215], is in constant flux, sensitively responding to changes in society. Therefore, studying its evolution requires sources capable of capturing both its invariant core and its historically variable meanings.

The purpose of this study is to conduct a comprehensive structural-semantic and diachronic analysis of the *family* associative field using data from the main associative dictionaries of the Russian language (the Dictionary of Associative Norms of the Russian Language – DANRL, the Russian Associative Dictionary – RAD, and the Slavic Associative Dictionary – SAD), integrated into the Russian Comparative Associative Dictionary (RCAD). This analysis aims to reconstruct the dynamics of family values in Russian linguistic consciousness in mid-to-late 20th century.

The article draws on the Russian Comparative Associative Dictionary (RCAD), which studies the linguistic consciousness and linguistic worldview of native Russian speakers.

Research methods include psycholinguistic, semantic, quantitative, comparative, and linguacultural methods.

Research results. The authors conducted a comprehensive diachronic analysis of the *family* associative field using data from three main associative dictionaries of the Russian language (DANRL, RAD, SAD), integrated into the Russian Comparative Associative Dictionary (RCAD). Based on the processing of several thousand associative responses obtained between 1967 and 2000, the structural components of the field (core, near-core zone, periphery) were identified, systematized, and compared, and their transformation was traced across key historical periods. Key trends in the evolution of the concept were identified, including psychologization, individualization, and the dynamics of ideas about family in Russian linguistic consciousness in mid-to-late 20th century.

Conclusions. The *family* associative field has a complex hierarchical structure with a stable, invariant core and a dynamic periphery that is sensitive to social change. The evolution of the concept in the 20th century followed the path of de-ideologization and psychologization: from an emphasis on structural and collective aspects to the dominance of emotional and personal values (love, happiness, mutual understanding).

Keywords: *family, associative field, associative experiment, linguistic picture of the world, psycholinguistics, linguacultural studies.*

References

1. Karaulov, Yu.N., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. *Assotsiativnyy tezaurus russkogo yazyka: Russkiy assotsiativnyy slovar' (ATRYa)* [Associative Thesaurus of the Russian Language: Russian Associative Dictionary]. Books 1–6. Moscow,

- Pomovskiy i partnery Publ., 1994–1999. Available at: <https://studfile.net/preview/3962920/page:87/> (access date: 02.02.2026).
2. Karaulov, Iu.N. Russkii assotsiativnyi slovar' kak novyi lingvisticheskii istochnik i instrument analiza iazykovoi sposobnosti [The Russian associative dictionary as a new linguistic source and a tool for analyzing language ability]. In: *Karaulov Iu.N., Sorokin Iu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Assotsiativnyi tezaurus russkogo iazyka: Russkii assotsiativnyi slovar'. Kn. 1.* [Associative thesaurus of the Russian language: Russian associative dictionary. Book 1]. Moscow, Pomovskii i partnery, 1994, 190–218.
 3. Starostina, E.V. Assotsiativnyi slovar' kak material dlia izucheniia dinamiki iazykovogo soznaniia [An associative dictionary as material for studying the dynamics of linguistic consciousness]. In: *Leksikografiia tsifrovoi epokhi: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo simpoziuma (24–25 sentiabria 2021 g.)* [Lexicography of the digital age: Proc. Int. Symp. (September 24–25, 2021)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, 125–127. DOI: 10.17223/978-5-907442-19-1-2021-40
 4. Tarasov, E.F. Aktual'nye problemy analiza iazykovogo soznaniia [Topical problems of analyzing linguistic consciousness]. In: *Iazykovoie soznanie i obraz mira: sbornik statei* [Language consciousness and the image of the world: collection of articles]. Moscow, 2000, 24–32.
 5. Teliia, V.N. Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguo-cultural aspects]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 1996. 289 p.
 6. Ufimtseva, N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniia [Russians: the experience of another self-knowledge]. In: *Etnokul'turnaia spetsifika iazykovogo soznaniia* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness]. Institut iazykoznaniiia RAN, 1996, 139–162.
 7. Ufimtseva, N.V. *Iazykovoie soznanie: dinamika i variativnost'* [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. Moscow, Institut iazykoznaniiia RAN, 2011. 252 p.
 8. Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A. Assotsiativnaia leksikografiia i issledovaniia iazykovogo soznaniia [Associative lexicography and studies of linguistic consciousness]. In: *Filologiia i kul'tura. Philology and Culture*, 2014, 4 (38), 193–199.

About the authors

Vasilyeva, Svetlana P. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

Meng Yuan – PhD Candidate, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: Larisa0523@icloud.com

УДК 821.221.18

«ИРОН АМБИСÆНДТÆ» (1976) – ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

И.А. Кодзати (Владикавказ, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Заявленная тема актуальна, но недостаточно изучена. Сборник «Ирон амбисæндтæ» можно назвать энциклопедией жизни осетинского народа – проявлением поэтического гения осетинского языка.

Цель исследования – раскрыть источники, структуру и содержание сборника.

Научная новизна заключается в ключевом выводе, не озвученном до сих пор. Это первый и наиболее полный академический свод осетинского афористического фольклора.

Решение поставленных задач предполагает применение различных *методов* исследования: описательный, лингвокультурологический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования. Доказано, что сборник «Ирон амбисæндтæ» представляет собой богатейший материал для изучения осетинского уклада жизни во всех его проявлениях, реконструкцию старого быта, духовный «кодекс», который регламентировал жизнь осетинского народа.

Выводы. Сборник «Ирон амбисæндтæ» воплощает гибкость ума, силу языка, выработанную опытом жизни практическую народную философию. Это итог великой творческой работы народного сознания.

Ключевые слова: свод осетинского афористического фольклора, одно эпическое целое, осетинская образная речь, практическая народная философия.

Постановка проблемы. В 1976 г. вышла из печати книга «Осетинские пословицы и поговорки» [Ирон амбисæндтæ, 1976] (далее – ИÆ), фрагменты которой печатались в журнале «Мах дуг» в 1974–1976 гг.¹ Составителем сборника является ученый-филолог Казбек Цицкаевич Гутиев.

Ученый поставил перед собой трудную задачу – создать свод, единое эпическое целое из разрозненных частей осетинского народного эпоса, пословиц, поговорок и речений, создать нечто целое, как сам народ. Пословицы – первая ступень.

В своем отчете за 1976 г. К. Цицкаевич так объяснял замысел будущей книги: «Принцип построения этой книги пословиц таков, чтобы дать развернутое изображение явлений осетинской жизни и быта, духовной культуры народа

¹ Ирон амбисæндтæ [Осетинские пословицы и поговорки] // Мах дуг. 1974. № 1–8, 10–12; 1975. № 1–3, 6–8, 11; 1976. № 1–3.

«Мах дуг» [Наше время, Наша эпоха] – литературный журнал на осетинском языке, издаваемый во Владикавказе с 1934 г.

и создать, таким образом, из рассеянных по многочисленным источникам, разрозненных элементов осетинской образной речи одно общее начало, одно эпическое целое» [Кодзати, 2025, с. 210–211].

Настоящий сборник самый полный. Его можно читать как книгу, цельную вещь. Во всем своем блеске и величии раскрывается осетинский мир, осетинская вселенная. Единая ткань восстановлена бережно.

Осетинские пословицы дают множество сведений об укладе жизни, быте пахарей и скотоводов, их занятиях, хозяйстве, старинных нравах, обрядах, суевериях, нормах обычного права, явлениях природы, метеорологических приметах, наблюдениях над природой.

* * *

Первые записи пословиц были сделаны в 50-х гг. XIX в. Даниилом Чонкадзе. Они появились в печати сначала в «Бюллетене Императорской Академии наук» в самом начале 60-х г. XIX в.² Потом были опубликованы в 1868 г. в «Осетинских текстах» А.А. Шифнера (ими начинается книга). Василий Цораев, автор замечаний к записанным Д. Чонкадзе пословицам, приводит и другие их варианты. Богатством содержания и академическим тщанием отличаются даже мелкие заметки Цораева [Осетинские тексты..., 1868].

Народные изречения у Д. Чонкадзе расположены (это можно заметить при внимательном чтении) по тематическому признаку. Следует примерно такой тематический ряд: *Ӕрдз – Фос – Цӕрӕгойтӕ – Хӕдзар – Бинонтӕ – Лымӕн – Знаг – Хорз – Ӕвзӕр – Ӕмбисӕндтӕ* (о природе; пословицы, касающиеся семейных и общественных отношений, и в самом конце приведены пословицы о пословицах).

Много поговорок рассеяно по Осетинско-русско-немецкому словарю Всеволода Федоровича Миллера Т. I–III (Миллер, 1927–1934). Словарь помогает читателю понять смысл пословиц. В этом словаре – фразеология Цоцко Амбалова.

Один из первых, кто понял значение для истории и науки фольклорной речи – Георгий Васильевич (Гаппо) Баев. Коллекция его пословиц и загадок вышла из печати в 1900 г. во Владикавказе в типографии Шувалова³.

В 1924 г. Елбыздыко Гутновым изданы «Осетинские веселые рассказы и старинные пословицы», собранные Агубечиром Быдтаевым и Бимболатом Бтемировым⁴.

Пословицы вошли в буквари Стефана Мамитова⁵ и Гагуза Гуриева⁶.

² Далее указана литература, изданная до 1976 г.

³ Ирон ӕмбисӕндтӕ ӕмӕ уыци-уыцитӕ [Осетинские пословицы и загадки]. Дзӕуджыхъӕу, 1900 г. 32 ф. (на осет. яз.).

⁴ Бдтаты А., Бтемыраты Б. Ирон хӕлдзӕг ныхӕстӕ ӕмӕ фыдӕлты ӕмбисӕндтӕ [Осетинские веселые рассказы и старинные пословицы] / раудзӕг Гутнаты Е. Берлин; Дзӕу-джыхъӕу, 1924. 68 ф. (на осет. яз.) Книга переиздана в 1998 г.

⁵ Мамытты С. Сывӕллӕтты чиныг [Букварь]. I–II хӕйттӕ. Батум, 1908. (на осет. яз.).

⁶ Гуыриаты Г. Райдайӕн чиныг [Букварь]. Дзӕуджыхъӕу, 1924. 72 ф. (на осет. яз.).

В 1936 г. увидел свет «Фольклор Южной Осетии», в 1955 г. – «Осетинские пословицы», изданные Госиздатом Юго-Осетии по азбучной системе. А в 1962 г. выходят на русском языке «Осетинские пословицы и поговорки» в переводе З.В. Абаевой [Хуссар Ирыстоны фольклор, 1936; Ирон æмбисæндтæ, 1955; Осетинские пословицы..., 1962].

Из любительских коллекций народных афоризмов наибольший интерес представляют собрания материалов Лазо Туаева и Дудара Бегизова.

Сгруппированы по смыслу, расположены по тематическому принципу пословицы, собранные З.М. Салагаевой во 2-м томе «Осетинского народного творчества» [Ирон адæмы сфæлдыстад, 1961].

Сотни и тысячи пословиц, поговорок, речений, фразеологических единиц были извлечены составителем «Ирон æмбисæндтæ» из необозримых записей осетинского фольклора всех без исключения жанров. Главное внимание уделено текстам нартовского эпоса. Нет почти ни одного раздела в сборнике, где бы не упоминались нарты.

«Пословицы, поговорки, всякие общеупотребительные обороты, фразеологические выражения, образную осетинскую речь я записывал давно, еще на школьной скамье, потом, когда учительствовал, когда учился в Институте. Я не вел никогда никаких подсчетов и не знаю, какое именно количество записал их по слуху, в устных беседах. Но скажу, что за многие годы у меня как-то само собой выработалась привычка мгновенной фиксации услышанной пословицы в мозгу. Записываю я потом. Могу совершенно точно вспомнить, где, при каких обстоятельствах, у кого записана та или иная пословица»; «...на протяжении десятилетий я вел картотеку. В запасе у меня целые ящики заполненных карточек...», – рассказывал составитель в личной беседе (Из личного архива И.К.).

Цель исследования – раскрыть источники, структуру и содержание сборника «Ирон æмбисæндтæ».

Решение поставленных задач предполагает применение различных *методов* исследования: описательный, лингвокультурологический, сравнительно-сопоставительный.

Результаты исследования. Книга построена так, что пословицы, поговорки и разные фразеологические единицы осетинской образной речи распределены по наиболее значительным темам, раскрывающим сущность жизни и борьбы.

Составитель отказался от принципа алфавитного расположения пословиц и выдвинул принцип предметной группировки, по смыслу и значению (*сæ хъуыды 'мæ сæ анмæ гæсгæ: æрдз, философи, истори*). «Здесь народные воззрения по поводу одного предмета являются собранными вместе и выражают народный взгляд во всем объеме. При таком порядке расположения пословиц становится вполне ясным тот иносказательный, иногда непонятный, смысл, в котором говорится в речи пословица, фигурально прикрывающая свою глубокую истину» [Иллюстров, 2019, с. 136–137].

Надо было определить темы осетинской афористической поэзии, дать главам точные и ясные названия из фонда самого языка и ничего не привносить из другой сферы, ничего не выдумывать, пренебречь готовыми русскими эталонами.

Пословицы подобраны и систематизированы так, что смысл их понятен. И нет надобности в предисловии.

Объяснения непонятных выражений и слов даны рядом в скобках и набраны курсивом.

Названия рубрик подсказаны самим материалом – самой жизнью и самим языком.

Архитектоника (внешняя форма строения) книги включает взаимосвязь ее частей, их единство (Пролог. Главы. Эпилог). Композиция свода (внутреннее) – расположение и развитие деталей носит новаторский характер. Поэтику этой книги, искусство ее построения мы сегодня не будем рассматривать, со временем ее будут изучать.

Первый раздел – слово. Это как бы экспозиция, пролог. Пословицы начинают рассказывать о себе, о силе слова, будто намекая на то, о чем пойдет речь дальше – об искусстве слова. Потом – взгляд народа на человека от рождения до смерти. Все идет по спирали. Завершается книга взглядом народа на мир и природу. И наконец, эпилог – о времени, о вечном круговороте жизни, никогда не прекращающейся жизни на земле и во вселенной.

Принятый принцип раскрывает богатство и разнообразие пословиц осетинского народа, сохраняя жизненную правду. Рубрики объединяют противоположные понятия: *хорз – фыд* ‘добро – зло’; *уарзт – фыдаех* ‘любовь – ненависть’; *магуыр – хъаздыг* ‘бедный – богатый’; *тагъд – сындаг* ‘быстро – медленно’; *заеронд – ӕвзонг* ‘старый – молодой’; *знаг – лымаен* ‘враг – друг’; *цӕлает – маелат* ‘жизнь – смерть’. Суть – утверждение и отрицание, распределение пословиц по оси. В одних случаях это выражено в заглавии. Если оно не выражено в заглавии, принцип сохраняется. Противоречия пословично-поговорочной поэзии порождены самой жизнью.

Все пословицы и поговорки в сборнике расположены в 106 рубриках (циклах, разделах). На свадьбе, на похоронах эпическая поэзия разыгрывалась во всем своем древнем разгуле. Рубрика: *Чындзаехсӕв* ‘Свадьба’. Семейное право (*Мад. Фыд. Заӕнаг* ‘Мать. Отец. Потомство’). Семья первоначально (да и теперь) употреблялась в смысле жены (*бинойнаг*). Просто и ясно определяют пословицы понятие о собственности (*Исбон. Мулк* ‘Имущество. Достаток’). В наружности человека обращают на себя внимание глаза (*Конд ӕмае уынд* ‘Портрет и внешность’). Охота как подобие войны. Это не досужая потеха, люди кормились охотой. Охота – в разделе *Ныфс ӕмае* ‘*хсар* ‘Надежда и отвага’’. Царство растительное, животное, характеристика дня и ночи, времен года (*Дунейы цард ӕмае ардз* ‘Жизнь вселенной и природа’). Высокий трагический смысл цикла *Цӕлает ӕмае маелат* ‘Жизнь и смерть’.

В конце сборника обычно дается предметный указатель, где бывают обозначены предметы, к которым относятся пословицы и поговорки. При посредстве этого указателя можно отыскивать пословицы и поговорки, касающиеся одного и того же предмета. В данной книге нет в этом надобности – есть оглавление.

Впервые сделана классификация разнообразнейшего образного материала, осетинских пословиц и поговорок. Составилась цельная картина, в которой есть глубочайший смысл – свод народной мудрости, свод заветов седой старины. Сборник – ценный вклад в осетинскую культуру.

Æмбисæндтæ – ‘пословицы’ – в сборнике составляют и количественно, и качественно самую важную ее часть.

Пословица – это «краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт» [Аникин, 1957, с. 14]. Осетинские пословицы сами подчеркивают:

1) краткость речи: *Дæргъвæтин ныхасæй адæм фæлмæцынц* ‘Длинная речь утомляет людей’. *Иу ныхас кæдæм цæуы, сæдæ ныхасы дæр уырдаем цæуынц* ‘Куда доходит одно слово, туда дойдет и сотня слов’;

2) поучительный характер пословиц: *Æмбисондхæссаг – зондамонæг* ‘Пословица – наставник/учитель’;

3) силу слова: *Ныхас мæрдтæй ыздæхы* ‘Слово возвращается из царства мертвых’;

4) их древность и социально-исторический опыт: *Æмбисæндтæ фыдæлтæй баззæдысты* ‘Пословицы сохранились от предков’. Это важно: в устах народа слово *æмбисæндтæ* всегда рядом с другим словом *фыдæлтæ* ‘предки’. «*Фыдæлтæ ‘мбисæндтæ*», – говорят в народе;

5) их правдивость и непререкаемость: *Æмбисæндтæ ‘цæг ысты* ‘Пословицы – правдивы’. *Фыдæлтæ ныхæстæ раст ысты* ‘Слова прадедов истинны’. *Фыдæлтæ ‘мбисæндтæм фау хæссæн нæй* ‘Пословицы, пришедшие от предков нельзя порицать’ [ИÆ, 1976, с. 3].

От пословиц отличаются поговорки, которые приближаются к идиоме, к ходовому обороту речи и не имеют резко выраженного поучительного, дидактического характера. Поговорка – без притчи, без заключения. Вот несколько примеров поговорочных выражений: *йæ удæй арт цæгъды* ‘высекает огонь из души’; *амонд бæхыл бады* ‘счастье (фортуна) улыбается’.

«Поговорки, не заключая в себе полного смысла, выражают только намек, применение, уподобление, сравнение, общеупотребительный оборот речи» [Снегирев, 2014, с. 31]: *сурбыл* ‘болтливый’ [ИÆ, 1976, с. 10]; *тæнзæрдæ* ‘мягкосердечный’ [ИÆ, 1976, с. 279]; *куыдзы зæрдæ* (букв.: собачье сердце) ‘доброе сердце’ [ИÆ, 1976, с. 199].

Поговорки лишены характера законченного суждения и поучительности. «Отличие поговорки от пословицы сам народ видит в том, что поговорка – это

украшение речи – цветок, тогда как пословица – суждение полное, завершенное, зрелое – ягодка» [Аникин, 1957, с. 15].

Поговорка – поэтический, т.е. иносказательный, образ, простое иносказание несложного сцепления. Поговорка – элемент басни или пословицы. Насколько человек пьян? – Поговорка отвечает: *цъæх-цъæхид расыг ысси* ‘напился до зеленого змия’, про пьяницу говорят *арахъхъы лалым* ‘бурдюк араки (водка, самогон)’ [ИÆ, 1976, с. 125].

Пословицы касаются всех сторон народной жизни – внешний и внутренний быт, обычай, право, суд и общественный строй, мораль, семейная жизнь. Здесь и календарь, и юридические формулы, и агрономические указания, и приметы.

«Понятию “пословицы” я даю расширительное толкование. Я поставил перед собой задачу систематизировать и издать материалы осетинского афористического фольклора, показать уменье народа складно, образно выражать свои мысли», – объяснял свой замысел в устной беседе К.Ц. Гутиев (Из личного архива И.К.).

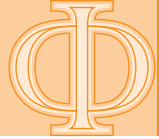
Осетинское «æмбисонд» – понятие широкое и включает в себя собственно притчу, пословицу и басню. Например, Коста Леванович Хетагуров басни свои в «Ирон фандыр»-е ‘Осетинской лире’ называл *æмбисаендтæ* («*Булкъ æмæ мыд*» ‘Мед и редька’, «*Марходараæг*» ‘Постыющийся’, «*Уайдзæф*» ‘Упрек’, «*Саг æмæ уызын*» ‘Олень и еж’).

Многие пословицы указывают на свое эпическое происхождение. Это пословицы о Нартах. Более трех сотен насчитали мы их в собрании К.Ц. Гутиева. Древняя пословица – часть народного эпоса. Входит в него или заимствуется из него.

В пословицах – следы давно отживших верований. Древние обряды выродились, но крепкая память пословицы сохранила главное. Согласно народным верованиям, если первенцу-девочке смазать пяточки медом или маслом, то у родителей после нее обязательно рождались мальчики. Эту примету поддерживают народные благопожелания: *Уæ чызг сойкъах фæуæд!* ‘Да будет ваша дочь с масляной ногой’; *Уæ чызг дзыккакъах фæуæд, йæ фæста лæппутæ куыд гуыра!* ‘Да будет ваша дочь с ногой, смазанной дзыкка (осетинское блюдо), пусть после нее родятся мальчики!’ [ИÆ, 1976, с. 21].

С пословицами никак не могут быть отождествлены прибаутки, скороговорки, суеверия и приметы, приговорки или пустоговорки. Все они имеют к пословицам косвенное отношение. Отнесение их к пословицам условно. Они – разновидность народной образной речи.

Любой этнос обладает комплексом обычаев и законов, укладом жизни, хранимыми и освященными традицией, что отличает его от других народов. Обычаи и обряды, как известно, являются своего рода хранителями культурных традиций прошлого. Целый ряд обычаев добавлен в книгу. Они тоже не являются собственно пословицами. Обычаи набраны курсивом.

В течение многих тысячелетий осетины свято ценили *обычай клятвоприношения*. Клятва (присяга) служила «залогом к открытию истины».

В серьезных жизненных испытаниях сильные, волевые, мужественные люди, поддерживая, помогая друг другу, проявляли свои лучшие качества. Клятва в верности, взаимоподдержке, взаимопомощи лежит в осетинском обряде побратимства, ср. концепт *æрдхорд* < *ард* ‘клятва’ + *хорд* < *хæрын* ‘есть’) ‘названный брат’, ‘побратим’, ‘связанный клятвой’.

До середины XX в. этот обряд был широко распространен в быту осетин, имеет древнейшую историю и, конечно, не мог не сохраниться в языке. Скифский обряд побратимства описывается Геродотом, изображен на археологическом памятнике и сводится к следующему: при свидетелях в бокал с вином и каплями своей крови опускают оружие, обращаясь к Богу, произносят клятву и выпивают содержимое бокала в знак верности данному слову.

У осетин существовал устойчивый ритуал: побратимы трижды выпивали из одного бокала, наполненного аракой или пивом. Предварительно в стакан бросали золотую или серебряную монету, после чего произносилась клятва: *Ацы нузæн мын марг фæуæд, æмæ мæ ацы ‘взисты фыдæх уæд, æз дæу ме фсымæрæй фылдæр куы нæ уарзон*. ‘Пусть этот напиток станет для меня отравой, пусть эта монета напоится злобой, если я не полюблю тебя больше брата!’» [Осетинские тексты..., 1868, с. 54].

На протяжении веков менялись формы данного обряда, но оставалась неизменной по своей внутренней жизненной силе и магическому значению словесная клятва.

Благопожелания (благословения), проклятия, причитания распределены по рубрикам. Дивное осетинское благословение, которым с порога встречали гостя: *Узæг – Хуыцауы узæг* (букв.: гость – Божий гость), благопожелание хозяина дома гостю, передающее «Да хранит тебя Бог!» [ИÆ, 1976, с. 159]; *Дæ нузæнæй дæ сæр кадджындæр уæд!* ‘Да будет твоя честь выше славы кубка!’ [ИÆ, 1976, с. 119].

Осетины придавали большое значение предсвадебным и свадебным обрядам, способствующим появлению наследников. В молитвах и благопожеланиях звучала об этом просьба к Богу: *О Хуыцау, æнæ байзæддагæй нæ ма амар!* ‘О, боже, не оставь нас без потомства!'; *Цæринаг лæппу дын райгуырд!* ‘Да родится у тебя здоровый мальчик!’ [ИÆ, 1976, с. 21]; *Сæ ног чындзы сын Хуыцау лæппуты мад фæкæнæд!* ‘Пусть Бог поможет молодой невестке стать матерью мальчиков!’ [ИÆ, 1976, с. 33].

Пословицы – «это скрижали, уцелевшие в течение веков, в которых народ написал свою политическую деятельность» [Цит. по: Иллюстров, 2019, с. 19]. Неписаная книга, куда каждое поколение записывает опытом добытые истины. Теперь она пусть будет писаной.

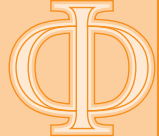
В пословице, с одной стороны, отрывочные намеки на мифологию, с другой – на исторические предания.

Образное выражение *Судзга фæбадай!* (букв: ‘пребывай/сиди в огне!’) по смыслу – проклятие, но иногда выражает сострадание [ИӔ, 1976, с. 340]. Может, это надо понимать буквально? Обычай сожжения мертвецов. Жгли, очевидно, в сидячем положении. Вербальная формула из приплачки *Судзга фæбадон!* ‘Горе мне!; ‘Сяду я, жгуче (рыдая)’ (букв.: ‘сидеть мне в огне/горении’); *Мае судзга маердтыстæн!* ‘Клянусь своими (жгучими, причиняющими жгучую скорбь) самыми сокровенными покойниками!’ – типичная женская клятва [ИӔ, 1976, с. 19]; *Цæстытæ артмæ ныддарын* (букв: ‘держат/удерживать/глаза над огнем’ [ИӔ, 1976, с. 250]; *Сагъдау баззайын* ‘остаться как вкопанный’ – состояние неподвижности, оцепенения от ужаса, страха, удивления и др. Ср. русск.: «стоит как вкопанный»; *Мае сæр (къубал) лыгмæ дæдтын* ‘Голову (шею) даю на отсечение’; ср. русск.: давать/дать (отдавать) голову под топор; давать голову на отсечение (Мокиенко, 2007, с. 141). Сейчас это метафоры. А может, несколько веков тому назад все это понималось буквально?

1373 и 1376 гг. связывают с опустошительными походами хана Мамая на русские земли. Известно, что татарский хан Мамай провел тотальную мобилизацию взрослых мужчин по всему Северному Кавказу, собирая силы перед Куликовской битвой. Сохранилась осетинская поговорка – *Мам дæ хæры* ‘Мам тебя съест’. Так осетинки пугали детей. Что же это такое, если не Мамай?! Прошли века со времен монгольского нашествия, но предания об ужасах войны живы в этой языковой формуле. Разгромом его орды войсками Дмитрия Донского в 1380 г. кончилось татарское иго на Руси. Татарская нарицательная трактовка: слово «мамай» в тюркских языках значит «чудовище, которым пугают детей». Наричательная ассоциация – грозный, страшный человек. Переход имени собственного в имя нарицательное.

Сравним поговорки в русском языке с именем Мамаю: *Как Мамай прошел по дому...* (в значении ‘большой беспорядок’); *Мамай воевал* (в значении ‘грубый и нахрапистый человек, чинящий беспорядок’) (Мокиенко, 2005, с. 173).

Осетинские предания повествуют, что в начале XVII в. персидский шах Аббас I (1557–1628) через Дарьял по дороге Чми – Кани – Карца вторгся в Аланию. Дойдя до Зарамага, Аббас Великий был вынужден вернуться в Предкавказские степи, так как аланы-осетины оказали активное сопротивление. Мечте грозного завоевателя не суждено было сбыться: ни Кавказ целиком, ни горную Аланию он покорить не сумел [Бзаров, 2022, с. 163]. Эти исторические события послужили образной основой для возникновения осетинских пословиц: *Сах Зæрæмæджы дуарæй раздæхти* ‘Шах вернулся назад от Зарамагских дверей’; *Сах (вариант: маликк) дæр ма Зæрæмæджы уæзæгæй аздæхт/раздæхт* ‘Даже шах (малик) вернулся назад от Зарамагского утеса’; *Маликк дæр ма Зæрæмæджы уæзæгæй куы аздæхт, уæд ды не здахыс?* ‘Даже малик повернул назад от Зарамагского утеса, а ты не собираешься возвращаться (домой)?’ Ср. аналог.: *Лæг паддзахы дуарæй дæр ыздæхы* ‘Человек даже от государевых врат, поворачивает назад (обратно)’

[ИÆ, 1976, с. 132]. Ср. русск.: «пуститься в обратный путь, повернуть оглобли»; «быть на возвратном пути»; «собираться восвояси».

Во второй половине XIX в. складываются устойчивые выражения, посвященные участию осетин в русско-турецкой войне (в боях за Карс): *Кæд Хъарсы фидар нæу!*; *Кæд Хъарсы фидар нæу, мыййаг!* ‘Это же не крепость Карс’; *Исты мын Хъарсы фидар басаста!* ‘Как будто (словно) покорил крепость Карс!’ – так говорят о не в меру ретивом человеке-бахвале, который, находясь вдали от опасностей, хвастается своей храбростью. Выражение имеет иронический характер [ИÆ, 1976, с. 219].

Эти поговорки связаны с конкретным историческим событием. Речь идет о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Война была объявлена и началась 12 (24) апреля 1877 г. Начало обложения Карса относится уже к маю 1877. «В рядах русских войск, приступивших к осаде Карса, было много осетин»⁷. Крепость была взята русскими войсками в начале ноября 1877 г. и до 1918 г. оставалась за Россией, затем отошла к Турции.

Пословицы, поговорки, проклятия, благопожелания, клятвы, приговорки, скороговорки, дразнилки, считалки, речения и др. живут одной жизнью, и нет смысла дробить их. Смежный материал – немногочислен. И не отодвигает пословицы и поговорки на второй план. Именно пословицы определяют название книги: «Ирон æмбисæндтæ».

Выводы. Гибкость ума, сила языка, выработанная опытом жизни практическая народная философия. Это итог великой творческой работы народного сознания. У нас не было бы никакого представления об осетинской древней философии, если б не сохранились нартовский эпос и осетинская афористическая поэзия.

Сокровищница народной мудрости и богатств народного языка – вот что такое этот сборник. Выражаясь осетинскими пословицами: *Аргъ кæмæн нæй, ахæм хæзна. Ирон адæмы стыр хæзна.*

Библиографический список

1. Аникин В.П. Пословицы и поговорки // Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: ГУПИ Минпрос РСФСР, 1957. 240 с.
2. Бзаров Р.С. История Алании. Владикавказ: Мидуат, 2022. 448 с.
3. Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок / сост., предисл. и алфавит. указ. И.Н. Кузнецов. М.: Русская цивилизация, 2019. 912 с.
4. Ирон адæмы сфæлдыстад. Дыууæ томы [Осетинское народное творчество: в 2 т.] / чиныг сарæзта Салæгаты З. Орджоникидзе: Ир, 1961. Т. II. 692 ф. (на осет. яз.). Переиздано в 2007 г.

⁷ Санакоев М.П. Страницы боевой дружбы (Осетины в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.). Цхинвал: Ирыстон, 1975. С. 99.

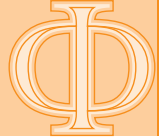
5. Ирон ӕмбисӕндтӕ [Осетинские пословицы]. Сталинир: Хиррауагъдад, 1955. 156 ф. (на осет. яз.).
6. Ирон ӕмбисӕндтӕ [Осетинские пословицы и поговорки] (ИӔ) / ӕрӕмбырд сӕ кодта ‘мӕ чиныг сарӕзта Гуытӕиаты Хъ. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 ф. (на осет. яз.) (ИӔ).
7. Кодзати И.А. Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Мах дуг»: история и современность // Археология, этнография и языки Кавказа – 5: сб. материалов и исследований по истории науки. СПб., 2025. Вып. 28. DOI: 10.25990/archiveras.pchelina.kwkp-2g34
8. Мокиенко В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 3-е изд., перераб. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005. 256 с.
9. Осетинские пословицы и поговорки / перев. с осет. З.В. Абаева. Цхинвал: Госиздат Юго-Осетии, 1962. 142 с.
10. Осетинские тексты, собранные Д. Чонкадзе и В. Цораевым / изд. акад. А.А. Шифнер. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/83373#mode/inspect/page/5/zoom/4> (дата обращения: 15.04.2025).
11. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 528 с. URL: https://rusinst.su/docs/books/I.M.Snegirev-Russkie_narodnye_posloviцы_i_pritch_i.pdf (дата обращения: 23.05.2025).
12. Хуссар Ирыстонь фольклор [Фольклор Южной Осетии]. Сталинир, 1936. 611 ф. (на осет. яз.).

Список словарей

1. Миллер Вс.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Л.: Изд-во АН СССР. 1927. Т. I. 618 с.; 1929. Т. II. 1176 с.; 1934. Т. III. 1730 с.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.

Сведения об авторе

Кодзати Ирида Ахсаровна – научный сотрудник отдела традиционной культуры и фольклора, Институт истории и археологии РСО-А (Владикавказ); e-mail: arvardyn@mail.ru

IRON ÆMBISÆNDTÆ (1976) – ENCYCLOPEDIA OF THE OSSETIAN PEOPLE’S LIFE

I.A. Kodzati (Vladikavkaz, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The stated topic is relevant, but insufficiently studied. The collection *Iron æmbisændtæ* can be called an encyclopedia of the life of the Ossetian people – a manifestation of the poetic genius of the Ossetian language.

The purpose of this research is to reveal the sources, structure, and content of the collection.

The scientific novelty lies in the key conclusion that has not been voiced before. This is the first and most comprehensive academic compilation of Ossetian aphoristic folklore.

The solution of the set tasks involves the use of various research *methods*: descriptive, linguo-cultural, and comparative.

Research results. It is proved that the *Iron æmbisændtæ* collection is a rich material for the study of the Ossetian way of life in all its manifestations, the reconstruction of the old way of life, the spiritual ‘code’ that regulated the life of the Ossetian people.

Conclusions. The the *Iron æmbisændtæ* collection embodies the flexibility of the mind, the power of language, and the practical folk philosophy developed by the experience of life. This is the result of the great creative work of the national consciousness.

Keywords: *Ossetian aphoristic folklore collection, one epic whole, Ossetian figurative speech, practical folk philosophy.*

References

1. Anikin, V.P. *Poslovitsy i pogovorki* [Proverbs and Sayings]. In: *Russkie narodnye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskii fol’klor* [Russian Folk Proverbs, Sayings, Riddles and Children’s Folklore]. Moscow, GUPI Minpros RSFSR, 1957. 240 p.
2. Bzarov, R.S. *Istoriia Alanii* [History of Alania]. Vladikavkaz, Miduat, 2022. 448 p.
3. Illjustrov, I.I. *Zhizn’ russkogo naroda v ego poslovitsakh i pogovorkakh. Sbornik russkikh poslovits i pogovorok* [The Life of the Russian People in its Proverbs and Sayings. Collection of Russian Proverbs and Sayings] / Comp., pref. and alph. index by I.N. Kuznetsov. Moscow, Russkaia tsivilizatsiia, 2019. 912 p.
4. *Iron adæmy sfældystad. Dyuuæ tomy* [Ossetian Folk Art: In 2 Volumes] / Compiled by Salægaty Z. Ordzhonikidze, Ir, 1961. Vol. II. 692 p. (in Ossetian). Reprinted in 2007.
5. *Iron æmbisændtæ* [Ossetian Proverbs]. Stalinir, Khirrauag’’dad, 1955. 156 p. (in Ossetian).
6. *Iron æmbisændtæ* [Ossetian Proverbs and Sayings] / Collected and compiled by Guty’’aty Kh. Ordzhonikidze, Ir, 1976. 352 p. (in Ossetian).

7. Kodzati, I.A. Literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal “Makh dug”: istoriia i sovremennost’ [The Literary-Artistic and Socio-Political Journal “Makh dug”: History and Modernity]. In: *Sbornik materialov i issledovaniy po istorii nauki: “Arkheologiya, etnografiya i iazyki Kavkaza – 5”* [Collection of Materials and Research on the History of Science: “Archaeology, Ethnography and Languages of the Caucasus – 5”]. Saint Petersburg, 2025, 28, 210–211. DOI: 10.25990/archiveras.pchelina.kwkp-2g34
8. Mokienko, V.M. *V glub’ pogovorki: Rasskazy o proiskhozhdenii krylatykh slov i obraznykh vyrazhenii* [Into the Depth of the Saying: Stories about the Origin of Winged Words and Figurative Expressions]. 3rd ed., revised. Saint Petersburg, Avalon, Azbuka-klassika, 2005. 256 p.
9. *Osetinskie posloviцы i pogovorki* [Ossetian Proverbs and Sayings] / Trans. from Ossetian by Z.V. Abaev. Tskhinval, Gosizdat Iugo-Osetii, 1962. 142 p.
10. *Osetinskie teksty, sobrannye D. Chonkadze i V. Tsoraevym* [Ossetian Texts, Collected by D. Chonkadze and V. Tsoraev] / Ed. by acad. A.A. Shifner. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1868. Available at: URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/83373#mode/inspect/page/5/zoom/4> (access date: 15.04.2025).
11. Snegirev, I.M. *Russkie narodnye posloviцы i pritchi* [Russian Folk Proverbs and Parables]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, 2014. 528 p. Available at: URL: https://rusinst.su/docs/books/I.M.Snegirev-Russkie_narodnye_poslovicy_i_pritch.pdf (access date: 23.05.2025).
12. *Khussar Irystony fol’klor* [Folklore of South Ossetia]. Stalinir, 1936. 611 p. (in Ossetian).

Dictionaries

1. Miller, V.F. Ossetian-Russian-German Dictionary. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. 1927. Vol. I. 618 p.; 1929. Vol. II. 1176 p.; 1934. Vol. III. 1730 p.
2. Mokienko, V.M., Nikitina T.G. The Great Dictionary of Russian Proverbs. Moscow: OLMA Media Group, 2007. 785 p.

About the author

Kodzati, Irida A. – Researcher, Department of Traditional Culture and Folklore, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Asia (Vladikavkaz, Republic of North Ossetia, Russia); e-mail: arvardyn@mail.ru

УДК 82-91

УРОКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА В ЯСНОПОЛЯНСКОЙ ШКОЛЕ Л.Н. ТОЛСТОГО: ЗАЧЕМ ДЕТЯМ ПИСАТЬ РАССКАЗЫ?

Е.Е. Анисимова (Красноярск, Россия)

Е.Ю. Терехова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются литературные опыты учеников Яснополянской школы в контексте педагогических и общественных воззрений, эстетических поисков и житнетворческих практик Л.Н. Толстого.

Цель статьи – исследовать взаимное влияние учеников Яснополянской школы и Л.Н. Толстого в ходе его литературно-педагогического эксперимента: развитие крестьянской субъектности, с одной стороны, и толстовский поиск новых, «опрошенных» форм собственного художественного творчества – с другой.

Обзор научной литературы. Теоретической основой для проведения исследования стали труды, посвященные творчеству Л.Н. Толстого, литературному и идеологическому контексту его сочинений для народа – «О теории прозы» В.Б. Шкловского, «Лев Толстой: исследование. Статьи» Б.М. Эйхенбаума, «Ех ungue leonem. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности» А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова, «Азбука Л.Н. Толстого как идеологический проект» и «Лев Толстой как учитель *creative writing*» Н. Осиповой.

Основные методы исследования. В статье были использованы методы нарратологии, семиотики бытового поведения и социологии литературы. Теоретико-методологической основой исследования послужили работы В. Шмида об эквивалентности, Ю.М. Лотмана и Б.М. Эйхенбаума о житнетворчестве и «литературной карьере», А.В. Вдовина и Ю.И. Красносельской о социокультурных функциях литературы.

Результаты исследования. Установлена роль литературно-педагогического эксперимента Л.Н. Толстого в формировании крестьянской субъектности и развитии писательских навыков у учеников Яснополянской школы, определены особенности поэтики таких сочинений, выявлена связь педагогических опытов и поисков нового «опрошенного» стиля в творчестве писателя.

Выводы. Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что литературно-педагогический эксперимент Толстого предполагал двустороннее обучение крестьянских детей и самого писателя. Благодаря толстовской педагогической программе яснополянские ученики смогли не только освоить грамоту, но и развить собственную субъектность. Так, один из выпускников школы, «любимейший ученик» Толстого, В.С. Морозов стал писателем и мемуаристом. Сам романист постепенно овладевал «народным» языком, включал в собственные сочинения приемы детского письма и формировал свой новый, «опрошенный» стиль.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Ясная Поляна, крестьянская субъектность, «опрошение», детское литературное творчество, педагогика.

Постановка проблемы. Педагогическое мышление Л.Н. Толстого отличалось оригинальностью и во многом развивалось вопреки системе образования, сложившейся к середине XIX в. в Западной Европе. В России

устоявшейся практики обучения крестьянских детей еще не существовало, в период проведения Великих реформ интенсивные дискуссии по этому вопросу только начинались [Вдовин, 2024, с. 59]. Основав школу для крестьянских детей в Ясной Поляне, писатель не только изучал теоретические труды по педагогике, но и совершил заграничную поездку, чтобы ознакомиться с существующими педагогическими практиками. В 1860–1861 гг. он побывал в Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Англии и Бельгии. Посетив ряд заграничных школ, Толстой обнаружил, что европейская система образования лишает ученика самостоятельности и свободы мышления, поскольку построена на принудительном обучении – применении телесных наказаний, заучивании известных фактов, а также бездумном письме и чтении: «Школы представляются ему [ученику] учреждением для мучения детей, – учреждением, в котором лишают их главного удовольствия и потребности детского возраста – свободного движения, где Gehorsam (послушание) и Ruhe (спокойствие) – главные условия, где даже для того, чтобы пойти “на час”, ему нужно особое позволение, где каждый проступок наказывается линейкой, той же палкой...»¹.

Яснополянская школа, основанная писателем в 1859 г., стала беспрецедентным педагогическим экспериментом, в основе которого лежали свобода и заинтересованность. Посещение занятий не было обязательным: ученики оставались в классах только в том случае, если им самим было интересно учиться. В программу обучения был включен необычный для своего времени урок литературного письма. Занимался с детьми художественными сочинениями сам Толстой. При этом программа обучения не только была направлена на крестьянских детей, но и являлась важным слагаемым творческого развития самого писателя. Этот аспект литературного письма он подчеркнул в названии своей известной педагогической статьи: «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862).

Цель настоящей статьи – исследовать взаимное влияние учеников Яснополянской школы и Л.Н. Толстого в ходе его литературно-педагогического эксперимента: развитие крестьянской субъектности, с одной стороны, и толстовский поиск новых, «упрощенных» форм художественного творчества – с другой.

Обзор научной литературы. Теоретической основой нашего исследования являются труды Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, А.К. Жолковского, Ю.К. Щеглова, Н. Осиповой, посвященные поэтике художественных произведений Л.Н. Толстого и его сочинениям для народа. Б.М. Эйхенбаум установил взаимосвязь «литературной карьеры» и педагогических экспериментов писателя, конкретизировал его эстетическую и идеологическую позицию [Эйхенбаум, 2001; 2009]. Концепция ученого была дополнена в работах Н. Осиповой, показавшей идеологические составляющие «Азбуки» и новаторство Толстого в разработке

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 8: Педагогические статьи, 1860–1863. С. 11.

техник творческого письма [Осипова, 2014; 2023]. В трудах В.Б. Шкловского, А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова были изучены ключевые художественные приемы Толстого, применяемые писателем в детских рассказах: остранение и наличие архисюжета [Шкловский, 1929; Жолковский, Щеглов, 2016].

Методология. В статье были использованы методы нарратологии, семиотики бытового поведения и социологии литературы. Теоретико-методологической основой исследования послужили работы В. Шмида об эквивалентности [Шмид, 2003], Ю.М. Лотмана и Б.М. Эйхенбаума о житнетворчестве и «литературной карьере» [Лотман, 1992; Эйхенбаум, 2001], А.В. Вдовина и Ю.И. Красносельской о социокультурных функциях литературы [Вдовин, 2024; Красносельская, 2023].

Результаты исследования. По наблюдению Ю.М. Лотмана, специфика русской словесной культуры состояла в том, что истинность написанного текста должна была подтверждаться поступками писателя, его личной биографией. «Великие биографии» Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, по мысли исследователя, стали вершиной сложной культурной работы всего XIX в. [Лотман, 2024, с. 376]. Житнетворческий проект Толстого, в основу которого были положены процессы самовоспитания и самонаблюдения, определил не только профиль его личности, но и поэтику его литературных шедевров. Открытие толстовского самоанализа принадлежит Б.М. Эйхенбауму. Как показал ученый, дневник наблюдений стал для Толстого инструментом формирования авторского стиля: «У Толстого вместо убеждений были “правила”, имевшие характер военных приказов и относившиеся ко всем случаям и вопросам жизни... Несовпадение между этими правилами и поступками заинтересовало его, побудило его наблюдать за собой и за другими, “испытывать”, экспериментировать, вести дневник – отсюда началась литература (“История вчерашнего дня”). Первоначальный материал Толстого – мир миниатюрных движений душевной жизни, рассматриваемый в микроскоп. Описание одного дня оказалось вещью, которую невозможно кончить. Отсюда пошло и его “Детство”, и полное собрание его сочинений» [Эйхенбаум, 2001, с. 108].

Толстовский литературно-педагогический проект в Яснополянской школе явился вторым этапом в постижении и выработке писателем естественного, простого языка. Позднее в предисловии к рассказу своего повзрослевшего ученика он так сформулировал отличительные черты крестьянского детского письма: «Как тогда мне были особенно дороги в милом мальчике (В.С. Морозове. – *Е.А., Е.Т.*) его чуткость на все доброе, его сердечность и, главное, всегдашняя искренность и правдивость, – так и теперь мне особенно понравились те же черты в этом простом рассказе, так ярко отличающемся своей правдивостью от большинства литературных писаний. Чувствуешь, что тут нет ничего придуманного, сочиненного, а рассказано то, что именно так и было, – выхвачен, кусочек жизни, и той именно русской жизни с ее грустными, мрачными и дорогими, задушевыми чертами»².

² Морозов В.С. За одно слово. Рассказ / предисл. Л.Н. Толстого // Вестник Европы. 1908. № 9. С. 64.

По мысли Эйхенбаума, школа была для Толстого «совсем не общественным, а глубоко индивидуальным делом, <...> она оказалась методом разрешения его жизненных и писательских проблем» [Эйхенбаум, 2009, с. 411]. Именно педагогическая деятельность помогла писателю преодолеть внутренний кризис и одновременно явилась стратегией возвращения в актуальный литературный процесс. Педагогические воззрения Толстого были ориентированы на естественное сближение и в то же время автономность сословий. Основатель Яснополянской школы выступал против обучения простого народа интеллигенцией, которая, по его мнению, стремилась оказать на крестьян сильное и при этом искусственное воздействие [Эйхенбаум, 2009, с. 400]. Сам он старался понять крестьян, обучить тому, что необходимо для гармоничной жизни внутри своего сословия, помочь выразить в слове свои мысли и чувства. Ю.И. Красносельская следующим образом сформулировала подход писателя к народному образованию: «Изучать законы, определяющие существование школы как общественного организма, вместо того чтобы искусственно моделировать их, – вот тот “научный” метод, который Толстой предлагает вместо устаревшего умозрительного подхода к образованию» [Красносельская, 2023, с. 369].

По наблюдению А.В. Вдовина, после реформы 1861 г. крестьяне получили право на субъектность, т.е. возможность не только самостоятельно принимать решения, но и быть «авторами», создателями культурного продукта. В отечественной словесности в это время на первый план вышла категория «чувственного» как новая репрезентация крестьянской субъектности в социальной перспективе: «Крестьяне представляли в текстах как субъекты, которые, возможно, не всегда автономно действуют и думают, но уж точно самостоятельно чувствуют, много страдают и переживают» [Вдовин, 2024, с. 106]. Именно толстовский самобытный подход позволил создать прецедент крестьянской субъектности, подтверждением чего является дальнейшая судьба одного из первых выпускников школы – Василия Морозова. Он стал автором мемуаров о писателе, в которых не только рассказал об уроках в народной школе и свободном времяпрепровождении учеников, но и по-особому представил фигуру Толстого как педагога, который стремился не подавить крестьянскую идентичность, а понять уклад жизни и образ мыслей селян³. Не став профессиональным литератором, Морозов тем не менее продолжил свои литературные занятия. В 1908 г. его рассказ «За одно слово» был напечатан с предисловием Л.Н. Толстого в журнале «Вестник Европы»⁴.

В рассказе Морозова заметно влияние сочинений Л.Н. Толстого для народа, а автобиографический герой произведения становится носителем качеств и внешних черт писателя. Характерно, что работающий извозчиком Василий для

³ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом ученика яснополянской школы Василия Степановича Морозова / под ред. А. Сергеевко. М.: Посредник, 1917. № 1154. 136 с.

⁴ Морозов В.С. За одно слово: рассказ / предисл. Л.Н. Толстого // Вестник Европы. 1908. № 9. С. 64–71.

просящего милостыню нищего в рассказе сам оказывается в роли барина: «Хотя я и крестьянин, но одет был по-господски: на мне был пиджак и крепкие сапоги с галошами, передо мной лежали газета и очки»⁵. Образ Толстого в рассказе «За одно слово» является сюжетообразующим. Повествование открывается чтением статьи о писателе, а память о его жизненных уроках помогает совершить герою верный нравственный выбор – побеседовать с нищим и организовать для него сбор денег. Педагогический эксперимент Толстого в Ясной Поляне заключался в сохранении status quo своего сословия и возможном ментальном выходе в другое сословие (писательство для крестьянина и «опрощение» для аристократа). Перспективу такого выхода за пределы своего социального кругозора демонстрирует и сюжет рассказа «За одно слово»: персонаж входит в положение вышедшего из тюрьмы нищего, по отношению к которому рассказчик – «барин»⁶.

Для создателя «Азбуки» и «Новой азбуки» крестьянская идентичность имела первостепенную важность: занимаясь вместе с детьми уроками литературного творчества, Толстой старался не только как можно больше узнать о сельском образе жизни и миропонимании народа, но и зафиксировать их повседневную разговорную речь, особое употребление народных выражений. В этом процессе он выступал не столько педагогом, обучающим своих воспитанников, сколько учеником: «Называя себя “искателем клада”, Толстой почти проговорился: ему нужна не школа, не педагогика – ему нужно, действительно, найти клад, с помощью которого он сможет вернуться к творчеству; ему нужно убедиться, что творчество это существует не как прихоть, не как забава, а как потребность, вложенная природой» [Эйхенбаум, 2009, с. 414].

Сам Толстой в статье «Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», посвященной не столько педагогической деятельности, сколько познанию литературного мастерства, отмечал: «Мне казалось столь странным, что крестьянский, полуграмотный мальчик вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой, на всей своей необъятной высоте развития, не может достичь Гете. Мне казалось столь странным и оскорбительным, что я, автор “Детства”, заслуживший некоторый успех и признание художественного таланта от русской образованной публики, что я, в деле художества, не только не могу указать или помочь одиннадцатилетнему Семке и Федьке, а что едва-едва, – и то только в счастливую минуту раздражения, – в состоянии следить за ними и понимать их»⁷.

Толстовским ориентиром в постижении энергии народного слова стали образы двух мальчиков – Федьки и Семки, прототипами которых являлись яснополянские ученики – Василий Морозов и Игнат Макаров. Толстой практиковал

⁵ Морозов В.С. За одно слово: рассказ / предисл. Л.Н. Толстого // Вестник Европы. 1908. № 9. С. 66.

⁶ В рассказах из крестьянского быта XIX в., как показал А.В. Вдовин, был широко распространен совсем другой тип повествования, основанный на сюжете дьявольского искушения извозчика [Вдовин, 2024, с. 308–327].

⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. С. 808.

в школе написание художественных произведений крестьянскими детьми на основе народных пословиц. Потом, как мы знаем, многим собственным рассказам писатель даст наименования и подзаголовки-пословицы («Бог правду видит, да не скоро скажет», «Коготок увяз, всей птичке пропасть» и др.). Несмотря на общность заданного «источника вдохновения», у каждого ученика проявлялся свой индивидуальный стиль. Так, писательский слог Семки отличался резкостью и объективностью художественного описания, построенного на перечислении обыкновенных вещей, и указанием на конкретные детали. А повествование Федьки характеризовалось изображением чувственно-эмоционального плана персонажа⁸. Как отмечает Б.М. Эйхенбаум, эта пара учеников наглядно демонстрирует внутреннее творческое противоречие самого Толстого: «В этих мальчиках Толстой видит воплощение двух художественных методов, борьба между которыми определяет его собственное творчество. <...> Яснополянская школа была школой не столько для крестьянских детей, сколько для самого Толстого – она “формировала” его, т.е. вернула к писательству» [Эйхенбаум, 2009, с. 412].

Примечательно, что сам Толстой стремился овладеть писательским навыком Федьки, стараясь освободиться от сформировавшихся в его творчестве авторских художественных приемов – «генерализации», т.е. приема обобщений, а также «мелочности» – подробного описания деталей: «Главное свойство во всяком искусстве – чувство меры – было развито в нем необычайно. Его коробило от всякой лишней черты, подсказываемой кем-нибудь из мальчиков. Он так деспотически и с правом на этот деспотизм распоряжался постройкою повести, что скоро мальчики ушли домой и остался только он с Семкою, который не уступал ему, хотя и работал в другом роде»⁹.

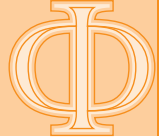
Отталкиваясь от литературности языка, Толстой, благодаря своим наиболее одаренным ученикам, стал осваивать новые художественные приемы, формируя особый взгляд на искусство: «Мне казалось, что я подсмотрел то, что никто никогда не имеет права видеть, – зарождение таинственного цветка поэзии. Мне и страшно и радостно было, как искателю клада, который бы увидал цвет папоротника: радостно мне было потому, что вдруг, совершенно неожиданно, открылся мне тот философский камень, которого я тщетно искал два года, – искусство учить выражению мыслей; страшно потому, что это искусство вызывало новые требования, целый мир желаний, несоответственный среде, в которой жили ученики, как мне казалось в первую минуту. Ошибиться нельзя было. Это была не случайность, но сознательное творчество»¹⁰.

Проект Толстого был настолько новаторским и необычным для своего времени, что, узнав об открытии народной школы, крестьяне с недоверием отнеслись к этой новости и не сразу согласились отдать своих детей на обучение. Школьное времяпрепровождение состояло не только из уроков, но и из детских

⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. С. 304.

⁹ Там же. С. 305.

¹⁰ Там же.

игр, оживленных бесед о жизни и литературе. Отвергая телесные наказания и жесткую дисциплину, Толстой создавал дружескую атмосферу, построенную на взаимном уважении и свободе мнения. Писатель занимался вместе с учениками гимнастикой и борьбой, становился участником детских игр и шалостей, тем самым превращаясь из великого писателя, авторитетного педагога в равного самим школьникам: «Мы окружаем Льва Николаевича, цепляемся за него сзади и спереди, подставляя ему ноги, кидаемся в него снежками. ... Через некоторое время от усталости, но чаще в шутку, он валится в снег. Восторг неописанный наш! ... Так часы проходили у нас минутами»¹¹.

Наибольшую эмоциональную близость с Толстым ребята обретали в совместном художественном творчестве. В этом отношении образцом литературного письма крестьянских детей является рассказ В. Морозова «Солдаткино житье». Перед тем как он появился в печати, Толстой и его ученики совместно работали над написанием другого произведения. Примечательно, что процесс сочинительства охарактеризован с позиции учеников и самого писателя различно. В своих воспоминаниях Морозов позиционирует себя, Игната Макарова и Толстого как равных сочинителей, обладающих художественным мастерством: «То Лев Николаевич скажет, то Макаров, то я. И мы как бы друг другу не уступали, сочинения были равные»¹². Толстой, напротив, отмечал собственную художественную несостоятельность и подчеркивал ведущую роль своих учеников¹³. О том, как было решено опубликовать результаты литературных занятий, Василий Морозов вспоминает так:

«Мне стало завидно, что Лев Николаевич воспользуется один всеобщей книгой...

– Лев Николаевич, а вы напечатывайте всех нас троих. Вот, например, по фамилии: Макаров, Морозов, а ваша как фамилия?

– Толстой.

– Ну вот так троих и ставьте: Макаров, Морозов и Толстов»¹⁴.

Однако сочинению не суждено было появиться в печати: ученики, увлекшись играми в хлопушки из бумаги, случайно сожгли рукопись. Тогда Толстой, расстроенный из-за случившегося, попросил Морозова описать собственную жизнь. Так был создан рассказ «Солдаткино житье». Ученик поведал о своих детских годах – трудном для его семьи времени, когда отца из-за пьянства забрали на военную службу. В рассказе представлены подробности крестьянского быта, семейных взаимоотношений, детских шалостей. Это сочинение Морозова Толстой опубликовал в 9-й книге Яснополянского журнала за 1862 г., а затем включил в состав «Русских книг для чтения»:

«Написанное Лев Николаевич просматривал и все говорил:

– Хорошо, очень, очень хорошо! <...> Вот я тебе его и напечатаю.

¹¹ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 35.

¹² Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 79.

¹³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. С. 302.

¹⁴ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 79.

Я в душе не верил этому. Но вскоре я свой рассказ прочел напечатанным – «Солдаткино житье», как назвал мой рассказ Лев Николаевич»¹⁵.

Сюжетная линия произведения связана с другим опубликованным в журнале сочинением ученика Егора Чернова «Как мой батинька был в солдатах». В центре повествования – крестьянская семья, глава которой – винокур, отправляющийся на службу. В отличие от сочинения Морозова, в котором персонаж в силу юного возраста сквозь сон помнил своего отца, герой Чернова изначально взаимодействует с родителем перед его отправкой, но до конца не осознает происходящего: «Я спросил у одного мальчика: об чем моя матушка плачет? Костюшка говорит:

– Твоего отца хотят в солдаты отвезть.

А я говорю:

– Небойсь, не отвезут»¹⁶.

После отправки отцов на службу в сочинениях обоих учеников последовательно предстают тяготы крестьянской жизни в отсутствие кормильца. В этом отношении «Солдаткино житье» содержит более подробное изображение героем крестьянской жизни без отца: «Ели мы хлеб с водою. Работать у нас было некому; мать моя всегда жаловалась от живота, а бабушка – от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж»¹⁷. Глазами мальчика представлены как радостные, так и тяжелые события из жизни семьи: горе матери после потери новорожденного ребенка, свадьба старшей сестры, смерть бабушки.

В сочинении «Как мой батинька...» в центре внимания оказываются не столько семейные сложности и события, сколько личные трудности крестьянского мальчика – обучение грамоте у сельского пономаря, который активно применял телесные наказания за непослушание. Так, герой, осваивая письмо и чтение, не раз оказывался побитым за оплошности: «Пономарь взял прут и ну нас бить, да приговаривает: “Зачем вы, сукины дети, долго гуляли? Я вас отпустил погулять немножко, а вы, подлецы эдакие, до вечера гуляли, а?”»¹⁸. Если, по наблюдению А.В. Вдовина, для крестьянских рассказов середины 1840–1850-х гг. была характерна непрозрачность мышления крестьян (например, немота Герасима из хрестоматийного рассказа И.С. Тургенева «Муму»), то эксперимент Толстого, напротив, позволял показать мышление юных селян изнутри.

Следующий этап развития сюжета – возвращение солдата с военной службы. В сочинении Чернова действие разворачивается стремительно: персонаж сразу сообщает мальчику о своем приезде. В рассказе Морозова главный герой

¹⁵ Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 81.

¹⁶ Чернов Е. Как мой батинька был в солдатах // Ясная Поляна. Книжка для взрослых. 1862. № 3. С. 75.

¹⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 21: Новая азбука и русские книги для чтения, 1874–1875. С. 226.

¹⁸ Чернов Е. Как мой батинька был в солдатах. С. 77.

не понимает, что перед ним его отец (мотив неузнанного члена семьи), для него эта тайна раскрывается по ходу развития сюжета. Узнавание происходит только в финальной части детского рассказа: «Солдат пошел со мной, да так скоро, что я бегом за ним не поспевал. Вот пришли мы в свой дом. Солдат помолился богу и говорит: “Здравствуйте!” Потом разделся, сел на конник и стал оглядывать избу и говорит: “Что ж, у вас семьи только-то?” Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата. Он и говорит: “Где ж матушка?” – а сам заплакал. Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже взлез к нему на колени и стал его обшаривать руками. <...> А отец и говорит: “Это чья же молодая бабочка?” А мать засмеялась и говорит: “Свою дочь не узнал”. Отец позвал ее еще к себе и поцеловал и спрашивал, как она живет»¹⁹. Финал рассказов напоминает народную сказку и сопровождается надеждами на начало новой жизни для героев: «Стали жить с ним, да поживать»²⁰; «С тех пор мы стали хорошо жить...»²¹.

В «Русские книги для чтения» Толстого были помещены и другие два текста, написанные яснополянскими учениками: «Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза» и «Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город». Готовя произведения к повторной публикации, писатель переработал их стилистически и композиционно. В первый из названных рассказов он включил дополнительные художественные детали: описание чувств мальчика после происшествия, особенности крестьянского гардероба²², контрастные картины природы во время грозы и после нее, а также отказался от хронологического принципа изложения событий. Во втором рассказе писатель также переместил в композиционный и смысловой центр произведения «вещий сон» мальчика о калачике, а Тулу заменил на более обобщенный для потенциального читателя «город».

В журнальных первопубликациях произведения имели более лаконичные названия: «Сочинение Василия Румянцева» и «Как меня не взяли в Тулу». Переименовав детские сочинения, Толстой акцентировал саму ситуацию рассказывания, значимость которой он в полной мере ощутил именно во время занятий литературой с крестьянскими детьми. Ребята слушали его внимательно только в том случае, когда знали, кем были рассказаны истории²³. Вероятно, именно яснополянские занятия вдохновили Толстого на то, чтобы внедрить эту повествовательную стратегию в свои последующие произведения. Так, в рассказе «Ермак» (1872) атаман воодушевляет дружину на неравный бой с Кучумом тем, что рассказывает притчу о лошади, которая должна тянуть тяжелый воз в гору: «Разве не видите сами? Назад идти – перебьют; мимо плыть – перебьют; здесь стоять – перебьют. Куда же нам попясться? Раз потрудишься, после полегчает. Так-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Как под горку везет, и по ровному везет, а как придется в гору – за-

¹⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21. С. 228–229.

²⁰ Чернов Е. Как мой батинька был в солдатах. С. 78.

²¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21. С. 230.

²² О роли крестьянского гардероба в творчестве и житнетворчестве Толстого см.: [Гевель, 2025].

²³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 8. С. 60.

норовится, назад воротит, думает – легче будет. Так взял батюшка кол, возил-возил ее колом-то. Уж она крутилась, билась, всю телегу разбила. Выпряг ее батюшка из воза и ободрал. А везла бы воз, никакой бы муки не видала. Так-то и нам, ребята. Одно только место осталось – прямо на татар ломить. Засмеялись казаки, говорят: “Видно ты, Тимофеич, умнее нашего; нас, дураков, и спрашивать нечего. Веди, куда знаешь. Двух смертей не бывать, а одной не миновать”»²⁴.

В толстовских рассказах для детей образ рабочей лошади эквивалентен образу простого мужика – крестьянина или казака, который тянет свой «воз» как бы трудно ему ни приходилось²⁵. В этом отношении примечательна более поздняя повесть Толстого «Холстомер» (1886), написанная, как можно видеть, с учетом его педагогического опыта. Главный персонаж произведения – старый мерин Холстомер, который рассказывает собственную историю жизни другим лошадям²⁶. Интересно, что он представлен не только как рассказчик, но и как личность, наделенная способностью к рефлексии: «Я задумывался над несправедливостью людей, осуждавших меня за то, что я пегий, я задумывался о непостоянстве материнской и вообще женской любви и зависимости ее от физических условий, и главное, я задумывался над свойствами той странной породы животных, с которыми мы так тесно связаны и которых мы называем людьми – теми свойствами, из которых вытекала особенность моего положения на заводе, которую я чувствовал, но не мог понять»²⁷. Иначе говоря, образ Холстомера продолжает яснополянские опыты Толстого в области крестьянской субъектности и «опрощенного» нарратива.

В «Русских книгах для чтения» 1875 г. писатель отказался от любых указаний на авторство, тем самым включив сочинения своих учеников в круг собственных произведений и переработанных версий произведений других известных писателей. При этом общая линия повествования всего сборника характеризуется стилистическим единообразием. Это свидетельствует о том, что к этому времени писатель в совершенстве овладел навыками «народного письма».

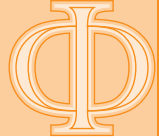
Таким образом, литературно-педагогический эксперимент Толстого позволил представить оригинальную методику взаимодействия с крестьянскими детьми, которая предполагала процесс двустороннего обучения. Благодаря толстовской педагогической программе яснополянские ученики смогли освоить грамоту, развить субъектность, а также раскрыть собственный творческий потенциал – овладеть навыками писательского мастерства. В свою очередь, Толстой, выступая не только в роли педагога, но и ученика, постепенно овладевал «народным» языком и стилем, смог по-иному осмыслить природу искусства. Так, формируя основы нового художественного метода и отталкиваясь от литературных условностей, он приходит к «опрощению» стиля и освобождению от «генерализации».

²⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 21. С. 194.

²⁵ Подробнее об этом см.: [Анисимова, 2024, с. 23].

²⁶ О повествующих животных как приеме остранения у Толстого см.: [Шкловский, 1929, с. 14–17].

²⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л.Н. Толстой; под общ. ред. В.Г. Черткова. М.: Гослитиздат, 2006. Т. 26: Произведения 1885–1889. С. 18.

Библиографический список

1. Анисимова Е.Е. Покорение Сибири в художественной оптике Л.Н. Толстого. Рассказ «Ермак» в составе «Второй русской книги для чтения»: редакции, поэтика «сцеплений» // Вестник Томского государственного университета. 2024. С. 18–26. DOI: 10.17223/15617793/505/2
2. Вдовин А.В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: НЛЮ, 2024. 314 с.
3. Гевель О.Е. Образ рубашки в творчестве и житнетворчестве Л.Н. Толстого: постановка проблемы // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 64–72. DOI: 10.17223/18137083/91/5
4. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. *Ex ungue leonem*. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: НЛЮ, 2016. 280 с.
5. Красносельская Ю.И. «Общество это составляю я один»: генезис и рецепция педагогического проекта Л.Н. Толстого в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах общественного развития // Институты литературы в Российской империи / сост. и отв. ред. А.В. Вдовин, К.Ю. Зубков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2023. С. 349–396.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
7. Осипова Н. Азбука Л.Н. Толстого как идеологический проект // Лотмановский сборник. 4. М.: ОГИ, 2014. С. 335–348.
8. Осипова Н. Лев Толстой как учитель *creative writing* // Творческое письмо в России: сюжеты, подходы, проблемы / сост. М. Кучерская, А. Баженова-Сорокина, А. Чабан, Д. Харитонов. М.: НЛЮ, 2023. С. 113–137.
9. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
10. Шмид В. Нарратология. М.: ЯСК, 2003. 312 с.
11. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования. Статьи / сост., вступ. статья, общ. ред. проф. И.Н. Сухих. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.
12. Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. 384 с.

Сведения об авторах

Анисимова Евгения Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: eva1393@mail.ru

Терехова Елена Юрьевна – студент-магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ell.terekhova5445@gmail.com

LESSONS OF LITERARY CREATIVITY IN LEO TOLSTOY'S YASNAYA POLYANA SCHOOL: WHY SHOULD CHILDREN WRITE STORIES?

E.E. Anisimova (Krasnoyarsk, Russia)

E.Yu. Terekhova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article examines the literary experiences of students at the Yasnaya Polyana School in the context of Leo Tolstoy's pedagogical and social views, aesthetic quests, and life-creating practices.

The purpose of this article is to explore the mutual influence of the students of the Yasnaya Polyana school and L.N. Tolstoy during his literary and pedagogical experiment: development of peasant subjectivity, on the one hand, and Tolstoy's search for new, 'simplified' forms of his own artistic creativity.

Review of the scientific literature on the issue. The theoretical basis for the study was provided by works dedicated to the work of L.N. Tolstoy, the literary and ideological context of his writings for the people – *On the Theory of Prose* by V.B. Shklovsky, *Leo Tolstoy: Research. Articles* by B.M. Eikhenbaum, *Ex ungue leonem. Children's Stories of L. Tolstoy and the Poetics of Expression* by A.K. Zholkovsky and Yu.K. Shcheglov, *The ABCs of L.N. Tolstoy as an Ideological Project* and *Leo Tolstoy as a Teacher of Creative Writing* by N. Osipova.

Methodology. The article applies methods from narratology, the semiotics of everyday behavior, and the sociology of literature. The theoretical and methodological foundations of the study were provided by the works of V. Schmid on equivalence, Yu. M. Lotman and B. M. Eikhenbaum on life-creation and 'literary career', and A. V. Vdovin and Yu. I. Krasnoselskaya on the sociocultural functions of literature.

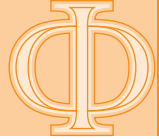
Research results. The role of L.N. Tolstoy's literary and pedagogical experiment in the formation of peasant subjectivity and the development of writing skills among students of the Yasnaya Polyana school has been established, the features of the poetics of such works have been determined, and the connection between pedagogical experiments and the search for a new 'simplified' style in the writer's work has been revealed.

Conclusion. The study comes to the conclusion that Tolstoy's literary and pedagogical experiment envisioned a two-way education for peasant children and the writer himself. Thanks to Tolstoy's pedagogical program, the Yasnaya Polyana students were able not only to master literacy but also to develop their own individuality. Thus, one of the school's graduates, Tolstoy's 'favorite student', V.S. Morozov, became a writer and memoirist. The novelist himself gradually mastered the 'vernacular', incorporating children's writing techniques into his own works, and developing his own new, 'simplified' style.

Keywords: *Leo Tolstoy, Yasnaya Polyana, peasant subjectivity, 'simplified' style, children's literary creativity, pedagogy.*

References

1. Anisimova, E.E. Pokoreniye Sibiri v khudozhestvennoy optike L.N. Tolstogo. Rasskaz "Yermak" v sostave "Vtoroy russkoy knigi dlya chteniya": redaktsii, poetika "stsepleny" [The conquest of Siberia in Leo Tolstoy's artistic optics. The short story "Ermak" as a part of the "Second Russian Book for Reading": redactions, poetics of "linkages"]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2024, 505, 18–26. DOI: 10.17223/15617793/505/2

2. Vdovin, A.V. *Zagadka naroda-sfinksa. Rasskazy o krest'yanakh i ikh sotsiokul'turnyye funktsii v Rossiyskoy imperii do otmeny krepostnogo prava* [The Riddle of the Sphinx-People. Stories about Peasants and Their Sociocultural Functions in the Russian Empire before the Abolition of Serfdom]. Moscow, NLO, 2024. 314 p.
3. Gevel, O.E. *Obraz rubashki v tvorchestve i zhiznetvorchestve L.N. Tolstogo: postanovka problemy* [The image of a shirt in the novels and life of Leo Tolstoy: formulation of the problem]. In: *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, 2, 64–72. DOI: 10.17223/18137083/91/5
4. Zholkovsky, A.K., Shcheglov, Yu.K. *Ex ungue leonem. Detskiye rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti* [Ex ungue leonem. Children's stories by L. Tolstoy and the poetics of expressiveness]. Moscow, NLO, 2016. 280 p.
5. Krasnoselskaya, Yu.I. “Obshchestvo eto sostavlyayu ya odin”: genezis i retseptsiya pedagogicheskogo proyekta L.N. Tolstogo v svete diskussiy nachala 1860-kh godov o zakonakh obshchestvennogo razvitiya [“I alone constitute this society”: the genesis and reception of L.N. Tolstoy's pedagogical project in light of the discussions of the early 1860s about the laws of social development]. In: *Instituty literatury v Rossiyskoy imperii* [Institutes of Literature in the Russian Empire]. Moscow, VSHE, 2023, 349–396.
6. Lotman, Yu.M. *Izbrannyye stat'i: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles: in 3 vol. Vol. 1: Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Alexandra, 1992. 479 p.
7. Osipova, N. *Azbuka L.N. Tolstogo kak ideologicheskii proyekt* [L.N. Tolstoy's ABC as an ideological project]. In: *Lotmanovskiy sbornik, 4* [Lotmanovsky collection, 4]. Moscow, OGI, 2014, 335–348.
8. Osipova, N. *Lev Tolstoy kak uchitel' creative writing* [Leo Tolstoy as a Teacher of Creative Writing]. In: *Tvorcheskoye pis'mo v Rossii: syuzhety, podkhody, problemy* [Creative Writing in Russia: Plots, Approaches, Problems]. Moscow: NLO, 2023, 113–137.
9. Shklovsky, V.B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, Federatsiya, 1929. 265 p.
10. Schmid, V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, YASK, 2003. 312 p.
11. Eikhenbaum, B.M. *Lev Tolstoy: issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. 952 p.
12. Eikhenbaum, B.M. *Moy vremennik. Marshrut v bessmertiyе* [My Timepiece. Route to Immortality]. Moscow, Agraf, 2001. 384 p.

About the authors

Anisimova, Evgenia E. – DSc (Philology), Professor, Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: eva1393@mail.ru

Terekhova, Elena Yu. – MA Candidate, Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ell.terekhova5445@gmail.com

УДК 821.161.1

СНОВИДЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОНЕЙРОПОЭТИКЕ В.И. БЕЛОВА

А.Ю. Большакова (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена сновидческому аспекту в онейропоэтике В.И. Белова. Работа строится как на теоретическом исследовании проблемы, так и на литературном примере ее решения в канонической повести второй половины XX в.

Цель статьи – провести категориально-терминологическую верификацию области поэтики, занимающейся исследованием сновидчества в литературе, и проверить теоретические установки разбором текста В.И. Белова. Выбор этого автора обусловлен как востребованностью в его творчестве сновидческих моделей, так и высоким художественным уровнем их воплощения.

Методология. Автор ориентируется на современные подходы к изучению литературного сновидчества, подвергая их пересмотру и вырабатывая средства анализа, которые необходимы для расшифровки глубинных смыслов, сопряженных с бессознательным героев-сновидцев.

Результаты исследования. Литературный сон – это всегда *иносказание*: компонент воображаемого мира произведения, призванный выявить его сущностные смыслы, не определяемые на уровне художественной реальности как отражения действительности. Расшифровка такой модели требует особых средств анализа. Ее исследование в тексте Белова показывает, что любая деталь, ремарка здесь может быть авторским указателем на глубинные смыслы. Особенно важна роль художественных средств, формирующих рецептивные доминанты: символы, контрасты, аномалии, смещения реальности и т.п.

Выводы. Онейропоэтика является сущностной частью поэтики литературы, а сновидчество – особой литературной моделью. В творчестве Белова эта модель получила углубленную психологическую разработку и обогатила идейно-художественное содержание повести.

Ключевые слова: онейропоэтика, сновидчество, литературная модель, культурное бессознательное, сюжет, символика, В.И. Белов.

Постановка проблемы. Феномен сновидчества все больше привлекает исследователей из различных областей знания. Еще в начале века философия обосновала суждение, что сновидение «предоставляет более полную и адекватную картину подлинного “я” человека, являясь более точным и тонким инструментом отображения параметров его внутреннего мира, чем бодрственное Эго» [Бескова, 2005, с. 235]. Художественная словесность дает тому подтверждение.

Изучению так называемых литературных сновидений посвящено немало работ. Однако единого понимания предмета исследования – сколь притягательного для любителей погружаться в бездны бессознательного, столь и туманно-неясного, как и все таинства человеческой души, – не наблюдается. У разных авторов фигурируют самые разные терминологические именованья сновидчества (автора, повествователя и/или героев): архетип [Савельева, 2013], прием [Чепорнюк, 2008], мотив [Головкина, Федорова, 2017, с. 97], жанр [Нечаенко, 2011],

«форма субъективного времени» [Чепорнюк, 2007, с. 168] и т.п. В англоязычной русистике – «сновидческий пейзаж» или «типы» сновидений, к примеру [Livingston, 2019, p. 31], текст, нарратив [Kilroe, 2000, p. 125], «сон как встреча и событие» [Hrdlicka, 2024, p. 133] и т.д. Терминологическая пестрота делает все более актуальным вопрос: *что же такое «сны», «сновидчество» в литературе?*

В поисках ответа исследователь попадает на еще одно проблемное поле: в какую сферу поэтики и в каком сопряжении с другими ее категориями входит данный предмет? Возможный вариант – *онейропоэтика* (от греч. *ὄνειρος* *сновидение*): т.е. область поэтики, относящаяся к сновидениям, которая рассматривает литературные сны как художественный текст, но в то же время, актуализируя вторую часть слова «сно-видение», пытается проникнуть в довербальные глубины его зарождения и сопутствующие состояния: грезы, видения и т.п.

Существуют, конечно, менее сложные варианты, просто наращивающие термин «поэтика»: к примеру, *поэтика сновидений*¹, *поэтика литературных сновидений* [Теперик, 2007], *поэтика повествования о сновидениях* [Engel, 2017, p. 19] или *поэтика сна* [Федунина, 2013]. Еще более упрощенный подход убирает из терминологического ареала слово «поэтика»: *сны (литературных героев)* [Сны, 2024] или, скажем, *сновидения (в литературе)* [Сновидения..., 2024]. Но тогда неясно, что имеется в виду под именованном *сон* или *сновидение* с художественной точки зрения.

С другой стороны, предлагаются варианты наращивания древнегреческого *онейро*. Еще в I в. до н.э. Артемидором Эфесским был создан первый в истории труд о толковании сновидений «Онейрокритика». С XIX в. в психологии и медицине используется термин «онейрология». Ныне специалист по Античности предложила для определения снов в литературе термины *онейротоп* и *онейротопика*, которые, по ее мнению, охватывают «весь художественный контекст, связанный с изображением сновидения» [Теперик, 2007, с. 15]. Тем не менее добавление к *онейро* второй части (*топ*, *топика*) по аналогии с бахтинским *хронотопом* (от древнегреческого *τόπος* — «место») тут, на наш взгляд, неоправданно, т.к. пространственный аспект сновидения лишь частность, вовсе не включающая в себя «весь комплекс используемых средств» для «изображения сновидения» [Там же]. Закономерно, что использованная в достаточно интересных работах по Античности терминология, несмотря на единичные попытки применить ее и в исследованиях русской литературы, не прижилась. Хотя сама по себе установка на «преодоление терминологического вакуума... в практике филологического исследования» [Там же] остается актуальной.

Цель статьи – провести категориально-терминологическую верификацию области поэтики, изучающей изображение снов в литературе, и поверить теоретические установки разбором сновидческой модели в повести В.И. Белова.

¹ Славина О.Ю. *Поэтика сновидений*: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1998. 160 с. (Здесь и далее курсив в цитатах наш. – А.Б.).

Результаты исследования. Наиболее продуктивен, по-нашему, емкий и одновременно конкретный термин *онейропоэтика*, подразумевающий и литературные «сны», и «видения» (аспект, выделенный, например, заглавиями «Видений» В. Астафьева и В. Распутина). В данной статье, как указано в названии, рассматривается лишь сновидческий аспект. Терминологическое содержание, однако, нуждается в уточнении.

Некоторая размытость сказывается в тавтологическом удвоении, поскольку в состав *онейропоэтики*, на наш взгляд, избыточно, включается «художественная гипнология», к которой опять же относят пребывание автора/героя в сновидном или сноподобном состоянии. С другой стороны, и принципы разделения подчас весьма сомнительны. Так, в целом содержательная и интересная работа В.В. Савельевой «Художественная гипнология и *онейропоэтика* русских писателей» открывается установкой на разделение терминологических содержаний: «Писатели, придумывая сновидения своих персонажей, одновременно постигают сущность этого феномена физиологической, психической и психологической жизни человека. Так рождается художественная гипнология, в которой сновидения имеют исключительно авторский и персонажный статус <...> Онейропоэтика – это область поэтики, которая сосредоточена на филологическом анализе литературных снов как вербального художественного текста» [Савельева, 2013, с. 3, 9].

В чем же различие? Очевидно, в том, что под гипнологией исследовательницей подразумеваются «сны» в литературе, а под *онейропоэтикой* – их изучение. Однако уместно ли замыкать поэтику такими рамками? Ведь в филологической теории и практике «поэтика» относится не только к области науки о литературе, но и к собственно ее предмету, означая систему художественных средств, используемых писателем, т.е. термин может переноситься на объект изучения (о чем свидетельствуют темы и заглавия известных работ: поэтика Пушкина, Шекспира, Чехова и т.п.). К тому же, как упоминалось, видения составляют другой аспект *онейропоэтики* наряду со сновидческим.

Поиски определения «снов/сновидчества в литературе» не только ведут нас по пути конкретизации, но и открывают широкое терминологически-категориальное поле, связывая словесное творчество и художественное воссоздание сновидчества с иными аспектами человеческой природы, а филологический анализ «снов в литературе» – с другими областями науки о человеке. Исходя из возникающего векторного подхода к проблеме, литературная версия сновидчества подлежит терминологической унификации – так сказать, встраиванию в общую научную картину, для которой характерно изучение *сна как модели*: физиологической (естественно-научной), психологической (психоаналитической у Фрейда, Юнга, Адлера), метафизической (религиозной) и т.п.

К примеру, психологом-философом Д.Г. Труновым дается следующая градация трех упомянутых моделей: «...Определяющим критерием, позиционирующим любую теорию сновидения относительно других, является представление об источнике сновидения: если источник располагается вне реального

(физического) мира, то это означает, что концепция тяготеет к метафизической модели, если источник принадлежит физическому миру, то, скорее всего, мы имеем дело с естественнонаучной концепцией, если же источник помещается в особое, психическое пространство (которое по своей феноменальной сущности не является ни физическим, ни метафизическим), то перед нами психологическая концепция сновидений. Отсюда понятно, что метафизическая и естественнонаучная *модели* принципиально противопоставлены друг другу и едва ли могут быть интегрированы между собой, а вот психологическая *модель* занимает в определенном смысле двойственное положение: с одной стороны, она не нуждается в концепте “иного мира” для объяснения феномена сновидения – это сближает ее с естественнонаучной моделью, а с другой стороны, она утверждает некую гипотетическую идеальную (ирреальную) сферу, каковым является, например, “бессознательное”, которое нельзя непосредственно ни почувствовать, ни зарегистрировать никакими приборами» [Трунов, 2016, с. 262].

Сходным образом «сны в литературе» возможно представить в виде *модели*, обладающей своей спецификой по сравнению с типологически схожими, но характеризующими сновидчество с других сторон. Притом под «моделью» (здесь и во многих других терминологически-категориальных образцах) подразумевается и собственно предмет исследования, и его моделирование как метод изучения. Важно, что литература открывает доступ к «ирреальной» сфере бессознательного, воссозданного писательским воображением и интуицией – прежде всего через искусство слова (чем отличается от других видов искусства: живописи, музыки и т.п.).

Сновидчество как литературная модель предполагает изучение предмета с точки зрения его художественной специфики в системе поэтики, точнее, ее особой области – *онейропоэтики*.

Прежде всего литературная модель сна, запечатлевая процессы бессознательного у автора-повествователя и/или героев/персонажей, актуализирует вытесненные из сферы их сознания, подавленные переживания и состояния. Спектр весьма велик: это мечты, страхи, надежды, ожидания, прозрения, тайные желания, стремления, воспоминания и предчувствия, прозрения и экспектации. Сны героев бывают встречными (как у Гуськова и Настены в повести Распутина «Живи и помни»), вещими (сон Татьяны в «Евгении Онегине» или сон Ивана Африкановича в повести «Привычное дело» Белова). Отличие сновидной модели в словесном творчестве от других – то, что она *искусственная*: спецсозданная, сознательно сотворенная автором-писателем как элемент воображаемого мира, а не зафиксированная приборами или психоаналитиком в процессе изучения реального опыта. Она по определению призвана запечатлеть *возможные* процессы сновидческого бессознательного в вербализированном варианте, с использованием специфических художественных средств – и потому входит в систему поэтики. Более того, такой модели присущ свой *код прочтения*: заданные на уровне автора-создателя идеи и смыслы, требующие читательской активности для их расшифровки.

Литературный сон – это всегда *иносказание*: усложненный вставной компонент воображаемого мира произведения, призванный выявить его сущностные смыслы, не определяемые на уровне художественной реальности как отражения действительности.

Расшифровка такой модели требует особых средств анализа. Любая деталь, ремарка здесь могут быть авторским указателем на глубинные смыслы, подлинность которых поверяется подлинностью и значительностью переживаний сновидца (во время сна и после пробуждения) и автора, а также воспринимающих рассказ о сне. Особенно важна роль художественных средств, формирующих рецептивные доминанты читателю. Это может быть символика, которая подлежит расшифровке в контексте общих и ситуативных представлений о содержании того или иного символа в культуре. Или введение в сновидческую модель различных аномалий, гротескных (эстетически прекрасных или ужасных, трагичных по своей предсказательной силе) модификаций реальности, изучение которых предполагает ответ на вопрос о причинах смещения реальных координат и о том, с какой целью это сделано автором и к каким выводам ведет читателя. Среди художественных средств, организующих специфическую «реальность» в модели сна, важна символически-иносказательная роль предметности, даже бытовой (как в сне старухиной дочери Варвары о лепке пельменей в «Последнем сроке» Распутина), или, например, воссоздаваемый сновидцем зооморфный код – как в сне Татьяны у Пушкина или в сне о волках в «Житии одной бабы» Лескова.

Для дальнейшего выявления продуктивных подходов и методов анализа обратимся к сновидческой модели в «Привычном деле» В. Белова. Выбор обусловлен как востребованностью в его творчестве этих моделей, так и высоким художественным уровнем их воплощения. Но вначале несколько типологических штрихов «на подступах к вершине».

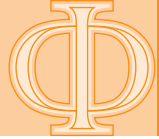
В онейропоэтике ранней прозы Белова 1960-х уже проявляется психологизм: сон не столько сновидчество, сколько состояние души, уход в глубины бессознательного. Так, в одном из первых рассказов Белова «Прежние годы» (1962) – о встрече разлученных судьбой влюбленных – не сбывшаяся в реальности жизнь воспринимается героями как сон, иллюзия:

«Когда, матушка, и жизнь прошла?.. Как вчера все, ей Богу, а ведь уж десятка три с половиной годов прошло.

– И не говори, – махнула рукой Константиновна. – *Как во сне все привиделось, как во сне*, все девалось куда-то, будто и не жили, будто и не было ничего»².

Порой через контраст состояний героя во сне и после пробуждения передается столкновение мечты и реальности. В рассказе «Дожинки» (1963) повествователь вспоминает, как в послефронтном детстве ему постоянно виделся несбыточный сон-мечта о возвращении отца с фронта: «Я заснул под пологом в недоделанной летней избе, и мне снился отец: будто он тоже, как и Серега

² Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Классика, 2011–2012. Т. 1. С. 262.

(выживший в войну солдат-односельчанин. – А.Б.), шел полем к деревне, и моя мать тоже, как Катерина, бежала ему навстречу. Только лицо моего отца было неясным и расплывчатым, и позднее, когда этот сон много раз повторялся, оно всегда было каким-то неясным, неопределенным, и я просыпался с горьким ощущением несбыточности этого сна»³. Получается «конфликт интересов»: сон выполняет компенсаторную функцию, временно восполняя утрату сыном отца, а реальность разрушает сновидную грезу, обращая ее в несбыточную иллюзию. Эта сновидная модель одновременно и замкнутая, в силу своей несбыточности и тем самым отделенности от мира героя, и открытая. И не вещая, поскольку не предсказывает возвращения отца с фронта, и вещая, т.к. предваряет историю других односельчан, казалось бы, благополучно вернувшихся живыми с войны. Во время дожинок (сельского праздника пива) по ошибке встречает смерть Серега, а после умирает и его убийца. Недаром в сновидении мальчика лицо погибшего отца размыто – его судьба словно отражается в других. Напоминает страшный сон история трагического недоразумения, из-за которого не успели дожить до своего срока два односельчанина. Отсюда и двойной смысл названия: «дожинки» – и хмельной праздник жизни-сна, и (не)возможность дожить до рассвета...

Особенностью поэтики Белова, прекрасного пейзажиста, стало проведение аналогий между состояниями человека и окружающей природы. Так, в рассказе «За тремя волоками» (1963) впадающий в сон лес изображен как живое, родное людям существо: «Везде был отрадный, дремотный лес. Он засыпал, врачую своим покоем наши смятенные души, он был с нами добр, широк, был понятен и неназойлив, от него веяло родиной и покоем, как веет покоем от твоей старой и мудрой матери...»⁴. А в рассказе «Поющие камни» (1963), к примеру, соединяются поэтика пространства как пейзажа души и – онейропоэтика: родные места – это прекрасная местность воспоминаний, которую посещает во сне автор-повествователь. «Никто не знал, как стосковался я по этой родимой водополище, как часто снилась мне эта синяя речная дорога...», – признается рассказчик⁵.

В повести «Привычное дело» (1965–1967) у Белова появляется уже развернутая модель сновидчества с пророческим подтекстом, зашифрованным в символике. Сон видит главный герой, сельчанин Иван Африканович, предчувствуя возвращение жены из больницы после девярых родов. Сновидение, вроде бы счастливое и радостное на тот момент, таит в себе и предвестие беды: ведь вскоре Катерина умрет, не выдержав надсадной работы на ферме и постоянного деторождения.

«И вот сегодня, будто чуяло сердце, приснился ночью *добрый, как осенний ледок, ясный сон*. Приснились Ивану Африкановичу сонливые сосны у дороги над тем родником, белые толстые сосны. Они роняли хлопья почему-то совсем нехолодного снега. И будто бы он сидел у родника и еще военной фуражкой поил Катерину чистой серебряной водой. Он поил ее этой водой из фуражки,

³ Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Классика, 2011–2012. Т. 1. С. 299.

⁴ Там же. С. 406.

⁵ Там же. С. 332.

а Катерина была почему-то в летнем сарафане, в туфлях и *с черной плетеной косынкой на плечах, как тогда, в день свадьбы...* Он помнил только ясное, острое ощущение близости Катерины, ощущение ее и его жалости и любви друг к другу, *и еще белые хлопья явственно, медленно ложились на черную кружевную косынку, а Катерина все разводила руками с зажатыми в них концами косынки...* Ему сказали, что Катерина еще до обеда пришла домой»⁶.

Веще сновидение, содержащее (не разгаданное в тот момент героем) предсказание, сопряжено с сюжетом повести и проецирует трагическую развязку. Преддверие печального финала зашифровано в символике, особенно цветовой и предметной, а также в кинематографических ассоциациях. Позитивный настрой, связанный с историей любви героев, задан образами белых вековых сосен и чистой серебряной воды из родника, символа союза Ивана и Катерины, столь часто сидевших у живительного источника под родными деревьями. Этот ряд указывает на желательное развитие событий: если бы Катерина береглась и меньше работала, но, главное, если бы Иван Африканович не оставил ее в летнюю страду, не сбежал очертя голову в город, женщина могла бы выжить. На трагический вектор в движении повести указывает сновидный цветовой контраст – белого (снега) и черного (предмета одежды), – символизирующий жизнь и смерть. Важен и мотив плетения судьбы, претворенный в символическом предмете – кружевной, плетеной косынке: ее черный цвет, согласно символике сновидений, предвещает горе, печаль. А сама по себе косынка, помимо позитивных значений (символ связи с людьми, жизнью), может ассоциироваться с удушьем (в повести – оно предвестник умирания героини) из-за беспомощности и ограничений свободы, указывать на стремление к безопасности и защите, которую и ожидает от мужа Катерина.

Отметим ряд сновидческих «странностей», формирующих рецептивные сигналы читателю. Во-первых, в сновидении есть сезонное несоответствие: зимняя картинка с «сонливыми соснами», роняющими на героев снежные хлопья, соединена с летней – Катерина одета в летний сарафан и туфли, вокруг нее стремительно растет ввысь трава. По мнению исследователей, «природная несообразность», в состав которой входит и «нетающий снег», подразумевает «трагический сдвиг в жизни героя» и грядущую смерть его жены [Энциклопедия «Привычного дела»..., 2021, с. 497–498]. В целом это верно, поскольку такое несоответствие естественному ходу времени – сигнал неблагополучия, однако у автора повести вовсе не указано, что снег «нетающий»: в самом состоянии снега «несообразности» нет. Идя по пути наращивания смыслов, исследователь литературного сна порой дает волю воображению. В сновидческом эпизоде повести лишь сказано, что снег «почему-то нехолодный», но такое впечатление не чуждо человеку в реальности. По опыту литературы восприятие снега автором/героем как «нехолодного» может быть весьма естественным в своей неестественности и тем самым, как особый прием, обогащать поэтику, привносить в реалистическое письмо *символический* элемент (лучший пример тут – оксюморон «Горячий снег»

⁶ Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Классика, 2011–2012. Т. 2. С. 47.

Ю. Бондарева, означающий накал страстей в зимний период битвы за Сталинград). И в сне фронтовика Ивана Африкановича нечувствительность к холоду свидетельствует о накале чувств: недаром глава с историей его сватовства и женитьбы на Катерине названа «Горячая любовь». Вместе с тем «нехолодный» снег, как и названный «добрым» осенний ледок, скорее всего, свидетельствует о благодати зимы для северного человека и опасности летней жары: ведь смерть изможденной женщины наступает именно в разгар летнего сенокоса, финально напоминая читателю о противоестественном росте травы возле Катерины – «почему-то на виду, быстро» – в провидческом сновидении.

Повторимся: контраст белого и черного как жизни и смерти задан в сне сочетанием белого (снега) и черного (расцветки косынки). Однако внимание читателя еще больше привлекается следующим. Белый снег летом аномален, но на самом деле также аномальна и черная косынка, фигурирующая и в условной реальности героев, и в ее сновидческой версии: это неизменный атрибут Катерины не только в девичестве, но и в день свадьбы (вместо традиционно белого убранства). И эта аномалия обретает роль художественного приема, предвещающего трагическую развязку.

Для расшифровки рассматриваемого сновидения, помимо предметной символики, важны две доминанты: цветовой контраст и жест (разведение рук), который некоторыми исследователями трактуется как «попытка взлететь, оторваться от земли» [Энциклопедия «Привычного дела»..., 2021, с. 498]. Интересна и интерпретация действия волнующегося за жену героя: он словно поит ее «живой водой, пытаюсь вернуть к жизни» [Там же]. Добавим: очевидно, это символическое действие героя указывает на его решающую роль в судьбе Катерины: именно от него, от его усилий зависит поддержание жизни в жене.

На наш взгляд, однако, особенно важен повтор «говорящего» жеста – разведение рук подобно повторяющемуся кадру на черно-белой киноплёнке: *Катерина все разводила руками с зажатыми в них концами косынки*⁷. Это момент замиранья жизни через самоповтор, фиксация ушедших мгновений. Напоминает кинохронику, документальный кадр (теперь бы сказали видео), который потом, после ухода человека, *заменит* его присутствие в реальной жизни! Но повтор жеста указывает и на опасность ориентации на жизнь как «привычное дело»: в этом плане название повести, привычно воспринимаемое нами как позитивное, таит в себе и проекцию на автоматизм повторения, когда сознание отключено от действия, дела. Отсюда постоянные состояния героев, пребывающих между сном и явью. Это своего рода гипнагогия – состояние сна-яви, как у героя в главе «Утро Ивана Африкановича» и у Катерины на ферме среди коров, находящихся в таком же сонном состоянии. Очевидно, это типично для естественного природного существа, но опасно для человека, теряющего чувство реальности. Автоматизм действий, отключение сознания может вести к гибели.

⁷ Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Классика, 2011–2012. Т. 2. С. 47.

Вербальная доминанта, предсказывающая в сне будущее героев, – слово «разводила», содержащее семантику «развод, разлука, что-то разведет». Предсказание содержится и в употреблении слова «концы» (косынки), которые разводятся руками героини: разведение концов происходит на фоне черно-белого контраста – рождения и смерти. О грядущей катастрофе предварительно свидетельствует и сон Евстоли, матери Катерины, в ночь ее предсмертного покоса. Тревогу вызывают зловещие скрипы, голос бабушки-покойницы, требующей от дочери покинуть дом и деревню бросившего семью Ивана.

Предсказание конца вводится и через сопряжение «говорящей» предметности: черная косынка Катерины, финально переходя в художественную реальность, окончательно становится символом трагической судьбы. Смерть подобна сну. Героиню кладут в гроб в сновидном головном уборе: надевают «на голову-то косынку плетеную, кружевную-то, что в девках-то, красное солнышко, ходила»⁸. Сновидный контраст белого и черного как жизни и смерти сменяется траурной символикой красного и черного.

Так в прозе зачинателя деревенской прозы формируется ее ведущий метод – символический реализм, основанный на сугубо земных реалиях и вместе с тем обладающий высокой мерой условности. Одно из доказательств тому – наблюдаемые схождения в сновидческом и «реальном» мирах «Привычного дела».

Заключение. Таким образом, возможно выделить онейропоэтику как специфический раздел поэтики литературы, обладающий своеобразными свойствами и связанный с углублением писателей в бессознательное, в т.ч. культурное. Если онейропоэтика – сущностная часть поэтики литературы, то сновидчество – особая литературная модель. В повести Белова эта модель получила плодотворное претворение.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что расшифровка сновидчества в литературном произведении нуждается в соответствующих методах и приемах анализа, включая исследование соотносительности с сюжетно-мотивным комплексом, символикой (цветовой, предметной, звуковой и т.п.), «говорящим» жестом, действием и пр. Как свидетельствует анализ прозы Белова, онейропоэтика формируется в сопряжении с другими модусами поэтики, что способствует обогащению ее идейно-художественного содержания.

Библиографический список

1. Бескова И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ). М.: Институт философии РАН, 2005. 240 с.
2. Головкина С.Х., Федорова А.В. Сны и сновидения в художественном восприятии В.И. Белова (на материале повести «Привычное дело») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 5. С. 95–103. DOI: 10.23859/1994-0637-2017-5-80-10

⁸ Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Классика, 2011–2012. Т. 2. С. 111.

3. Нечаенко Д.А. Формирование жанра сна в прозе Лескова: на стыке традиций // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1 (39). С. 189–196.
4. Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. Алматы: Жазуши, 2013. 520 с.
5. Сновидения в литературе [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Сновидения в литературе](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сновидения_в_литературе) (дата обращения: 13.10.2024).
6. Сны литературных героев [Электронный ресурс]. URL: <https://saharina.ru/articles/sny-literaturnyh-geroev> (дата обращения: 13.10.2024).
7. Теперик Т.Ф. О поэтике литературных сновидений // Русская словесность. 2007. № 3. С. 12–16.
8. Трунов Д.Г. Представления о сновидениях: религиозная, естественнонаучная и психологические модели // Психология и Психотехника. 2016. № 3. С. 256–264.
9. Чепорнюк Е.Н. Сны и видения как форма субъективного времени в романах В.М. Шукшина // Вестник Костромского государственного университета. 2007. № 2. С. 168–172.
10. Чепорнюк Е.Н. Сон как литературный прием в романах В.М. Шукшина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 29 (65). С. 337–340.
11. Федунина О.В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции): монография. М.: Intrada, 2013. 195 с.
12. Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова: монография / ред. и авт. вступ. ст. С.Ю. Баранов. Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. 655 с.
13. Engel, M. Towards a Poetics of Dream Narration (with examples by Homer, Aelius Aristides, Jean Paul, Heine and Trakl). In: *Writing the Dream / Écrire le rêve. Cultural Dream Studies 2*. Ed. Bernard Dieterle/Manfred Engel. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2017. P. 19–42.
14. Hrdlicka, J. The Dream as an Encounter and an Event: Richard Weiner's "Lazebník" (The Barber; 1929). In: *Making – or Not Making – Sense of Dreams. Cultural Dream Studies 9*. Bernard Dieterle / Manfred Engel. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2024, 133–150.
15. Kilroe, P. The Dream as Text, the Dream as Narrative. In: *Dreaming*. 2000, 10, 3, 125–137.
16. Livingstone, J. The Common Dreamscape: A Study of Dream Types in the Writings of Fedor Dostoevskii. In: *Slovo*, 32, 1 (Spring 2019), 31–52. DOI: 10.14324/111.0954-6839.085

Сведения об авторе

Большакова Алла Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН); e-mail: allabolshakova@mail.ru

DREAM ASPECT IN V.I. BELOV'S ONEIROPOETICS

A.Yu. Bolshakova (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the dream aspect in V.I. Belov's oneiropoetics. The work is based on both the theoretical study of the problem and the literary example of its solution in the canonical novel of mid-to-late 20th century.

The purpose of the article is to conduct a categorical and terminological verification of the field of poetics dealing with the study of dreaming in literature, and to verify the theoretical principles by analyzing V. Belov's text. The choice of this author is due to both the demand for his dream models and the high artistic level of their embodiment.

Methodology. The author of this article focuses on modern approaches to the study of literary dreaming, subjecting them to critical revision and developing the means of analysis that are necessary to decipher the deep meanings associated with the unconscious of dream characters.

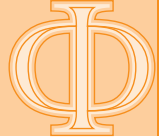
Research results. A literary dream is always an allegory: a complicated plug-in component of the imaginary world of a work, designed to reveal its essential meanings that are not defined at the level of artistic reality as a reflection of reality. Decoding such a model requires special analysis tools. A research in Belov's text shows that any detail or remark can be an author's pointer to deeper meanings. Especially important is the role of artistic means that form receptive dominants to focus the reader's attention: symbols, anomalies, shifts, contrasts, etc.

Conclusions. Oneuropoetics is an essential part of literary poetics, and dreaming is a special literary model. In Belov's work, this model received in-depth psychological development and enriched the ideological and artistic content of the novel.

Keywords: *oneuropoetics, dreaming, literary model, cultural unconscious, plot, symbol, V.I. Belov.*

References

1. Beskova, I.A. *Priroda snovidenij (epistemologicheskij analiz)* [*The Nature of dreams (epistemological analysis)*]. Moscow, Institut filosofii RAN, 2005. 240 p.
2. Golovkina, S.Kh., Fedorova, A.V. Sny i snovideniya v khudozhestvennom vospriyatii V.I. Belova (na materiale povesti "Privychnoye delo") [Dreams and dreaming in the artistic perception of V.I. Belov (based on the material of the novel "The Usual Thing")] In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Cherepovets State University*]. 2017, 95–103. DOI: 10.23859/1994-0637-2017-5-80-10
3. Nechayenko, D.A. Formirovanie zhanra sna v proze Leskova: na styke tradicij [The formation of the genre of sleep in Leskov's prose: at the junction of traditions]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [*Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*]. 2011, 39 (1), 189–196.
4. Savelyeva, V.V. *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneiropoetika russkikh pisatelej* [*Artistic hypnology and oneropoetics of Russian writers*]. Almaty: Zhazushi, 2013. 520 p.

5. *Snovideniya v literature* [*Dreaming in literature*]. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Dreams in the literature](https://ru.wikipedia.org/wiki/Dreams_in_the_literature) (access date: 13.10.2024).
6. *Sny literaturnykh geroev* [*Dreams of literary heroes*]. Available at: <https://saharina.ru/articles/sny-literaturnykh-geroev> (access date: 13.10.2024).
7. Teperik, T.F. O poetike literaturnykh snovideniy [On the poetics of literary dreams]. In: *Russkaya slovesnost* [*Russian literature*]. 2007, 3, 12–16.
8. Trunov, D.G. Predstavleniya o snovideniyakh: religioznaya. estestvennonauchnaya i psikhologicheskiye modeli [Representations of dreams: religious, natural science and psychological models]. In: *Psikhologiya i Psikhotekhnika* [*Psychology and Psychotechnics*]. 2016, 3, 256–264.
9. Chepornyuk, E.N. Sny i videniya kak forma subyektivnogo vremeni v romanakh V.M. Shukshina [Dreams and visions as a form of subjective time in V.M. Shukshin's novels.] In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Kostroma State University*]. 2007, 2, 168–172.
10. Chepornyuk, E.N. Son kak literaturnyy priyem v romanakh V.M. Shukshina [Sleep as a literary device in V.M. Shukshin's novels]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [*Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*]. 2008, 65 (29), 337–340.
11. Fedunina, O.V. *Poetika sna (russkiy roman pervoy treti XIX v. v kontekste traditsii): Monografiya* [*Poetics of dream (the Russian novel of the first third of the 19th century in the context of tradition): Monograph*]. Moscow: Intrada, 2013. 195 p.
12. *Entsiklopediya "Privychnogo dela" V. I. Belova* [*Encyclopedia of "Habitual Thing" by V.I. Belov*]. Ed. S.Yu. Baranov. Vologda: Poligraf-Periodika, 2021. 655 p.
13. Engel, M. Towards the Poetics of Dream Narration (using examples from Homer, Elius Aristides, Jean-Paul, Heine and Trakl). In: *An Essay on Dreaming / The Critic of Sleep. Cultural Studies of dreams 2*. Ed. Bernard Dieterle / Manfred Engel. Würzburg: Königshausen and Neumann, 2017, 19–42.
14. Hrdlicka, J. The Dream as an Encounter and an Event: Richard Weiner's "Lazebník" (The Barber; 1929). In: *Making – or Not Making – Sense of Dreams. Cultural Dream Studies 9*. Ed. Bernard Dieterle / Manfred Engel. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2024, 133–150.
15. Kilroe, P.A. Dream as a Text, a Dream as a Narrative. In: *The Dream*. 2000, 10 (3), 125–137.
16. Livingston, J. The Common World of Dreams: a Study of the Types of Dreams in the Works of Fyodor Dostoevsky. In: *Slovo*, 2019, 32 (1), 31–52. DOI: 10.14324/111.0954-6839.085

About the author

Bolshakova, Alla Yu. – DSc (Philology), Leading Researcher, Department of Ancient Slavic Literature, Gorky Institute of World Literature under the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: allabolshakova@mail.ru

УДК 82

ОБРАЗ АВИАТОРА В РОМАНЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «БЛИСТАЮЩИЕ ОБЛАКА»

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена анализу механизмов функционирования советского авиационного дискурса в художественной прозе 1920-х, вобравшей в себя опыт литературных направлений как последних дореволюционных, так и первого постреволюционного десятилетий. Актуальность работы обусловлена необходимостью реконструировать элементы указанного дискурса на стадии его формирования.

Цель предпринятого исследования – выявление значимых черт образа летчика как важнейшей составляющей авиационной темы на материале знакового романа Паустовского «Блистающие облака».

Обзор научной литературы по проблеме. Осмыслению авиационного дискурса в русской литературе посвящены работы Ю. Левинга, Е. Желтовой, В. Мароши. Ключевые литературоведческие исследования в области советской культуры, используемые в настоящей статье, принадлежат Х. Гюнтеру, К. Кларк, Н.Л. Лейдерману, Н.В. Ковтун.

Методология. В работе использованы структурно-типологический, сопоставительный методы, а также метод мифопоэтического анализа.

Результаты исследования. Выявлено, что стратегия изображения летчика в сочинении К.Г. Паустовского ориентирована как на дореволюционный нарратив, где летчик-человек вторгается в сакральное пространство неба, за что несет наказание (роман начинается с известия о гибели героя), так и на зарождающийся соцреалистический канон.

Выводы. Функции образа летчика в романе К.Г. Паустовского сообразны историко-литературному этапу конца 1920-х гг., где авиатор выступает в роли вестника, психопомпа, репрезентируется как культурный герой формирующегося советского мифа, что впоследствии получит развитие в канонических соцреалистических текстах.

Ключевые слова: Константин Паустовский, Александр Грин, авиационный дискурс, образ авиатора, соцреализм, неоромантизм, культурный герой, трикстер.

Постановка проблемы. Концептуально авиационный дискурс выстраивается именно в первые два послереволюционных десятилетия. К середине 1930-х гг. летчик становится одной из ключевых фигур советского мифа. В 1920-е гг., будучи в стадии становления, он обладает, в отличие от остальных героев (стахановцев, альпинистов, спортсменов), минимальной субъектностью, находясь выше в соцреалистической иерархии [Кларк, 1992], что обусловлено тесной связью авиационного и властного дискурсов.

Статусностью фигуры авиатора для идеологии молодого Советского государства обусловлено наше внимание к указанному образу и авиационному дискурсу в целом. В статье мы придерживаемся дефиниции дискурса, данной

А.А. Грицановым. Согласно его трактовке, это «словесно либо письменно артикулированная форма объективации содержания сознания, обусловленная доминирующим в данной социокультурной традиции типом рациональности. <...>, прежде всего, это речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст» [Грицанов, 2007, с. 148].

Работ, посвященных детальному анализу образа в рамках указанного периода и на материале романа К.Г. Паустовского, на сегодняшний день не обнаружено, что определяет новизну исследования.

Обзор научной литературы по проблеме. Актуальность представленного исследования обусловлена непреходящим интересом современной гуманитаристики к советской мифологии в целом и к авиационному дискурсу в частности. Среди наиболее знаковых работ, посвященных изучению авиационных образов в русской и советской литературе и культуре, стоит отметить статьи В. Мароши [Мароши, 2005], Е. Желтовой [Желтова, 2007]. Тема не теряет актуальности и в последнее десятилетие, что находит отражение в публикациях Т. Загидулиной [Загидулина, 2019], Ю. Левинга [Левинг, 2021]. Отобранный материал (роман К.Г. Паустовского «Блистающие облака») позволяет проанализировать специфические особенности фигуры авиатора в литературе второй половины 1920-х гг., на которую пришлось окончание большого историко-литературного этапа, охватившего почти четыре десятилетия, и начало нового периода – фазы формирования соцреалистического канона.

Материалом анализа в настоящей статье послужил роман К.Г. Паустовского «Блистающие облака», созданный в 1928 г., в самом конце большого историко-литературного этапа, начавшегося в 1890-х гг. Указанный период демонстрирует сосуществование и взаимодействие ряда художественных течений: неоромантизма, романтизма, экспрессионизма, повлиявшего на развитие сюрреализма и абстракционизма, а также соцреализма как одного из направлений развития русской литературы [Лейдерман, 2005].

В. Ковский, анализируя особенности литературного процесса 1920-х гг., приходит к выводу, что «творческий опыт советской классики являет нам целый спектр эстетических взаимодействий, контактов, переключек, направленных и в глубь отечественной культуры, и по ее “горизонтали”, и за ее пределы» [Ковский, 1990, с. 381]. В этом смысле сама полифоничность периода делает рассмотрение творчества того или иного автора данной эпохи в рамках одного направления нецелесообразным.

Как отмечают исследователи, на ранних этапах литературной биографии в текстах К.Г. Паустовского прослеживается ориентация на неоромантическую стратегию А. Грина¹. Ю.Е. Ягжина производит детальный анализ внушительного

¹ О личных связях К.Г. Паустовского и А. Грина пишет А. Варламов [Варламов, 2008, с. 137], кроме того, в контексте рассуждения о взаимоотношениях писателей стоит упомянуть очерки К.Г. Паустовского «Жизнь Александра Грина» (1939), «Сказочник» (1955), повесть «Черное море» (1936).

массива научной и критической литературы разных лет и отмечает: «Исследователи находили, что свои повести Паустовский заселял людьми, “эмигрировавшими” из гриновских книг» [Ягжина, 2016, с. 247]. Мы не можем, вслед за А.В. Громовой, отрицать и вероятного использования автором игровой стратегии [Громова, 2010, с. 212], подразумевающей богатство интертекстуальных связей. Так, роман «Блистающие облака» Паустовского соотносится с «Блистающим миром» Грина (1923) даже на уровне заглавия, очевидным образом присутствует и сюжетная перекличка, однако есть ряд знаковых различий, при анализе которых выявляется тенденция к сближению текста Паустовского с советской идеологией, что обусловлено в том числе и временем создания произведения. Хронологически конец 1920-х гг. соответствует фазе формирования соцреалистического канона (протоканона), когда, по замечанию Х. Гюнтера, «прототипические произведения поставляют в своей общей структуре образцы подражания для романов соцреализма, в деталях они с точки зрения сформировавшегося канона являются все-таки еще несовершенными и дефициентными» [Гюнтер, 2000, с. 283]. Такие тексты не соотносятся с каноном тотально, будучи ориентированными на более ранние, в том числе и авангардистские, стратегии.

Наличие соцреалистических тропов в романе К.Г. Паустовского, таким образом, отвечает логике историко-литературного этапа, где формирующийся метод функционировал как один из векторов существования русской литературы вообще, о чем убедительно говорит Б. Гройс: «Социалистический реализм создавали не массы, а от их имени – вполне просвещенные и искушенные элиты, прошедшие через опыт авангарда и перешедшие к социалистическому реализму вследствие имманентной логики развития самого авангардного метода» [Гройс, 2013, с. 26]. Подобные взаимоотношения писателя с социалистическим реализмом имеют место и на более поздних этапах, в частности О.А. Богданова указывает на соотнесенность послевоенной прозы К.Г. Паустовского с установками на коммунистическую идейность и исторический оптимизм [Богданова, 2025, с. 11].

Подобные сближения наблюдаются и в романе «Блистающие облака», где репрезентируется новая действительность, в том числе и посредством акцентирования внимания на месте действия – России первых постреволюционных лет и шире – СССР. В дневнике летчика есть запись о его пребывании в Усолье и речи председателя уисполкома: «Советская власть делает все для трудящихся, Советская власть в лепешку расшибается – и вот результаты, товарищи!» (Паустовский, 1977, с. 21). В эпизоде беседы героев артикулируются необратимость социальных изменений и необходимость идти в ногу со временем: «– Пожалуй... Что вам от того, что вы живете в двадцатом веке, да еще в Советской России? Ничего. Ни радости, ни печали. Генеральша, которую разорили большевики, и та живее и современнее вас: она хоть ненавидит. А вы что? Вы – старик!» (Паустовский, 1977, с. 29). Современная Россия не мыслится автором как несоветская, что получает подтверждение на символическом плане – портреты вождей органично соседствуют с русскими березами: «В чайной на втором этаже, на закоптелых

стенах были наклеены портреты вождей – Ленина, Калинина. За узкими окнами стучали о стену худые березы» (Паустовский, 1977, с. 157). Акценты, расставленные писателем, сообразны духу времени, которое он принимает и в котором адаптируется, пытаюсь, как и его герои, быть современным.

В центре настоящего исследования находится процесс формирования советского авиационного дискурса. Нас интересует преломление указанной темы в романе К.Г. Паустовского. Значимым, хотя и «внесценическим», героем «Блистающих облаков» является летчик Нелидов, поиски дневника которого составляют сюжетную основу произведения.

Таким образом, *цель представленного анализа* – выявление значимых черт образа авиатора как важнейшей составляющей авиационного дискурса в прозе второй половины 1920-х гг., вобравшей в себя опыт различных художественных течений последних дореволюционных и первого советского десятилетий.

Целью обусловлены конкретные задачи: выяснение функционального наполнения образа летчика в романе К.Г. Паустовского «Блистающие облака» (1928); сопоставление образа авиатора с фигурой летающего человека, персонажа романа А. Грина «Блистающий мир» (1923); анализ трансформации отражения авиационной темы (дискурса) в период становления советской литературы (в том числе и через рассмотрение художественного пространства).

В работе использованы структурно-типологический, сопоставительный методы, а также метод мифопоэтического анализа.

Результаты исследования

Образ авиатора в литературе второй половины 1920-х гг.: переходный тип. В словесности 1920-х образ летчика получает отражение в произведениях по-разному ориентированных авторов. Так, в творчестве М. Зощенко намечается оппозиция «авиатор – обыватель», актуализируется функция вестничества, образ авиатора сопрягается с мистическим содержанием (его могут даже принимать за черта) [Загидулина, 2019, с. 70]; в прозе М. Булгакова в течение 1920–1930-х гг. образ претерпевает значительные изменения, одинокий безымянный мертвый пилот («Киев-город», 1923) противопоставляется летчику Дарагану из пьесы «Адам и Ева» (1931), вписывающемуся в представление об идеальном организованном представителе коллектива [Загидулина, 2019, с. 76]. В детской литературе, в частности в рассказе К. Минаева «Летуны», актуализируется функция вестничества (агитполеты, просвещение), кроме того, авиатор выступает в роли психопомпа [Загидулина, 2019, с. 86].

В романе К.Г. Паустовского уже функционирует тип героя, максимально приближенный к фигуре сталинского сокола (хотя само выражение возникнет позже), но реализуется он косвенно, посредством созданного летчиком текста. Примечателен жанр этой рукописи – личный дневник, что подчеркивает пока неполное слияние авиационного и властного дискурсов. Интерес государства к этому документу диктуется тем, что частное переходит в ранг общественного, оно важно лишь потому, что может лечь в основу социального развития.

В романе неоднократно артикулируются неординарность и универсальность дарования авиатора – с одной стороны, он демонстрирует высокое мастерство полета, с другой – занимается техническим творчеством, а также создает тексты литературоведческого и критического характера: «Начинается дневник с исследования о сопротивлении воздуха при полете. Много выкладок, цифр, но все это <...> пересыпано мыслями из дневника Леонардо да Винчи, своими личными записями...» (Паустовский, 1977, с. 18); «Здесь же Нелидов вставил короткий очерк о птицах в литературе <...>. Поначалу это кажется хаотичным, но через пять-десять страниц уже улавливаешь <...> облик человека, никогда не оглядывающегося назад» (Паустовский, 1977, с. 18).

Характеристика летчика как «человека, никогда не оглядывающегося назад» свидетельствует о его абсолютной обращенности в будущее, аллюзия на труды мастера эпохи Возрождения – о соотносительности главного героя с таким психологическим типом интеллектуала, как полимат («полимат – это человек, чьи знания охватывают значительное количество предметов и который использует сложные совокупности знаний для решения конкретных проблем» [Егерев, 2023, с. 231]). Британский медиевист Питер Берк, детально описывая особенности мышления «универсальных людей», относя к ним Дени Дидро, Леонардо да Винчи, Ю. Лотмана и др., полагает ключевыми отличиями полиматов от специалистов узкого профиля их любознательность, многозадачность, способность совмещать подходы разных дисциплин для исследования контекстных феноменов. Кроме того, исследователь полагает, что именно междисциплинарность является двигателем прогресса. Именно такой «универсальный» герой представлен в романе Паустовского как человек будущего, а текст, им созданный, – как ответ на интеллектуальные вызовы времени. Инновационность самого образа авиатора наиболее ярко выявляется при анализе литературного контекста и интертекстуальных связей произведения. Знаковой в этом смысле является аллюзивная связь «Блистающих облаков» К.Г. Паустовского с романом «Блистающий мир» А. Грина. При сопоставительном анализе произведений выстраиваются достаточно очевидные параллели на сюжетном и персонажном уровнях. Примечательно, что роман Грина оканчивается смертью героя, роман Паустовского начинается с рассказа о гибели авиатора. Сюжетная перекличка не случайна, она подчеркивает дискуссионный характер романа Паустовского по отношению к произведению А. Грина, о чем свидетельствуют и сходные эпизоды двух текстов, в которых, однако, акценты расставлены подчас прямо противоположным образом.

В центре внимания автора «Блистающего мира» находится фигура летающего (в прямом смысле) человека Друда, образ которого подсвечен фантастическими и даже мистическими мотивами. Герой-одиночка, обладающий исключительным даром, однако, не угоден государству, его талант воспринимается как опасность: «неуловимый Некто может распоряжаться судьбой, жизнью и собственностью всех без исключения» (Грин, 1988, с. 38). Наделенный невероятными способностями летчик Нелидов, чей уникальный дневник, охарактеризованный

одним из персонажей как «нечто совершенно новое в литературе, да и вообще в истории культурного человечества» (Паустовский, 1977, с. 18), напротив, не вызывает беспокойства властей, более того, поиски документа государство финансирует («Государство, в лице одной из своих организаций, дает на поиски немного денег» (Паустовский, 1977, с. 22)).

Этот акцент позволяет типологически разграничить образы персонажей: Друд – романтический герой-одиночка, исключительный человек в исключительных обстоятельствах, он противопоставлен власти как таковой. Связанные с ним персонажи отделены от общества, несчастны – это и Руна, пожелавшая его смерти, и Тави, которая после встречи с ним потеряла связь с привычным кругом общения (о ее судьбе после смерти героя читателю ничего неизвестно), и Стеббс, одинокий смотритель маяка и, говоря словами персонажа, плохой поэт.

Летчик Нелидов лишь на первый взгляд обладает чертами романтического героя, он не противопоставлен сильному миру сего, более того, поиски его дневника позволяют людям, к ним причастным, пройти процесс социализации и стать полноценными членами обновленного общества. В финале романа изначально пассивные герои обретают идентичность в реалиях радикальным образом изменившегося мира, избавляются от неустроенности, неприкрепленности и связанной с этим фрустрации: «Батулин знал, что вот к этому – к плодоносной земле, <...> к мудрости, скрытой в каждой, самой незначительной вещи, – он будет идти, звать, мучить людей, пока они не поймут, что без этого нельзя жить, бороться...» (Паустовский, 1977, с. 164); «“Верхавен” перешел в собственность Советского Союза, и капитан Кравченко получил предписание принять его, отремонтировать и вступить в командование» (Паустовский, 1977, с. 161) и т.д.

Таким образом, при сопоставлении персонажей выстраивается оппозиция «коллективное – индивидуальное», одиночество романтического героя противопоставляется коллективистскому порыву персонажей советской прозы. Предположение о знаковом различии героев, которое подчеркивает дискуссионный по отношению к тексту Грина характер романа Паустовского, подтверждается сопоставлением образов на уровне культурных архетипов.

Друд, летающий человек А. Грина, обладает трикстерской природой. Н.В. Ковтун выделяет принципиальные черты трикстера – амбивалентность, витальность, потенциал медиации, лиминарность и ситуативность, органичную связь с творческим началом, соотнесенность с сакральным контекстом [Ковтун, 2022]. Двойственность персонажа проявляется уже в самом начале романа, буквально в первом предложении: «Семь дней пестрая суматоха афиш возвещала городским жителям о необыкновенном выступлении в цирке “Солейль” “Человека Двойной Звезды”» (Грин, 1988, с. 5). Двойная звезда – творческий псевдоним летающего человека Друда, он, как и другие его имена, отсылает к библейской символике и указывает на соотнесенность персонажа с сакральным контекстом: «Друд – “Двойная Звезда” – <...> представляется то силой дьявольской, то силой божественной. “Двойственность” чудесной природы

особенно ярко подчеркивается на уровне именованного героя. На визитной карточке Друда – две буквы: “Э. Д.”, которые можно расшифровать по-латыни и как “Ессе Dominus”, и как “Ессе Diabolus”; другое имя героя – Симеон Айшер, первая часть которого напоминает о лжепророке Симоне-волхве; третье имя – Вениамин Крукс: лат. *crux* – “крест”, имя Вениамин также вписывается в круг библейских ассоциаций» [Царькова, 2003, с. 306], – отмечает Ю. Царькова.

Связь Двойной Звезды с архетипом трикстера выявляется также при анализе эпизодов, связанных с реакцией горожан на его выступление в цирке: «Эти вести создали легенду о черте <...>. Наперерез этой диковине всплыл слух об ангелах, <...>, но более склонялись все к объяснению <...>, что приезжий грек изобрел летательную машинку, <...>; грек вылетел из цирка на улицу и упал <...>. Венцом всей путаницы было потрясающее известие о посещении цирка стайей летающих мертвецов...» (Грин, 1988, с. 21). Похожий эпизод присутствует в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, где подобные слухи ходили о Воланде, которого М. Липовецкий встраивает в трикстерскую парадигму, характеризуя его поступки как «масштабный потлач, учиняемый ради утверждения сакральной свободы» [Липовецкий, 2009, с. 233]. То же у Грина – священной ценностью, провозглашаемой Друдом, становится свобода, что указывает на связь персонажа с сакральным контекстом.

Сопряженность образа Друда с пространством цирка, игры, также свидетельствует о трикстерской природе персонажа. Кроме того, именно в желании Человека Двойной Звезды выступить на арене проявлено мощное творческое начало: «Время от времени <...> слабеет мой дар, если не оживлять его; он восстанавливается вполне, когда есть зрители моих упражнений. Вот – единственное ядро, к которому я прикован» (Грин, 1988, с. 7). Летающий человек не может жить без зрителя, как, например, не может существовать без читателя писатель. Творчество Друда, однако, существует само в себе, оно не направлено вовне, в демонстрации фактически нуждается лишь он сам. Герой отказывается от идеи Руны о власти, ему ближе игра, которой он готов предаваться постоянно: «Друд повернул обратно, развлекаясь обычной игрой...» (Грин, 1988, с. 19). Мотивация персонажа говорит об иррациональности как отнологическом основании его мировоззрения: «Я буду и посмотрю, как это сильное дуновение, этот удар вихря погасит маленькое косное пламя невежественного рассудка» (Грин, 1988, с. 7). Таким образом, иррациональность, соотнесенность с сакральным контекстом, пограничность, двойственность, игровая стратегия поведения, ярко выраженное творческое начало позволяют говорить о трикстерской природе гриновского персонажа.

Летчик Нелидов, напротив, обладает потенциалом культурного героя формирующегося советского мифа. Знание, которое он дарует людям, его труд, важны для государства, он сам осознает это, отдавая свой дневник на время полетов сестре, чтобы рукопись не была утрачена в случае его смерти. Важно и то, что его знание носит интегративный, но при этом сугубо рациональный характер:

«Он <...> написал монографию о кустарных промыслах – лаковых изделиях, кружевах, выделке замши и набойке» (Паустовский, 1977, с. 19); «он ухитрился написать две прекрасные работы: о поэте Мее и о “сколачивании фразы”» (Паустовский, 1977, с. 20); «Нелидов сконструировал тысячесильный мотор весом в пятьсот кило. Это значит, что самолет с его мотором может взять вчетверо больше горючего и вчетверо удлинить полет» (Паустовский, 1977, с. 18). Окружающие воспринимают его как воплощенный идеал советского человека, овеществленное знание о новом мире: «Настоящих советских людей мы почитай что не видели. <...> С нами, в волчьей нашей глуши, сидит советский летчик, кавалер пролетарских орденов. Не то важно, что прислали к нам самолет, а то, что показали нам нового человека – каков он должен быть» (Паустовский, 1977, с. 21). Мотив чуда, функционирующий и у Грина, акцентирован в «Блистающих облаках» прямо противоположным образом: авиатор, являющий чудо нового человека, воспринимается исключительно позитивно, без страха перед его возможностями. Это сила, вставшая под знамена советской власти.

С указанным признаком связана еще одна функция образа летчика, характерная для текстов 1920-х гг., – функция психопомпа, водителя душ. Он, будучи представителем не только нового времени, но и нового пространства – СССР, перемещает молодую женщину Наташу, дочь председателя уисполкома, в Москву, идеологический центр Советского мироздания, ключевую точку на ментальной карте СССР: «Она потупилась и очень тихо, но упрямо сказала:

– Возьмите меня в Москву, – я не боюсь. Я учиться хочу. Не могу я здесь оставаться» (Паустовский, 1977, с. 21).

Этот эпизод перекликается с сюжетом детской повести К. Минаева «Летуны» (1926), рассмотренной нами в рамках анализа образа авиатора в детской литературе 1920-х гг., где авиатор функционирует как «проводник между мирами – города и деревни, реальности и коммунистической утопии» [Загидулина, 2019, с. 86].

Прямо противоположно развитие аналогичной линии у Грина: «Я зову тебя, девушка, сердце родное мне, идти со мной в мир недоступный, может быть, всем. Там тихо и ослепительно. Но тяжело одному сердцу отражать блеск этот; он делается как блеск льда» (Грин, 1988, с. 140). Друд сам приглашает молодую женщину уйти от общества в идеальный, другой, мир, покинуть социум. Ее воля заключается только в том, чтобы согласиться или отказаться.

Кроме того, в романе Паустовского актуализируется вестническая ипостась авиатора. Он выполняет агитполеты, являясь проводником знания о новом прекрасном мире: «Он говорил тихо. Говорил об авиации, о том, что он счастлив покрывать сотни верст над сплошными лесами, чтобы доставить затерянным в глуши людям возможность радоваться вместе с ним человеческому гению, упорству, смелости» (Паустовский, 1977, с. 21). Авиационный дискурс посредством сюжета агитполета сливается с дискурсом властным, именно посредством пропаганды большевики «обращают в свою веру» людей, живущих

на периферии огромной страны. Весть, которую несет авиатор, находится не только в области техники или литературоведения, но и в области идеологии. В этом смысле летчик – универсален.

Гибель авиатора способствует сакрализации его фигуры, в этом контексте важно, что после смерти герой обретает вечность в тексте, опережающем время, именно это опережение сближает образ летчика с типом научного визионера, мыслителя-новатора, идеи которого станут частью фундамента при строительстве нового общества.

Персонаж «Блистающего мира» Друд сознательно отказывается от подобной роли, когда Руна предлагает ему создать некий сакральный текст: «В той книге вы напишете о себе, всему придав тот смысл, что тайна и условия счастья находятся в воле и руках ваших, – чему поверят все, так как под счастьем разумеют несбыточное» (Грин, 1988, с. 58). Летящий человек предпочитает мессианству игру и свободу, о чем свидетельствует второе его явление на публике под личиной изобретателя Крукса, сконструировавшего удивительный летательный аппарат. Демонстративность поведения героя обусловлена его стремлением подпитывать свой дар, однако она парадоксальным образом сочетается с жаждой одиночества, отчужденностью, способностью пребывать одновременно в двух мирах, что сближает образ Двойной Звезды с типом творческой личности эпохи Серебряного века, которая обладает способностью к трансгрессии, воплощения «несбывшегося». Именно на смену двойственному, иррациональному и обращенному к трансцендентному герою приходит авиатор.

Так, потенциал авиатора как культурного героя раскрывается прежде всего в просветительской функции, где важны не только те знания, которые он несет в мир, но и сам он в качестве овеществления идеи нового человека. Кроме того, актуализируется функция вестничества, фактически авиатор становится проводником идей государства. Он может преодолевать границы, в том числе и действуя как психопомп. Основной интенцией летчика является соединение мира идеального, частью которого является он сам, и мира реального, летающий человек Грина, напротив, проводит грань между этими мирами. Традиционное романтическое двоemiрие подвергается разрушению в творчестве Паустовского.

Трансформация репрезентации пространства неба: возможность преодоления границ. Небо в дореволюционной культуре обладало характеристиками сакрального пространства: авиационный нарратив, как правило, был сопряжен со смертью (А. Блок «Авиатор» (1910–1912); И. Бабель «Одесса» (1916) и др.) или сумасшествием летчика (А. Куприн «Уточкин» (1915)), иногда, как в рассказе Л. Андреева «Полет» (1914), с тем и другим. Гибель, однако, осознавалась не только наказанием за гордыню, но и закономерным итогом бессмысленного риска артиста, работающего на публику, человека, недостойного находиться в священном месте. Сам полет соотносился с преодолением границы между сакральным и профанным.

Подобным образом репрезентируется пространство неба в прозе А. Грина: «Однако выясним суть, желания, идею полета, его мыслимое идеальное состояние. Неизбежно здесь сновидение; лишь его волнующий арабеск подскажет <...>, чем одушевлен чистый полет. Им правит легкий и глубокий экстаз; неведомые наяву чувства...» (Грин, 1988, с. 94). Небо – это второй, другой мир, пространство сна, грезы, доступное лишь существам, обладающим нечеловеческой природой. Как отмечает А.Н. Варламов, «тема летящего вне самолета человека была для Грина важна еще с дореволюционных пор. <...> Но, пожалуй, никого из русских писателей сама возможность оторваться от земли и полететь не потрясла и лично не задела так сильно, как Грина. <...> Он возненавидел авиационную технику ревностью оскорбленного любовника неба» [Варламов, 2008, с. 208]. Кроме того, А.Н. Варламов упоминает рассказ Грина «Летчик Киршин», где трагедия происходит от столкновения аэроплана с воздушным шариком, указывая на важность мотива в контексте темы авиации в творчестве писателя. В этом видится отрицание рации, сугубый индивидуализм – свидетельство приверженности писателя романтическим идеалам. Пространство неба сакрально в рамках его идеологии, вторгаться туда может только человек со сверхспособностями, техника оскверняет его.

В начале 1920-х гг. начинается развитие линия, которая и станет магистральной в советской литературе, «намечается тенденция к десакрализации пространства неба, что влечет за собой изменение восприятия фигуры авиатора от беспомощного и смешного человека в небе до почти бога, богочеловека» [Загидулина, 2019, с. 52], которая реализуется в произведениях В. Маяковского («Разве у вас не чешутся обе лопатки» (1923)), В. Катаева («Летят» (1923)) и др. В конце десятилетия в литературном поле происходят существенные изменения репрезентации феномена авиации, о чем свидетельствуют тексты второй половины 1920-х (в том числе и «Блистающие облака»), часто ориентированные на формирующуюся идеологию соцреализма.

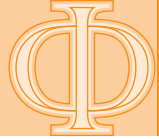
В романе К.Г. Паустовского органично сочетаются обе тенденции. С одной стороны, авиатор явлен как универсальный человек, проективный советский герой, с другой – в нем еще остаются черты трагической фигуры дореволюционного авиатора. Осуществляя агитполеты, летчик Нелидов предельно рационален, он реализует потенциал советского культурного героя. Двигаясь «по горизонтатали», авиатор осуществляет волю государства, реализуя вестническую и просветительскую функции. Высотные полеты, однако, порождают в его сознании иррациональное, так, устремляясь ввысь, авиатор утрачивает рацию, являющееся стержнем его личности, полет обретает характеристики метафизического акта: «На высоте – сознание, память, мысли – все обостряется. <...> Высотные полеты делают людей индивидуалистами. <...> На высоте я всегда кричу <...>. Я кричу одну только строчку чьих-то стихов “Земля, как мать, нежна к забытым божествам” <...>. Почему все это происходит – не знаю»

(Паустовский, 1977, с. 19). Кроме явных отсылок к тексту Грина, очевидно сходство фрагмента с эпизодом из рассказа Л. Андреева «Полет» (1914): «Вот и сбился мой счастливый сон, вот уже я и в святом жилище моем, хожу среди моих высоких зал, и нет со мною никого, только свет один» (Андреев, 1982, с. 393). Актуализируется сюжет пересечения границы между мирами, однако летчик Л. Андреева не способен вернуться – он погибает, его дух освобождается от плоти, а авиатор Паустовского в силах пересечь границу еще раз, хотя гибель его вполне вписывается в рамки дореволюционных авиационных сюжетов. Это свидетельствует о том, что само пространство неба репрезентируется как более доступное для человека, но тем не менее неподвластное ему. Нарратив, явленный в тексте Паустовского, все же пока далек от риторики 1930-х гг., когда увлечение авиацией приобретает массовый характер, а небо полностью утрачивает характеристику *sacrum spatium*.

Выводы. Таким образом, сложный и разнообразный историко-литературный период 1920-х гг. порождает тип нового авиатора. Именно тогда происходит формирование советского авиационного дискурса, однако достаточно сильным остается влияние дореволюционной словесности, где образ летчика трактуется через призму трюкачества, бессмысленного риска, кроме того, сам полет репрезентируется как вторжение в сакральное пространство неба, проявление человеческой гордыни. К началу 1930-х гг. под влиянием новых социокультурных условий актуализируется иное представление об авиации и авиаторе: «небо уже становится обыденной территорией, предназначенной для существования в нем советского сверхчеловека» [Загидулина, 2019, с. 47]. Особенно ярко этот перелом являет себя при сопоставительном анализе романов А. Грина и К. Паустовского.

В произведении А. Грина, приводимом в качестве материала для сопоставления, истинным правом пребывания в «блистающем мире» обладает лишь сверхъестественное существо – летающий человек – Друд, реализующий трикстерское начало в трюке и обладающий способностью к преодолению границ. Собственно авиация репрезентируется в негативном ключе: человек может и должен летать без техники, полет мыслится как выход за пределы реальности, метафизический акт. В тексте К.Г. Паустовского актуализируется тенденция к десакрализации пространства неба, наметившаяся в литературе после революции. Пространство неба доступно новому человеку, советскому летчику, образ которого к 1930-м гг. воплотится в идеале летчика-писателя, творца, что также отсылает к типу культурного героя.

Так, функциональное наполнение образа авиатора в романе «Блистающие облака» сообразно историко-литературному этапу второй половины 1920-х гг., где летчик выступает в роли вестника, психопомпа, репрезентируется как культурный герой формирующегося советского мифа, что впоследствии получит развитие в канонических соцреалистических текстах (М. Водопьянов, Б. Полевой, В. Каверин).

Список источников

1. Андреев Л. Полет // Андреев Л. Избранное. М.: Современник, 1982. С. 386–394.
2. Грин А.С. Блестающий мир; Бегущая по волнам: рассказы. Архангельск: Северо-Западное книж. изд-во, 1988. 380 с.
3. Паустовский К.Г. Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 1: Блестающие облака: роман; Черное море: повесть. 311 с.

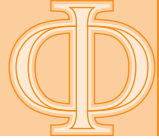
Библиографический список

1. Богданова О.А. Тема «усадьба и лес» в литературе социалистического реализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. (К.Г. Паустовский и Л.М. Леонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. № 3. С. 8–18.
2. Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. 452 с.
3. Грицанов А.А. Дискурс // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 148–152.
4. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 168 с.
5. Громова А.В. Интертекстуальность ранней прозы К.Г. Паустовского: постановка проблемы // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / под ред. Е.Ф. Кирова, Г. Кундротаса, М.Б. Лоскутниковой. М.: МГПУ, 2010. Вып. 5 С. 205–214.
6. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб.: Академический проект. 2000. С. 282–287.
7. Егерев С.В. Ученый между универсальностью и специализацией. Рецензия на книгу Питера Берка «Полимат: история универсальных людей от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг» // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 1. С. 230–237.
8. Желтова Е.Л. Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX века // Труды Русской антропологической школы. 2007. Вып. 4, ч. 2. С. 163–193.
9. Загидулина Т.А. Ни ввысь, ни свыше. Авиационный дискурс в русской литературе 20-х–30-х гг. XX в. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. 208 с.
10. Кларк К. Сталинский миф о «Великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 83–93.
11. Ковский В.Е. Реалисты и романтики: из творческого опыта русской советской классики. М.: Художественная литература, 1990. 381 с.
12. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени (на материале русской прозы второй половины XX–XXI века). М.: ФЛИНТА, 2022. 408 с.
13. Левинг Ю. Поэзия в мертвой петле (Мандельштам и авиация) к 130-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама. М.: Бослен, 2021. 223 с.
14. Лейдерман Н. «Магистральный сюжет». XX век как литературный мегацикл // Урал. 2005. № 3. С. 226–239.

15. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // НЛО. 2009. № 6 (100). С. 224–245.
16. Мароши В.В. Дионисийские мотивы в литературной неомифологии авиатора // Культура и текст. 2005. Т. 1. С. 15–33.
17. Царькова Ю. Испытание чуда: Роман А. Грина «Блистающий мир» // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 303–316.
18. Ягжина Ю.Е. Интертекстуальность романа К.Г. Паустовского «Блистающие облака» // LITTE RATERRA: материалы V Международной конференции молодых ученых. 2016. С. 243–252.

Сведения об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

THE IMAGE OF AN AVIATOR IN *SHINING CLOUDS* BY K.G. PAUSTOVSKY

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the mechanisms of functioning of the Soviet aviation discourse in the fiction of 1920s incorporating the experience of literary trends in both the last pre-revolutionary and first post-revolutionary decades. The relevance of the work is due to the need to reconstruct the elements of this discourse at the stage of its formation.

The purpose of the study is to identify significant features of the pilot's image as the most important component of the aviation theme based on the material of Paustovsky's landmark novel *Shining Clouds*.

A review of scientific literature on the problem. The works of Y. Leving, E. Zheltova, and V. Maroshi are devoted to the understanding of aviation discourse in Russian literature. The key literary studies in the field of Soviet culture used in this article belong to H. Gunther, K. Clark, N.L. Leiderman, and N.V. Kovtun.

Methodology. The paper applies structural-typological, comparative methods, as well as the method of mythopoetic analysis.

Research results. It is revealed that the strategy of portraying a pilot in K.G. Paustovsky's novel is focused both on the pre-revolutionary narrative, where a human pilot invades the sacred space of the sky and is punished for that (the novel begins with the news of the death of the hero), and on the emerging socialist realism canon.

Conclusions. The functions of the pilot's image in K.G. Paustovsky's novel are consistent with the historical and literary stage of the late 1920s, where the aviator acts as a messenger, a psychopomp, and is represented as a cultural hero of the emerging Soviet myth, which will later be developed into canonical socialist realist texts.

Keywords: *Konstantin Paustovsky, Alexander Green, aviation discourse, image of an aviator, socialist realism, neo-romanticism, cultural hero, trickster.*

References

1. Bogdanova, O.A. Tema "usad'ba i les" v literature socialisticheskogo realizma konca 1940-h – nachala 1950-h gg. (K.G. Paustovskij i L.M. Leonov) [The theme of "estate and forest" in the literature of socialist realism of the late 1940s – early 1950s (K.G. Paustovsky and L.M. Leonov)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma State University]*, 2025, 3, 8–18.
2. Car'kova, Yu. Ispytanie chuda: Roman A. Grina "Blistayushchij mir" [The test of a miracle: A. Grin's novel "The Shining World"]. In: *Voprosy literatury [Questions of literature]*, 2003, 5, 303–316.
3. Egerev, S.V. Uchyonyj mezhdru universal'nost'yu i specializaciej. Recenziya na knigu Pitera Byorka "Polimat: istoriya universal'nyh lyudej ot Leonardo da Vinchi

- do S'yuzen Sontag" [A scientist between universality and specialization. A review of Peter Burke's book "The Polymath: A Cultural History from Leonardo da Vinci to Susan Sontag"]. In: *Upravlenie naukoy: teoriya i praktika [Science management: theory and practice]*, 2023, 5, 1, 230–237.
4. Gricanov, A.A. Diskurs [Discourse]. In: *Novejshij filosofskij slovar'. Postmodernizm [The latest philosophical dictionary. Postmodernism]*. Minsk, Sovremennyy literator, 2007, 148–152.
 5. Grojs, B. *Gesamtkunstwerk Stalin [The Total Art of Stalin]*. Moscow, OOO "Ad Marginem Press", 2013. 168 p.
 6. Gromova, A.V. Intertekstual'nost' rannej prozy K.G. Paustovskogo: postanovka problemy [Intertextuality of K.G. Paustovsky's early prose: problem statement]. In: Kirov E.F., Kundrotas G., Loskutnikova M.B. (eds.) *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnyh statej [Russian studies and comparative studies: collection of scientific articles]*. Moscow, MGPU, 2010, 5, 205–214.
 7. Gyunter, H. Zhiznennye fazy socrealisticheskogo kanona [Life phases of the socialist realist canon]. In: *Socrealisticheskij kanon: sbornik statej [The socialist realist canon: collection of articles]*. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt, 2000, 282–287.
 8. Klark, K. Stalinskij mif o "Velikoj sem'e" [The Stalinist myth of the "Great Family"]. In: *Voprosy literatury [Questions of literature]*, 1992, 1, 83–93.
 9. Kovskij, V.E. *Realisty i romantiki: iz tvorcheskogo opyta russkoj sovetskoj klassiki [Realists and romantics: from the creative experience of Russian Soviet classics]*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1990. 381 p.
 10. Kovtun, N.V. *Trikster kak geroj nashego vremeni (na materiale russkoj prozy vtoroj poloviny XX – XXI veka) [The trickster as a hero of our time (based on Russian prose of the second half of the 20th – 21st centuries)]*. Moscow, FLINTA, 2022. 408 p.
 11. Lejderman, N. "Magistral'nyj syuzhet". XX veka kak literaturnyj megacikl ["The mainline plot". The 20th century as a literary megacycle]. In: *Ural [Ural]*, 2005, 3, 226–239.
 12. Leving, Yu. *Poeziya v myortvoj petle (Mandel'shtam i aviacija) k 130-letiyu so dnya rozhdeniya O.E. Mandel'shtama [Poetry in a dead loop (Mandelstam and aviation) for the 130th anniversary of the birth of O.E. Mandelstam]*. Moscow, Boslen, 2021. 223 p.
 13. Lipoveckij, M. Trikster i "zakrytoe" obshchestvo [The trickster and the "closed" society]. In: *NLO [New Literary Observer]*, 2009, 6 (100), 224–245.
 14. Maroshi, V.V. Dionisijskie motivy v literaturnoj neomifologii aviatora [Dionysian motifs in the literary neomythology of the aviator]. In: *Kul'tura i tekst [Culture and text]*, 2005, 1, 15–33.
 15. Varlamov, A.N. *Aleksandr Grin [Alexander Grin]*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2008. 452 p.

16. Yagzhina, Yu.E. Intertekstual'nost' romana K.G. Paustovskogo "Blistayushchie oblaka" [Intertextuality of K.G. Paustovsky's novel "Shining Clouds"]. In: *LITERATERRA: materialy V Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh* [*LITERATERRA: proceedings of the V International Conference of Young Scientists*], 2016, 243–252.
17. Zagidulina, T.A. *Ni vyys', ni svyshe. Aviacionnyj diskurs v russkoj literature 20-h–30-h gg. XX v.* [*Neither from above, nor from below. Aviation discourse in Russian literature of the 1920s–1930s*]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.P. Astaf'eva, 2019. 208 p.
18. Zheltova, E.L. Kul'turnye mify vokrug aviacii v Rossii v pervoj treti XX veka [Cultural myths around aviation in Russia in the first third of the 20th century]. In: *Trudy Russkoj antropologicheskoy shkoly* [*Proceedings of the Russian Anthropological School*], 2007, 4, 2, 163–193.

About the author

Zagidulina, Tatyana A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Methods of Primary Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: zagi9@rambler.ru

УДК 82-32+82.0+82(091)

МОТИВ СОВМЕСТНОГО ЧТЕНИЯ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О.Н. Турышева (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Литературный мотив совместного чтения до сих пор не был предметом ни теоретического, ни историко-литературного описания.

Материал статьи составляют повествовательные произведения разных литературных эпох, изображающие опыт партнерского чтения.

Цель статьи – в опоре на эстетическую мысль времени проследить, как меняется семантика мотива совместного чтения в литературе разных художественных парадигм.

Обзор научной литературы по теме. Исследования мотива чтения в литературе следует признать редкими. Как правило, они ограничиваются анализом характера изображения чтения индивидуального и обращены к выявлению круга чтения героя, изображенного в акте взаимодействия с литературой. В науке существует только один опыт изучения художественной репрезентации совместного чтения. Это статья Н.Д. Кочетковой 1983 г., посвященная совместному чтению героев литературы сентиментализма. Автор данной статьи на отдельных примерах прослеживает, как меняется семантика мотива партнерского чтения в литературе разных исторических периодов.

Методология исследования. Методология исследования синтетична и объединяет имманентный анализ текстов, содержащих мотив совместного чтения, с опорой на историко-литературную, сравнительную и герменевтическую методологию.

Результаты исследования касаются выявления особенностей художественного изображения опыта совместной коммуникации с книгой в литературе традиционализма, Нового и Новейшего времени.

Заключение. Эволюция литературного мотива совместного чтения непосредственно связана с эволюцией эстетических и философских представлений о прагматике литературы и субъектности человека.

Ключевые слова: *мотив индивидуального чтения, мотив совместного чтения, мотив партнерского чтения, читающий герой.*

Постановка проблемы. Литературный мотив совместного чтения до сих пор не был предметом историко-литературного описания. В художественных произведениях, касающихся темы чтения, он представлен значительно реже по сравнению с мотивом чтения уединенного. И все же выделить семантические оттенки в изображении совместной читательской деятельности в литературе разных исторических периодов представляется вполне возможным.

Каждый из названных мотивов репрезентирован определенного рода сюжетными ситуациями. Так, ситуация *уединенного* чтения подразумевает систему, ограниченную двумя взаимодействующими элементами: читатель и книга.

В ситуации *совместного* чтения эта двукомпонентная система дополняется новыми звеньями: одну книгу читают носители разных сознаний, по отношению друг к другу они выступают в роли Другого как субъекта иного взгляда на мир и на предмет чтения. Поэтому наличие партнера по чтению особым образом семантизирует ситуацию коммуникации с книгой. В этом случае читательская деятельность вовсе не ограничивается задачами понимания смысла, сопереживания героям, утешения и т.д., как это бывает при чтении индивидуальном, когда читатель вступает во взаимодействие только с тем с сознанием, которое воплощено в тексте – сознанием героя или автора. В статье и ставится задача выявления тех целей и результатов, с которыми сама литература связывает опыт совместного чтения.

Материал статьи составляют отдельные повествовательные произведения разных литературных эпох, наиболее репрезентативные с точки зрения характера изображения опыта партнерского чтения.

Цель статьи – в опоре на эстетическую и философскую мысль времени проследить, как меняется семантика мотива совместного чтения в литературе разных художественных парадигм.

Обзор научной литературы по теме. В нашем предшествующем исследовании, посвященном изображению в литературе читающего человека [Турьшева, 2011], ситуация совместного чтения не выделялась в отдельную мотивную парадигму. В науке существует только один опыт изучения художественной репрезентации совместного чтения. Это статья Н.Д. Кочетковой, посвященная совместному чтению героев литературы сентиментализма [Кочеткова, 1983]. Мы же намереваемся на отдельных выразительных примерах проследить, как меняется семантика мотива в литературе разных исторических периодов. Обратим внимание и на то, что редкие исследования мотива чтения в художественной литературе, как правило, обращены к выявлению круга чтения читающего героя как средства его характеристики, а также к реконструкции сюжето- и смыслообразующего потенциала этого мотива (см., например: [Ковтун, 2014; 2015; 2022; Налегач, 2020]). Но опять же речь идет в первую очередь об изображенном в литературе чтении индивидуальном и уединенном. В то же время в научной литературе осваивается и мотив чтения коллективного, вовлекающего в обоюдную коммуникацию с литературой крупные сообщества людей. Например, в работах, посвященных аналитике романов Вс. Беннигсена «ГенАцид» и М. Елизарова «Библиотекарь», посвященных рефлексии о русском литературоцентризме (см., например: [Ковтун, 2025; Щербинина, 2010; Щербитко, 2013; Жиронкина, 2009; Ханов, 2015; Турьшева, 2013]). Мы же обратимся к мотиву, который подразумевает сотрудничество двух или нескольких читающих персонажей, объединенных рефлексией над совместно прочитанной книгой.

Результаты исследования. Первым опытом изображения совместного чтения в европейской литературе является чтение героев «Божественной комедии»

Данте – Франчески да Римини и Паоло Малатесто. Обращает на себя внимание то, что в рамках данной сцены читатели отнюдь не изображаются как носители индивидуальной субъектности. Читая роман Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь телеги», герои Данте оказываются едины в своем бессилии перед его властью: их совместное чтение завершается «цитированием» поцелуя героев куртуазного повествования. И хотя описание загробного существования Франчески и Паоло окружено в повествовании Данте сочувственными коннотациями, оно во все не распространяется на факт их грехопадения, источником которого является подчинение куртуазному тексту.

Осуждение подражательного чтения у Данте связано, безусловно, с предписывающим пафосом средневековой идеологии, в рамках которой светское чтение осуждалось как источник моделей ложной идентификации. Средневековая культура нормативным образцом полагала только идентификацию с Христом. Поэтому у Данте светское чтение и рассматривается как фактор грехопадения, а восприимчивые к литературному соблазну герои-читатели изображаются как обреченные сбиться с пути «в выдуманных страстях литературных героев». «Участуй [же] они в Страстях Господних, они оказались бы на верном пути», – так Жан Старобинский реконструирует логику средневековой фобии светского чтения [Старобинский, 2002, с. 314].

Факт *совместного* подчинения литературному соблазну особенным образом подчеркивает эти смыслы. Собственно, здесь ситуация партнерского чтения только и нужна, чтобы вывести из взаимодействия с книгой катастрофический результат, а вовсе не для того, чтобы акцентировать коммуникативный аспект чтения: герои *не коммуницируют* ни с книгой, ни друг с другом, они выведены как *жертвы соблазна*, как объекты обольщения со стороны текста. Недаром, рассказывая Данте о событии чтения, Франческа произносит: «Был беспечен каждый» (Данте, 1992, с. 30), так сетуя на то, что ни она, ни Паоло не подозревали об опасности очарования литературными страстями.

Аспект *коммуникации* в процессе чтения обнаруживает литература сентиментализма. Он подчеркнут, например, в изображении совместного чтения Вертера и Лотты в романе Гете «Страдания юного Вертера» (опубл. в 1774). В разговорах о прочитанном Вертер и Лотта обретают душевное единение друг с другом. Так, беседа о «Векфилдском священнике» Голдсмита, произошедшая в самом начале их знакомства, обнаруживает их эмоциональную близость – как и обоюдное воспоминание одной и той же оды во время деревенского бала: услышав от Лотты слово «Клопшток», Вертер сразу же понял, какое стихотворение «пришло ей на ум» и «погрузился в поток ощущений, которые она пробудила своим возгласом». А читая Лотте свой перевод «Поэм Оссиана», Вертер с особенным отчаянием переживает душевное родство с ней: «Оба были глубоко потрясены. Страшную участь героев песнопения они ощущали как собственное свое горе, ощущали его вместе, и слезы их лились согласно» (Гете, 1978, с. 94).

Совместный читательский опыт, таким образом, позволяет героям осуществить то, что Шиллер, размышляя о природе эстетического переживания, называл «общительностью», общительным единением (Шиллер, 2018). В «Письмах об эстетическом воспитании» (1795) он пишет об искусстве как сфере, в рамках которой осуществимо становление человека как «разумного существа», способного к пониманию другого: «Нет иного пути сделать чувственного человека разумным, как только сделав его сначала эстетическим» (Шиллер, 2018, с. 170).

Ту же мысль встречаем у Руссо, который оправдывает право читателя на подражание литературному персонажу верой в высокое моральное воздействие книги. Исследователь «Исповеди» Руссо Ж. Старобинский объясняет этот пафос произошедшей в XVIII в. «реабилитацией страстей», формированием авторитета индивидуальных чувств – на почве кризиса незыблемого ранее авторитета идеи нормативной идентификации с Христом. Авторитет, на который опирается Руссо, как объясняет Ж. Старобинский, «это принцип сердечной общительности, который обеспечивает единение сознания и чистоту сердец» [Старобинский, 2002, с. 317]. В логике Руссо читательское подражание ведет не к потере подлинного пути (как мы видели на примере эпизода чтения Франчески и Паоло у Данте), а, наоборот, к освобождению естественного человека – в приближении к себе и единении с Другим. Мотив совместного чтения как раз и реализует эту веру в возможное единение душ.

Как показала Н.Д. Кочеткова, последующая литература активно развивает этот заданный гетевским «Вертером» мотив – мотив совместного чтения как залога сердечного сближения его участников [Кочеткова, 1983]. Причем герои, например русских сентиментальных повестей, читают, как правило, именно «Вертера». Так, в повести Д.П. Горчакова «Пламир и Раида» центральным эпизодом оказывается совместное чтение романа Гете: «Пламенный слог автора получил новую душу в устах Пламира. Все оттенки чувствований были выражены со всею точностию. Пламир находил подлинник сей книги в сердце своем, а сердце выражать умеет. Раида сидела возле него. Нечувствительно голова ее почти наклонилась на плечо Пламира, локоть ее касался его локтя, взоры на него устремлялись; его голос пронизал ей до внутренности сердца, и она чувствовала так, как он выражал. Дыхание ее становилось тягостно. По окончании одного периода, где автор изображал весь огонь пылающей любви, Пламир остановился, взглянул на Раиду. Взоры их встретились, и взаимное чувство, подобно электрической искре, мгновенно из одного в другое переселилось и сотрясло сердца их» (цит. по: [Кочеткова, 1983, с. 36]).

При всем сходстве со сценой чтения «Ланцелота» героями Данте отличие видимое: здесь книга не подчиняет соблазну, а создает у чтецов переживание единения: в описании Горчакова чувство рождается не по велению книги, а по велению самих читателей, нашедших «подлинник книги в сердце» своем.

При этом интересно, что совместное чтение в литературе сентиментализма уже препятствует повторению книжного жеста, герои, идентифицируя себя с литературными персонажами, иронически уклоняются от тотального подчинения сюжета. Ирония – результат *совместной* рефлексии над книгой. Выразительный пример – новелла Ж. Нерваля «Сильвия» (1853). Влюбленные герои отождествляют себя с героями «Вертера»: «Иногда я называю ее Лолотой, а она находит во мне сходство с Вертером, за вычетом, разумеется, пистолетов, которые сейчас не в моде» (Нерваль, 2001). Примечание рассказчика «за вычетом пистолетов» – выразительное свидетельство невозможности полной идентификации с литературным персонажем, т.к. его жест стал предметом *обоюдной* рефлексии героев-читателей.

В последующей литературе, разрабатывающей мотив совместного чтения, понимание другого сменяет иной залог чтения – *возможность преобразования*, «восстановления погибшего человека». Конечно, классический пример – это эпизод совместного чтения Сони и Раскольникова сцены о воскрешении Лазаря. Так как этот эпизод получил в отечественной мысли о Достоевском глубокое и всестороннее осмысление (см., например, хронологически последнюю статью на эту тему: [Касаткина, 2025]), обратим внимание только на один его аспект, особенно важный в рамках нашей темы. Чтение евангельской сцены в объекте возможного воскрешения подразумевает не только Раскольникова (что составляет очевидную надежду Сони), но и ее саму: это чтение-сотрудничество, его итоги взаимны для участников сцены. Для Сони новое прочтение притчи, к тому же адресованное преступнику, также способ приближения к «тайне» собственного воскрешения:

«Раскольников понимал отчасти, почему Соня не решалась ему читать, и чем более понимал это, тем как бы грубее и раздражительнее настаивал на чтении. Он слишком хорошо понимал, как тяжело было ей теперь выдавать и обличать все свое. Он понял, что чувства эти действительно как бы составляли настоящую и уже давнишнюю, может быть, тайну ее, может быть, еще с самого отрочества, еще в семье, подле несчастного отца и сумасшедшей от горя мачехи среди голодных детей, безобразных криков и попреков. Но в то же время он узнал теперь, и узнал наверно, что хоть и тосковала она и боялась чего-то ужасно, принимаясь теперь читать, но что вместе с тем ей мучительно самой хотелось прочесть, несмотря на всю тоску и на все опасения, и именно ему, чтоб он слышал, и непременно теперь – “что бы там ни вышло потом!”... Он прочел это в ее глазах, понял из ее восторженного волнения...» (Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 251).

Подобные смыслы содержат сцены совместного чтения в романе Э. Бронте «Грозовой перевал» (1847). Это сцены, в которых Кэтрин учит читать Гэртона Эрншо. Обучая Гэртона чтению, Кэтрин бросает вызов тому унижению, на которое она вместе с ним была обречена мстостью Хитклифа. Мести она противопоставляет любовь и так искупает родовую вину своей матери, которая в свое время отвергла своего бедного возлюбленного.

И происходит это через посредничество книги. При этом чтение «книги с чудесными картинками» (так она названа в романе) сопоставляется у Эмили Бронте с благородным трудом. «Они трудились», – говорит Нэлли Дин, с радостью сообщая об отрадных итогах этого труда.

Равноправие чтецов перед лицом книги, которое мы наблюдали в предыдущих случаях (Паоло и Франческа, Вертер и Лотта, Соня и Раскольников), здесь разрушено (нарратор называет их «ученик и учительница»), но результаты совместного чтения описаны у Э. Бронте похоже – как обретение сердечной привязанности, единения, уважения, восстановление друг друга до лелеемого идеала.

Литература XX–XXI вв., обращаясь к мотиву совместного чтения, повторяет, с одной стороны, сложившуюся семантику «общительного единения», понимания и восстановления другого – того, кто является партнером по чтению, а с другой стороны, разрабатывает *новые смыслы*. Так, в романе Д. Тартт «Щегол» (2013) совместное чтение изображается как способ формирования жизнеутверждающего мировоззрения, побеждающего искус смерти (Тартт, 2015). Не случайно материалом такого чтения в романе становится Достоевский – автор, изобразивший чтение в качестве залога воскрешения (об этом подробно: [Турышева, 2020]).

Параллель между сценой чтения Евангелия в «Преступлении и наказании» и сценой в «Щегле», в которой герои разговаривают об «Идиоте» Достоевского, не была обозначена в науке. С одной стороны, эта параллель выявляет очевидное сходство в функциональном использовании авторами мотива совместного чтения: и у Тартт, и у Достоевского рефлексия героев о книге изображается в качестве важного элемента инициации героя. Но с другой – Тартт меняет пафос сцены совместного чтения на противоположный: если у Достоевского Соня читает о воскрешении Лазаря с надеждой на воскрешение Раскольникова, то у Д. Тартт, наоборот, читатель Достоевского Борис пытается разрушить идентификацию своего друга с его героем – князем Мышкиным – но тоже во имя его воскрешения. Речь идет о главном герое романа Тео Деккере, опыт чтения Достоевского которого в разные моменты жизни моделирует у него разное самовосприятие и мировоззрение. И если первоначально это переживания катастрофического типа, то более поздний и совместный с другом опыт рефлексии над Достоевским, наоборот, оборачивается для героя жизнеутверждающими смыслами. И то и другое происходит под влиянием чтения романа Достоевского «Идиот».

Совместное чтение является сюжетобразующим событием в романе Бернхарда Шлинка «Чтец» (1995). В нем партнерами по чтению выведена безграмотная женщина Ханна Шмиц, пытающаяся в книгах найти ответы на жизнеопределяющие вопросы, и старшеклассник, в исполнении которого она слушает классические литературные тексты, вплоть до эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Вознаграждением усилий чтеца становится любовь: «Чтение вслух, душ, занятия любовью ... – таков был теперь неизменный ритуал наших свиданий» (Шлинк, 2009, с. 44).

Содержание вопроса, на который ищет ответ героиня в «чтении» книг, раскрывается во второй части романа, где героиня выводится как подсудимая на процессе по обвинению надзирательниц женских концлагерей. В «чтении» книг она пыталась понять содержание своей вины.

Изображенное у Шлинка совместное чтение партнерским назвать трудно: его инициатор не заинтересована в мнении другого. Она использует его в качестве инструмента, голоса, внимаемая которому только и может осуществить знакомство с книгой. Любовь, завершающая сеансы чтения, не становится элементом коммуникации, будучи ограничена лишь функцией платы. Диалог Ханна ведет только внутри своего сознания, сосредоточенного исключительно на поиске самопонимания и самооправдания. Здесь происходит тотальный разрыв сентиментального шаблона: чтение не сближает участников, а, наоборот, погружает одного из них в глубины собственного переживания.

Другой роман о чтении, венчающемся любовью, наоборот, изображает событие чтения как преодоление ситуации уединения. Это роман И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путник...» (1979). Здесь совместное чтение движется энергией любви и интереса к партнеру, а не стремлением найти смыслы, приложимые к жизни. Хотя первоначально это чтение ради поиска смысла: Читатель, встретив Читательницу, вместе с ней пытается разобраться в загадках читаемых книг. Однако по мере того, как развиваются их отношения, цель чтения меняется. Влюбленным читателем движет уже не замысел разобраться в книжных смыслах, а замысел «ощутить сопричастность внутренних ритмов через книгу, читаемую одновременно двумя людьми», «установить... связь» с другим (Кальвино, 2000, с. 210).

Коммуникация, которая подразумевается в данном случае, это коммуникация не с автором, не с героем, не с собственным сознанием читателя, а с другим читателем. Предметом чтения в итоге становится Другой. Недаром любовная сцена описана в романе как акт чтения: «Читательница, теперь ты прочитана. Твое тело подвергается подробному прочтению через информационные каналы осязания, зрения, обоняния. Предметом чтения в тебе является не только тело. Тело значимо как часть некой суммы сложных элементов... с помощью которых представитель человеческого рода в определенных случаях полагает, что может прочесть другого представителя человеческого рода» (Кальвино, 2000, с. 109).

В романе Кальвино совместное чтение не связывается и с сентименталистским проектом обретения в другом понимающей, родственной души и единения с ней. Нет, душа другого, партнера по чтению, рассматривается у Кальвино как тайна, приближение к которой и является целью чтения.

Чтение как путь к Другому является предметом изображения в романе американской писательницы К. Дж. Фаулер «Книжный клуб Джейн Остен» (2004). В романе изображена деятельность клуба почитателей Джейн Остен, объединившихся с конкретной целью – помочь одной из героинь пережить развод. Впрочем, все герои, вошедшие в книжный клуб, переживают кризисный период

в своей жизни, преодоление которого они связывают с совместным перечитыванием Остен. «Кто, как не Джейн, выручит в беде», – именно так выражает себя надежда в момент создания клуба. Ставка при этом делается на возможность обрести «безукоризненное здравомыслие», мудрость и мужество Остен и ее героинь. В ходе обсуждения шести романов, читатели, изображенные Фаулер, подобно героям самой Остен, освобождаются от иллюзий и «предубеждений» и в финале обретают счастье: «Мы впустили Остен в свою жизнь, и теперь все либо замужем, либо с кем-то встречаемся» (Фаулер, 2006, с. 275). Таким образом, Остен становится посредником, «инструментом» в общении читателей с миром других людей.

Важно, что в совместном чтении также происходит преодоление иллюзий в отношении всевластия литературы. Так, одна из участниц книжного клуба, переживая предательство со стороны возлюбленной, первоначально характеризует книги Остен как «опасные» – в силу того, что они вселяют безосновательные надежды: это «книги, которым люди действительно верят, даже через сотни лет. Где добродетель ценится и вознаграждается. Любовь побеждает. Где жизнь – это роман» (Фаулер, 2006, с. 161), – сетует она. Однако за время деятельности книжного клуба героиня освобождается от претензий наивного читателя: «Если любовь не сложилась, Джейн Остен не виновата» (Фаулер, 2006, с. 89). Читатели, умудренные совместным чтением и обсуждением Остен, таким образом, снимают ответственность с литературы за собственные судьбы, освобождаются от ее власти, но с благодарностью принимают ее дары.

Обсуждение результатов. Безусловно, круг повествовательных текстов, разрабатывающих этот мотив, гораздо более широк, нежели совокупность привлеченных нами текстов, но сделанные на их основе наблюдения все-таки позволяют говорить об эволюции мотива совместного чтения. В литературе традиционализма (мы видели это у Данте) читатели, совместно читающие книгу, не дифференцируются как носители самостоятельного, индивидуального сознания, что акцентирует мысль о власти книжного образа, который эпохой рассматривается в качестве источника ложных моделей идентификации. И в этом плане совместное чтение вряд ли отличимо от чтения индивидуального, представленного в этой литературе в совокупности тех же коннотаций.

Литература сентиментализма уже подразумевает в ситуации совместного чтения взаимодействие разных сознаний, акцентируя, впрочем, их близость, которую чтение лишь подтверждает – в соответствии с эстетической мыслью времени, которая рассматривает чтение как воспитание сердечной общительности.

В литературе реализма появляется новая семантика мотива, связанная с темой взаимного преобразования. Очевидно, она коррелирует с размышлениями эпохи о роли художественного слова в воспитании человека.

Литература XX–XXI вв. мотив совместного чтения отчетливо связывает с темой коммуникации читателей друг с другом или с самим собой, в ходе которой формируется новый взгляд на мир, на себя и Другого как носителя иной

субъектности – в согласии с философской мыслью XX в. о коммуникации как диалоге с Другим. Кроме того, роман XXI в. разрабатывает мотив совместного чтения в контексте метарефлексии читателей, а именно их рефлексии о самой литературе, ее роли в их жизни. Таким образом, если начинается разработка этого мотива констатацией бессилия читателей перед властью текста (у Данте), то в новейшей литературе партнерам по чтению уже присваивается осознание самого факта этой власти, формирующей мировоззрение, право ее оспаривать и брать ответственность на себя. Именно в ситуации партнерского чтения, опосредованного присутствием заинтересованного Другого, и происходит обретение такой позиции.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что эволюция литературного мотива совместного чтения непосредственно связана с эволюцией представлений о прагматике литературы и субъектности человека и может быть реконструирована в опоре на эстетическую и философскую мысль времени.

Список источников

1. Гете И.В. Страдания юного Вертера // Гете И.В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 6. С. 7–104.
2. Данте А. Божественная комедия / пер. с итал. М.Л. Лозинского. М.: Интерпракс, 1992. 624 с.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 426 с.
4. Кальвино И. Если однажды зимней ночью путник / пер. с итал. СПб.: Симпозиум, 2000. 423 с.
5. Нерваль Ж. Сильвия // Нерваль Ж. Мистические фрагменты / пер. с фр. сост. Ю.Н. Стефанова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 359–396.
6. Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М.: Изд-во АСТ, 2015. 827 с.
7. Фаулер К.Д. Книжный клуб Джейн Остен / пер. с англ. М. Семенович. М.: Эксмо, 2006. 320 с.
8. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: РИПОЛ классик, 2018. 242 с.
9. Шлинк Б. Чтец / пер. с нем. СПб.: Азбука-классика, 2009. 224 с.

Библиографический список

1. Жиронкина О.М. Елизаров: «Библиотекарь» // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 118–122.
2. Касаткина Т.А. О дрожащей твари в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29). С. 28–45. DOI: 10.22455/2619-0311-2025-1-28-45
3. Ковтун Н.В. Бунт читателя против книги в романе Вс. Бенигсена «ГенАцид» // Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1 с. 56–71. DOI: 10.15826/izv2.2025.27.1.004

4. Ковтун Н.В. «Голый человек» и власть Книги: варианты Исхода (на материале романа «Кысь» Т. Толстой) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 3 (51). С. 102–125. DOI: <https://doi.org/10.31249/chel/2022.03.06>
5. Ковтун Н.В. Книга – автор – читатель в поздних текстах В. Распутина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 208–221.
6. Ковтун Н.В. Реальность и текст в прозе рубежа XX–XXI вв.: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой // Кризис литературоцентричности: утрата идентичности vs новые возможности. М.: Флинта-Наука, 2014. С. 69–95.
7. Кочеткова Н.Д. Герой русского сентиментализма. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век: Сб. XIV: Русская литература XVIII – нач. XIX в. в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983.
8. Налегач Н.В. Роль мотива чтения в романе К. Паустовского «Блистающие облака» (1928) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 28–35. DOI: [10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35)
9. Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
10. Турышева О.Н. Достоевский, Сибирь и русский человек в романе Донны Тартт Щегол // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 1. С. 119–131. DOI: [10.15826/qr.2020.1.451](https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.451)
11. Турышева О.Н. Книга, чтение, читатель как предмет литературы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 285 с.
12. Турышева О.Н. Русский литературоцентризм в аспекте литературной рефлексии // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 228–243.
13. Ханов Б.А. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М.Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Учен. зап. Казан. ун-та. 2015. Т. 157, кн. 2. Гуманитарные науки. С. 229–238.
14. Щербинина Ю.В. Бегство из литературного заповедника: о романе Всеволода Бенигсена «ГенАцид» // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 91–100.
15. Щербитко А.В. Роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид»: испытание книгой // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 2. С. 30–38.

Сведения об авторе

Турышева Ольга Наумовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; ORCID ID: [0000-0002-3014-6153](https://orcid.org/0000-0002-3014-6153); e-mail: oltur3@yandex.ru

THE MOTIF OF SHARED READING IN NARRATIVE LITERATURE

O.N. Turysheva (Yekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The literary motif of shared reading has not yet been the subject of either theoretical or literary-historical analysis.

The article's material consists of narrative works from different literary eras, depicting the experience of partner reading.

The purpose of the article is to use the aesthetic thought of the time to trace how the motif semantics of the shared reading change in the literature of different artistic paradigms.

Review of scholarly literature on the issue. Studies of the reading motif in literature are rare. They are typically limited to analyzing the nature of individual reading and focus on identifying the range of reading for a character depicted in the act of interacting with literature. There is only one scholarly study of the artistic representation of shared reading: N. D. Kochetkova's article on the shared reading of characters in sentimental literature. Using specific examples, the author traces how the semantics of the partner reading motif has changed in the literature of different historical periods.

Methodology (materials and methods). The research methodology is synthetic and combines the immanent analysis of texts containing the motif of shared reading with reliance on historical-literary, comparative and hermeneutic methodology.

Research results demonstrate the features of artistic depiction of joint communication with a book in the literature of traditionalism, modernity and modern time.

Conclusions. The evolution of the literary motif of shared reading is directly linked to the evolution of aesthetic and philosophical ideas about the pragmatics of literature and human subjectness.

Keywords: *individual reading motif, shared reading motif, partner reading motif, reading hero.*

References

1. Zhironkina, O.M. Yelizarov: "Bibliotekar" [M. Elizarova's novel "The Librarian"]. In: *Voprosy literatury [Questions of Literature]*. 2009, 3, 118–122.
2. Kasatkina, T.A. O drozhashchei tvari v "Prestuplenii i nakazani" [About the trembling creature in "Crime and Punishment"]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*. 2025, 1 (29), 28–45. URL: <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-28-45> (access date: 25.11.2025).
3. Kovtun, N.V. Bunt chitatelya protiv knigi v romane Vs. Benigsena "GenAtsid" [The reader's rebellion against the book in Vs. Bennigsen's novel "GenAcid"]. In: *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2025, 27 (1), 56–71. DOI: 10.15826/izv2.2025.27.1.004

4. Kovtun, N.V. “Golyy chelovek” i vlast’ Knigi: varianty Iskhoda (na materiale romana “Kys” T. Tolstoy) [“The Naked Man” and the Power of the Book: Variations of Exodus (based on the novel “The Slynx” by T. Tolstoy)]. In: *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnyye aspekty [Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects]*. 2022, 3 (51), 102–125. DOI: <https://doi.org/10.31249/chel/2022.03.06>
5. Kovtun, N.V. Kniga – avtor – chitatel’ v pozdnykh tekstakh V. Rasputina [The Book – the Author – the Reader in V. Rasputin’s Late Works]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2022, 2 (139), 208–221.
6. Kovtun, N.V. Real’nost’ i tekst v proze rubezha XX–XXI vv.: “Poslednii mir” K. Ransmaira i “Kys” T. Tolstoi [Reality and Text in the Prose of the Turn of the 21st Century: The Last World by K. Ransmayr and The Slynx by T. Tolstaya]. In: *Krizis literaturotsentrichnosti: utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti [The Crisis of Literary Centricity: Loss of Identity vs New Opportunities]*. Moscow, Flinta-Nauka, 2014, 69–95.
7. Kochetkova, N. D. Geroi russkogo sentimentalizma. Chtenie v zhizni “chuvstvitel’nogo” geroya [A Hero of Russian Sentimentalism: Reading in the Life of a “Sensitive” Hero]. In: *XVIII vek: Sb. XIV. Russkaya literatura XVIII – n. XIX v. v obshchestvenno-kul’turnom kontekste [18th century: Collection XIV. Russian literature of the 18th – early 19th centuries in the socio-cultural context]*. Leningrad, Nauka Publ., 1983,
8. Nalegach, N.V. Rol’ motiva chteniya v romane K. Paustovskogo “Blistayushchie oblaka” (1928) [The role of the reading motif in K. Paustovsky’s novel “Shining Clouds” (1928)]. In: *Gumanitarnyi vector [Humanitarian vector]*. 2020, 15 (5), 28–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-28-35.
9. Starobinskii, Zh. *Poehziya i znanie: Istoriya literatury i kul’tury [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture]*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., 2002. 496 p.
10. Turysheva, O.N. Dostoyevskiy, Sibir’ i russkiy chelovek v romane Donny Tartt “Shchegol” [Dostoevsky, Siberia, and the Russian people in Donna Tartt’s novel “The Goldfinch”]. In: *Quaestio Rossica [Quaestio Rossica]*. 2020, 8, No. 1, 119–131. DOI: 10.15826/qr.2020.1.451
11. Turysheva, O.N. *Kniga, chtenie, chitatel’ kak predmet literatury [Book, reading, reader as a subject of literature]*. Ekaterinburg, Ural. Universitet Publ., 2011. 285 p.
12. Turysheva, O.N. Russkiy literaturotsentrizm v aspekte literaturnoy refleksii [Russian Literary-Centrism in the Aspect of Literary Reflection] In: *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh system [Ural Philological Bulletin. Series: Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems]*. 2013, No. 1, 228–243.

13. Khanov, B.A. Svoeobraziye funktsionirovaniya sovetskogo diskursa v romane M. YU. Yelizarova “Bibliotekar” [The Peculiarities of the Functioning of Soviet Discourse in M.Yu. Elizarov’s Novel “The Librarian”] In: Uchen. zap. Kazan. un-ta. Gumanitarnyye nauki [Scientific Notes of Kazan University. Humanities]. 2015, 157 (2), 229–238.
14. Shcherbinina, Yu.V. Begstvo iz literaturnogo zapovednika: O romane Vsevoloda Benigsena “GenAcid” [Escape from the Literary Reserve: About Vsevolod Benigsen’s Novel “GenAcide”]. In: *Voprosy literatury [Questions of Literature]*, 2010, 6. P. 91–100.
15. Shcherbitko, A.V. Roman Vsevoloda Benigsena “GenAcid”: ispytanie knigoi [Vsevolod Benigsen’s Novel GenAcide: The Test of the Book]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philological sciences]*. 2013, 2, P. 30–38.

About the author

Turyshева, Olga N. – DSc (Philology), Associate Professor, Professor, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia); ORCID ID: 0000-0002-3014-6153; e-mail: oltur3@yandex.ru

УДК 82.09

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРОЗА В ДИСКУРСЕ МЕТАМОДЕРНИЗМА: НАПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ

А.А. Сокк (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье исследуется современная отечественная проза в дискурсе метамодернизма. Среди множества концепций, описывающих культурную парадигму начала XXI в., метамодернизм стал наиболее влиятельной аналитической моделью. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью конкретных проявлений метамодернизма в национальном литературном процессе, что требует теоретического осмысления отечественной прозы в контексте смены культурных парадигм.

Цель предпринятого исследования – анализ и систематизация основных направлений и репрезентативных авторов отечественной метамодернистской прозы.

Обзор научной литературы по проблеме. Разработка теории метамодернизма связана с работами Т. Вермюлена и Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Л. Константину, Н. Тиммера, Й. Хейзера, С. Брауза. Отечественные исследования в области художественного метамодернизма принадлежат Н.В. Ковтун, Н.В. Решетняк, В.А. Сербинской, Н. Хрущевой и др.

Методология. В работе использованы как основные структурно-типологический и сравнительный методы.

Результаты исследования. В современной отечественной прозе выявлен и проанализирован спектр метамодернистских стратегий, соответствующих типам, описанным Л. Константину: *постироничный Bildungsroman* (В. Пелевин, В. Сорокин), *аффективная литература* (Р. Сенчин, К. Рябов), *доверчивая метапроза* (М. Степанова, Г. Служитель) и *мотивированный постмодернизм* (А. Козлова). Установлено, что их объединяет общая «структура чувства», характеризующаяся осцилляцией между иронией и искренностью, фрагментом и целым, утопическим желанием и рефлексивным сомнением.

Выводы. Проведенное исследование (пусть и в самых общих чертах) подтверждает, что в современной русской прозе сформировалась художественная парадигма метамодернизма, предполагающая поиск нового героя, подлинной искренности и глубины чувств, но учитывающая эстетический опыт постмодернизма. Концепция «структуры чувства» подтвердила свою эффективность для систематизации разнородных текстов и выявления новой субъективности. Результаты работы позволяют наметить перспективу для дальнейшего изучения трансформаций коллективного чувственного опыта в актуальной литературе.

Ключевые слова: *постмодернизм, метамодернизм, русская проза, «структура чувства», аффект и глубина, герой.*

Постановка проблемы. Среди множества предложенных моделей для описания культуры начала XXI в., таких как альтермодернизм¹, перформатизм², диджимодернизм³, автомодерность⁴ и гипермодернизм⁵, *метамодернизм* стал наиболее влиятельной аналитической парадигмой. Эти направления, хронологически объединяемые под общим термином *постпостмодернизм*⁶, обретали популярность не сразу. Процесс распространения метамодернистской теории, впервые представленной в 2010 г. голландцами Т. Вермюленом и Р. ван ден Аккером, занял более десятилетия и претерпел существенные изменения за эти годы [Radchenko, 2024, с. 84]. Преодолев границы искусствоведения, концепция метамодернизма расширила сферу своего применения, охватывая сегодня такие области, как музыка, кино, литература, видеоигры, религиоведение, философия. Авторы концепции претендуют на создание нового языка для описания эпохи XXI в., который сегодня проходит критическую апробацию в различных сферах культуры [Ковтун, 2025, р. 31]. Тем не менее наибольшую известность в широкой аудитории приобрел манифест Л. Тернера, который в 2011 г. стал своего рода практическим введением в метамодернизм.

При этом, несмотря на растущий авторитет метамодернизма как общекультурной концепции, его проявления в современной русской литературе изучены недостаточно, термин используется достаточно редко, а круг авторов и нарративных стратегий, которые можно отнести к данной парадигме, не определен системно. Существует насущная потребность в выявлении и анализе того, как ключевые категории метамодернизма (осцилляция, новая искренность, аффект и глубина) материализуются в художественной практике современных прозаиков и какие именно направления формируют ландшафт русского литературного метамодерна.

Цель исследования – анализ и систематизация основных направлений и круга авторов, репрезентирующих метамодернистскую парадигму в современной отечественной прозе.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретическую основу понятия «метамодернизм» заложили Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккера, которые ввели ключевые для анализа категории. В отечественном литературоведении формируется собственная традиция изучения этого феномена. Анализу метамодернизма как новой культурной логики посвящены исследования Н. Ковтун, В. Сербинской, Н. Хрущевой. Конкретные проявления метамодернистской поэтики в творчестве

¹ Альтермодернизм – противоположный постмодернизму. В 2009 г. термин ввел французский критик *Николя Буррио*.

² Перформатизм – культурная парадигма, введенная немецким исследователем *Раулем Эшельманом* (наиболее полно раскрыта в книге 2008 г.).

³ Диджимодернизм – ввел *Алан Кирби* в 2009 г.

⁴ Автомодерность – ввел теоретик *Роберт Сьюмюэлс*.

⁵ Гипермодернизм – ввел французский ученый *Жиль Липовецкий*.

⁶ Постпостмодернизм – термин *Джеффри Нилона*.

современных авторов исследуются в работах С. Радченко, Н. Решетняк, С. Меркушова. Э. Гиббонс углубила изучение аффективного и автобиографического измерения метамодерна. Важным вкладом в типологизацию литературных реакций на постмодернизм стала концепция Л. Константину, выделившая четыре творческих метода (*мотивированный постмодернизм, доверчивая метапроза и др.*), которые легли в основу аналитического аппарата многих современных исследований.

Методология исследования. Поскольку фокусом нашего исследования является феномен метамодернизма в литературе, мы будем опираться прежде всего на теорию, предложенную Т. Вермюленом и Р. ван ден Аккером, как наиболее разработанную для анализа художественных текстов. Наш выбор обусловлен тем, что данная теория приобретает все большую популярность, предлагает в качестве основной категории *структуру чувства*, позволяющую эффективно и точно описать структурные изменения эпохи, в частности в отечественной и зарубежной прозе. Концепцию *структуры чувства*, предложенную Р. Уильямсом, мы понимаем в соответствии с авторской дефиницией, представленной в монографии «Марксизм и литература» (*Marxism and Literature*), где отмечается: «The idea of a structure of feeling can be specifically related to the evidence of forms and conventions – semantic figures – which, in art and literature, are often among the very first indications that such a new structure is forming»⁷ [Williams, 1977, с. 133]. *Структура чувства* содержит в себе мысли, идеи, течения, которые в совокупности составляют мировосприятие метамодернизма [Сербинская, 2017, с. 23].

Она оказывается наиболее адекватной и глубокой для изучения литературного постмодернизма и метамодернизма как сменяющих друг друга культурных парадигм. Наше исследование системно применяет концепцию *структуры чувства* к корпусу современной отечественной прозы для выявления в ней спектра метамодернистских стратегий. В работе использованы структурно-типологический, сравнительный методы, а также метод текстуального анализа.

Результаты исследования. Одной из характерных черт метамодернистской сложности выступает реабилитация больших нарративов и фундаментальных концепций, которые постмодернизм подверг деконструкции. Этот возврат, однако, не означает движения к простоте и догме. Метамодернизм репрезентирует их опосредованно – через мифы и религиозные формы, выражая ностальгическое стремление к целостному переживанию, но не находя пути к безусловному принятию традиционного нарратива. В творчестве метамодернистских поэтов эти «большие истории» неизменно сопрягаются сомнением, но сама попытка их возрождения предпринимается с новой уверенностью и решимостью.

⁷ Идея структуры чувства может быть непосредственно связана с очевидностью форм и условностей – семантических фигур, которые в искусстве и литературе часто являются одними из самых первых признаков формирования такой новой структуры (перевод наш. – А.С.).

Фрагментация в метамодернизме носит диалектический и принципиально незавершенный характер, поскольку содержит имманентный импульс к целостности. Таким образом, метамодернистские тексты перманентно осциллируют между состоянием фрагмента и стремлением к целому, не достигая окончательного синтеза.

На фоне различий между постмодернистской формой и постмодернистским содержанием Л. Константино выделяет четыре литературные реакции, отличающиеся друг от друга по своей структуре. Эти четыре реакции соответствуют четырем творческим методам: *мотивированному постмодернизму*, *доверчивой метапрозе*, *постироничному Bildungsroman* и *реляционному искусству* [Константино, с. 226–227].

Истоки метамодернизма в отечественной прозе. Дискуссия о завершении постмодернистского направления продолжает оставаться актуальной как для зарубежного, так и для отечественного литературоведения, несмотря на существенные различия между западным и российским постмодернизмом. Этому явлению посвящена обширная специальная литература.

Разочарование в идее глобализма, сворачивание проекта постмодернизма вызвали подчеркнутый интерес к новым художественным направлениям, декларациям, манифестам. Процесс литературного развития суть изменение художественной орбиты, усложнение восприятия традиции, смена культурных кодов, особое отношение к мифу. В переходные эпохи с особой ясностью проступают фундаментальные основы прежней эстетической парадигмы, идет поиск языка искусства будущего, что отражается на всех уровнях культуры [Ковтун, 2018, с. 152].

В настоящее время в отечественном литературоведении о метамодернизме говорится не так много, термин достаточно редко используется в русской литературной среде. Отечественные писатели-метамодернисты, безусловно, развиваются, однако их тексты нельзя отождествлять только с одним художественным направлением. Метамодернистская эстетика в искусстве и литературе складывалась на протяжении нескольких десятилетий, что не позволяет связать ее с каким-либо одним художественным поколением [Думитреску, 2016]. Творческий почерк отечественных писателей-метамодернистов реализуется в множестве различных поэтик, форм и художественных стратегий, объединенных общим типом мироощущения.

Исследователи с разной степенью решительности относят к метамодерну поздние сборники сказок, страшных историй Л. Петрушевской⁸, прозу Р. Сенчина, нашумевшие тексты М. Степановой, прежде всего ее роман «Фокус» (2024), произведения В. Пелевина и В. Сорокина. Как правило, В. Пелевина называют и писателем-постмодернистом [Корнев, 1997, с. 244], и футурологом. В то же время черты метамодернизма присутствуют в его ранних повестях «Затворник

⁸ Ковтун Н., Бурылова А. Образ матери в страшных историях Л.С. Петрушевской // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 5. С. 1850–1857.

и Шестипалый» (1990), «Желтая стрела» (1993). В «Затворнике и Шестипалом» автор большое внимание уделяет чувствам персонажей. Этот акцент на эмоциях является характерной частью повести, столь неожиданной для большинства постмодернистских текстов и для текстов Пелевина. Герои повести испытывают такие эмоции, как страх, эмпатия, говорят о любви [Radchenko, 2024, с. 89].

Метамодернизм – парадигма, в которой забота о себе и о других возможна одновременно, где «Я» существует и определяет себя по отношению к другим, где все – от человека до самых сложных экологических и микроскопических систем – взаимосвязано, ибо ничто не существует в вакууме или полной изоляции [Думитреску, 2016].

«Я тоже очень тебя люблю, Одноглазка, – сказал Затворник, – и надеюсь, что мысль о тебе поддержит меня. Удачи тебе».

«Мы живы до тех пор, пока у нас есть надежда, – сказал Затворник, – А если ты ее потерял, ни в коем случае не позволяй себе догадаться об этом»⁹.

Выраженная таким образом центральная философская концепция повести повторяет основу метамодернистского чувства – движение к горизонту, несмотря на невозможность его достичь. Надежда в сердцах персонажей Пелевина далеко не безгранична, что характерно для героев метамодерна. Их эмоциональные траектории образуют своего рода двойной маятник: пока Шестипалый становится все более оптимистичным, Затворник движется в противоположном направлении, формируя основное ощущение осцилляции между ними [Radchenko, 2024, с. 90]. Назвать повесть исключительно метамодернистской вряд ли уместно, тем не менее она изобилует чертами метамодернизма (аффект, эмпатия и осторожный оптимизм). В названных произведениях отсутствует один важный элемент, у персонажей нет того, что называют «структурным стремлением к “мы”», желания конструировать новые социальные общности [Тиммер, 2017].

Тоска по метанарративу заметна у В. Сорокина: героями одного из романов становятся не столько клоны писателей, сколько вырабатываемое ими «голубое сало» – метафора искусства [Хрущева, 2025, с. 76]. Более пристального внимания в метамодернистском фокусе заслуживает повесть «Метель»¹⁰ (2010). Метамодернистский аффект реализуется в повести прежде всего через систему отношений между Гариным и Перхушей. Доктор Гарин является примером гуманизма, для спасения жителей деревни он готов на риск. В то же время герой не лишен недостатков, часто излишне эмоционален и сентиментален. Метамодернистская осцилляция проявляется в чувствах и взаимодействиях персонажей, начиная с общей осцилляции между двумя типичными

⁹ Пелевин В.О. Затворник и Шестипалый [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/pov/pe-zatv/1.html> (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁰ «Метель» (2010), «Доктор Гарин» (2021) и «Наследие» (2023) образуют своеобразную трилогию В. Сорокина.

образами русских классических персонажей – деревенским мужиком Перхушей и типичным представителем «интеллигенции» доктором Гариным. Гарин колеблется между своим долгом и эмоциональными слабостями, между активным действием и пассивным принятием, замедляя персонажей и погружая их в атмосферу снежной бури [Radchenko, 2024, с. 98]. Переход от постмодернизма к метамодернизму маркирует возникновение новой *структуры чувств*, которая находит воплощение в новых формах художественной репрезентации.

К *постироничному Bildungsroman* в русской прозе с той или иной долей уверенности относят один из лучших романов В. Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011) и рассказ В. Сорокина «Месяц в Дахау» (1994). *Постироничный Bildungsroman* строится на решительном отказе его представителей как от постмодернистской формы, так и от игрового содержания, воскрешая исторические формы реализма, демонстрируя их интеллектуальное, эмоциональное влияние. Ирония постмодернизма отвергается не столько принципиально, сколько для подтверждения высокой силы традиций, прошлого. В рамках *постироничного Bildungsroman* происходит воскрешение трагического [Ковтун, 2025, с. 36].

К *аффективной литературе* относят произведение Д. Данилова «Горизонтальное положение» (2010), известный роман Р. Сенчина «Дождь в Париже» (2018), прозу К. Рябова о безработных, алкоголиках – «уличной хтони», «маленьких людях», вызывающих не столько сострадание, как в классической традиции, сколько раздражение, вплоть до брезгливости, – тексты «777» (2011), «Пес» (2020) [Ковтун, 2025, с. 37]. Эту тенденцию продолжает роман В. Захарцова «Винтаж» (2024), где доминирующим становится аффект меланхолического всматривания в прошлое и поиска смысла в диалоге с культурными артефактами. Данная поэтика использует для репрезентации мира в парадигме постмодерна реалистическую, иногда и нарочито обывательскую форму, не требующую декодирования. В этом выражается характерная для метамодернизма структура чувств: она чужда игровой ироничности и нацелена на более прямое и доверительное постижение глубинных слоев реальности, остающихся вне поля зрения постмодернистской эстетики.

В рамках отечественной метапрозы нельзя не отметить книгу «В Питере жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории» (2017). Это сборник рассказов и эссе о Санкт-Петербурге 35 авторов. Антология представляет собой единый метамодернистский модус, подзаголовок «Личные истории» указывает на автобиографическую/псевдоавтобиографическую основу повествования. Авторы «сдвинулись в сторону аффекта метамодерна, в соответствии с которым субъективность связана с внешней реальностью через личный контакт и ситуативность. Из-за стремления к самоутверждению в относительном мире метамодернистский автофикшен демонстрирует эмоциональную привязанность к эмпирическим областям субъективности, это проявляется как «попытка обосновать внутреннее “я” во внешней реальности – во времени, пространстве

и телесном бытии» [Гиббонс, 2022, с. 296]. Назовем ключевые метамодернистские характеристики, объединяющие нарративную структуру антологии. В отличие от деконструирующего постмодернистского смеха, юмор в рассказах А. Аствацатурова и С. Носова служит не самоцелью, а средством легитимации, усиления субъективного аффекта. Их «ирония сдерживается искренними под- и обертонами» [Гиббонс, 2022], создавая сложный осциллирующий эффект [Duleba, Dulebova, 2023, с. 25].

Центральным для многих героев становится топофильный аффект, глубокое эмоционально-телесное переживание городского пространства как «ценного». Это переживание становится актом самоукоренения субъекта в относительном мире, ответом на постмодернистскую отстраненность. Пространство (Петербург) воспринимается как «мой» топос в оппозиции к «чужому» миру. В рассказе И. Бояшова чувствующий метамодернистский субъект, укореняясь в истории и пространстве через аффект и интертекстуальный диалог, сознательно принимает *лабиринт* как модель *Бытия*, где экзистенциальная ценность заключена не в достижении цели, а в самом императиве поиска. Этот оптимизм, однако, существует не вместо, а поверх неотмененного постмодернистского сомнения в прозе В. Левенталя, что и создает специфическое напряжение метамодернистской осцилляции [Duleba, Dulebova, 2023, с. 27–31].

Доверчивая метапроза, чья эстетика строится на искренности и отказе от игровой дистанции, находит воплощение в «нашумевших текстах М. Степановой, прежде всего ее романе «Фокус» (2024) [Ковтун, 2025, с. 36]. Здесь метатекстуальность становится не интеллектуальной игрой, а инструментом предельно личного, почти исповедального высказывания, что и формирует новый тип читательского доверия к тексту.

Черты метамодернистской поэтики заметны в романе «Дайте мне обезьяну» (2001) петербургского прозаика С. Носова. Этот текст в качестве объекта специального изучения, помещенного в поле указанной проблематики, рассматривается в работе Н.В. Решетняк «Роман Сергея Носова “Дайте мне обезьяну”: между пост- и метамодернизмом»¹¹. Исследователь приходит к выводу, что «преодолевая специфический способ мировосприятия в сатирически окрашенном постмодернистском произведении, автор балансирует между иронией и искренностью, что дает основание выделить прием “постиронии” как особенность, противоречащую сути постмодернизма». Петербургский писатель С. Носов выходит за пределы эстетики постмодернизма согласно собственному мировоззрению, основанному на этических коннотациях и восприимчивому к стратегиям метамодернизма, а именно искренности, наивности, сентиментальности, желанию утопии, романтическому концептуализму [Решетняк, 2025, с. 4752].

¹¹ Для подробного изучения: Решетняк Н.В. Роман Сергея Носова «Дайте мне обезьяну»: между пост- и метамодернизмом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, вып. 11. С. 4747–4752.

К представителям *мотивированного постмодернизма* можно отнести роман А. Козловой «F20» (2016), повесть И. Богатыревой «Белая Согра» (2020), книгу А. Горбуновой «Конец света – моя любовь» (2020). Этот метод перекликается с логикой позднего постмодернизма, авторы отказываются от тотальной критики и деконструкции предшествующих эстетик, используя их как фундамент для создания новых изобразительных кодов. Постмодернистские приемы тем самым «оправдываются» и обретают статус правдоподобия. Фактически происходит перекодировка постмодернистского проекта: стратегии игры, интертекстуальности и иронии сохраняются, но лишаются своей изначальной направленности. Это позволяет авторам сознательно дистанцироваться от роли прямого социального критика. Стиль ряда текстов в этой парадигме называют языком сумасшествия. Все намеки на вызов существующей реальности, характерные для постмодернизма, сняты [Ковтун, 2025, с. 35].

Комментарием к постиронии может также послужить концепция «иероглифов» Липавского: этот термин ученый ввел для объяснения природы текстов Александра Введенского – самого близкого к метамодерну обэриута [Хрущева, 2025, с. 58]. Развивая эту мысль, можно сказать, что «иероглифический» подход применим не только к поэзии А. Введенского, но и к современной прозе. Ярким примером служит роман В. Захарцова «Молодильник ЗИЛ для хранения продуктов в безвремени» (2022), который исследователь С.Ф. Меркушов характеризует именно как «иероглифический». Автор статьи считает, что «произведение целесообразно рассматривать в метамодернистском ракурсе, с одной – исключая разрушительные интенции постмодернизма, а с другой стороны, через символические смыслы и формы, отсылающие к иероглифике и особым романским практикам» [Меркушов, 2024, с. 226]. Он приходит к выводу, что текст представляет собой метамодернистский «иероглифический» роман «с ключом», сочетающий авангардные техники с глубинной семантической целостностью. В нем присутствует утопический дискурс, выражающийся в создании фантастических, но внутренне логичных миров. О необходимости возврата к утопическому дискурсу современности говорят Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер¹². Подчеркивается, что метамодернизм не отрицает классические традиции, но использует их для отражения не материального мира, а идей, управляющих миром [Меркушов, 2024, с. 228–234].

Выводы. Проведенное исследование подтверждает, что метамодернизм стал влиятельной парадигмой, формирующей интеллектуальный и эмоциональный ландшафт начала XXI в. Преодолев границы своего первоначального манифеста, метамодернизм предложил не просто новую целостную *структуру чувства*, способ восприятия мира, характеризующийся осцилляцией между противоположностями: иронией и искренностью, фрагментом и целым, утопическим желанием и трезвым сомнением.

¹² Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2:1. P. 5677.

На материале современной отечественной прозы было продемонстрировано, как эта структура воплощается в конкретных художественных практиках. Анализ текстов современных авторов позволил выявить спектр метамодернистских стратегий. От постироничного *Bildungsroman* и *аффективной прозы* до *доверчивой метапрозы* и «иероглифического» романа, все эти формы объединяет попытка преодолеть постмодернистский тупик через диалектическое принятие сложности.

Метамодерн проявляется в особой субъективности, колеблющейся между личным и общим, в закреплённости в пространстве и истории через аффект, в использовании традиционных форм для выражения нового, постироничного содержания [Radchenko, 2024]. Дальнейшее изучение этого феномена представляется перспективным для понимания не только логики литературного процесса, но и трансформаций коллективного чувственного опыта в современном мире.

Библиографический список

1. Гиббонс Э. Современный автофикшен и аффект метамодерна // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодерна* / под ред. Р. ван ден Аккера, Т. Вермюлена и Э. Гиббонс. М.: РИПОЛ Классик, 2022. С. 285–315.
2. Думитреску А. Что такое метамодернизм и зачем нам это знать / пер. М. Барановой, А. Зубова и др. Newochem. URL: <https://newochem.ru/kultura/chto-takoe-metamodernizm-i-zachem-nam-eto-znat/> (дата обращения: 06.02.2026).
3. Ковтун Н.В. Валентин Распутин. Правда памяти: материалы Всерос. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения писателя. Иркутск, 28 сентября – 2 октября 2017 г. / отв. ред. В.Я. Иванова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 151–168.
4. Ковтун Н.В. Конец истории и его проекции в современной культуре // *Традиционализм и авангард в фокусе современной литературы: монография*. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2025. С. 13–38.
5. Ковтун Н., Бурьлова А. Образ матери в страшных историях Л.С. Петрушевской // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18, № 5. С. 1850–1857.
6. Константинову Л. Четыре лика постиронии // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодерна* / под ред. Р. ван ден Аккера, Т. Вермюлена и Э. Гиббонс. М.: РИПОЛ Классик, 2022.
7. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // *Новое литературное обозрение*. 1997. № 28. С. 244–259.
8. Меркушов С.Ф. Метамодернистский «иероглифический» роман «с ключом» («Молодильник Зил для хранения продуктов в безвремении» Виталия Захарцова) // *Art Logos (искусство слова)*. 2024. № 2. С. 226–235.

9. Решетняк Н.В. Роман Сергея Носова «Дайте мне обезьяну»: между пост- и метамодернизмом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, вып. 11. С. 4747–4752.
10. Сербинская В.А. Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе // Парадигма. 2017. № 26. С. 22–30.
11. Тиммер Н. Вы тоже это чувствуете? Пост-постмодернистский синдром в американской литературе на рубеже тысячелетия / пер. В. Сербинской. URL: <https://metamodernizm.ru/do-you-feel-it-too/> (дата обращения: 06.02.2026).
12. Хрущева Н. Метамодерн в музыке и вокруг нее. М.: РИПОЛ Классик, 2025. 304 с.
13. Duleba M., Dulebova I. Metamodern urban experience in the anthology of toponilic prose V Pitere zhit'. In: *World Literature Studies*. 2023. No.15. P. 23–35.
14. Radchenko S. Shades of Post-Postmodernism in Russian Life and Literature: A Metamodern Study of Viktor Pelevin and Vladimir Sorokin. In: *Metamodern Reflection on The Post-Soviet and Late Capitalistic Ideologies*. 2024. No. 1 (25). P. 81–106.
15. Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford, Oxford University Press, 1977. 218 p.

Сведения об авторе

Сокк Александра Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: sandrasokk@mail.ru

RUSSIAN PROSE IN THE DISCOURSE OF METAMODERNISM: TRENDS AND AUTHORS

A.A. Sokk (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines contemporary Russian prose within the discourse of metamodernism. Among the multitude of concepts describing the cultural paradigm of the early 21st century, metamodernism has become the most influential analytical model. The relevance of the study is determined by the under-researched nature of metamodernism's specific manifestations within the national literary field, which necessitates a theoretical reconsideration of Russian prose against the backdrop of changing cultural paradigms.

The purpose of this study is to analyze and systematize the key currents and representative authors within Russian metamodernist prose.

Review of the scientific literature. The development of metamodernist theory is associated with the works of T. Vermeulen, R. van den Akker, and E. Gibbons. In Russian literary studies, research on metamodernism has been conducted by N.V. Kovtun, N.V. Reshetnyak, V.A. Serbinskaya, and N. Khrucheva.

Methodology. The research applies structural-typological and comparative methods as basic ones.

Research results. The study has identified and analyzed a spectrum of metamodernist strategies in contemporary Russian prose that align with the typology proposed by L. Constantinou, including: *postironic Bildungsroman* (V. Pelevin, V. Sorokin), *affective literature* (R. Senchin, K. Ryabov), *credulous metafiction* (M. Stepanova), and *motivated postmodernism* (A. Kozlova). It has been determined that these diverse strategies share a common 'feeling structure' characterized by oscillations between irony and sincerity, fragmentation and wholeness, utopian desire and reflexive skepticism.

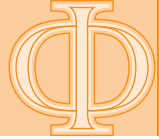
Conclusions. The conducted research (albeit in the most general terms) confirms that an artistic paradigm of metamodernism has been formed in modern Russian prose, suggesting the search for a new hero, genuine sincerity and depth of feelings, but taking into account the aesthetic experience of postmodernism. The concept of the 'feeling structure' has proven effective in systematizing diverse texts and identifying new forms of subjectivity. The results of this work establish a foundation for further study of the transformations of collective sensory experience in modern literature.

Keywords: *postmodernism, metamodernism, 'feeling structure', affect and depth, hero.*

References

1. Gibbons, E. *Sovremennyy avtofikshen i affekt metamoderna* [Contemporary Autofiction and the Affect of Metamodernism]. In R. van den Akker, T. Vermeulen, & E. Gibbons, *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmoderna* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism], 2022, 285–315.
2. Dumitrescu, A. *Chto takoe metamodernizm i zachem nam eto znat'?* [What is Metamodernism and Why Bother? Meditations on?] (M. Baranova, A. Zubov, et al., Trans.) [Electronic resource]. URL: <https://newochem.ru/kultura/chto-takoe-metamodernizm-i-zachem-nam-eto-znat/> (access date: 06.02.2026).

3. Kovtun, N.V. Konets istorii i ego proektsii v sovremennoy kulture Konets istorii i ego proektsii v sovremennoy kulture [The End of History and Its Projections in Contemporary Culture]. In N.V. Kovtun, *Traditionalism i avangard v fokuse sovremennoy literatury: Monografiya [Traditionalism and the avant-garde in the focus of contemporary literature: A monograph]*, 2025, 13–38.
4. Kovtun, N., Burylova, A. Obraz materi v strashnykh istoriyakh L.S. Petrushevskoy [The Image of the Mother in the Horror Stories of L.S. Petrushevskaya]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 2025, 18 (5), 1850–1857.
5. Kovtun, N.V. Valentin Rasputin. Pravda pamyati: materialy` Vseros. konf., posvyashh. 80-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. Irkutsk, 28 sent. – 2 okt. 2017 g. / otv. red. V.Ya. Ivanova. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2018, 151–168.
6. Konstantinu, L. Chetyre lika postironii [Four Faces of Postirony]. In R. van den Akker, T. Vermeulen, & E. Gibbons, *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmoderna [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]*, 2022, 226–227.
7. Kornev, S. Stolknovenie pustot: mozhet li postmodernizm byt' russkim i klasicheskim? [The Clash of Voids: Can Postmodernism Be Russian and Classical?]. In *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 1997, 28, 244–259.
8. Merkuhov, S.F. Metamodernistskiy “ieroglificheskiy” roman “s klyuchom” (“Molodil'nik Zil dlya khraneniya produktov v bezvremenii” Vitaliya Zakhartsova) [Metamodernist “Hieroglyphic” Novel “with a Key” (“ZIL Rejuvenator for Storing Food in Timelessness” by Vitaly Zakhartsov)]. In *Iskusstvo slova [Art Logos]*, 2024, 2, 226–235.
9. Reshetnyak, N.V. Roman Sergeya Nosova “Dayte mne obez'yanu”: mezhdou post- i metamodernizmom [Sergey Nosov's Novel “Give Me a Monkey”: Between Post- and Metamodernism]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 2025, 18 (11), 4747–4752.
10. Serbinskaya, V.A. Postmodernizm i metamodernizm: razgranichenie ponyatiy i cherty metamodernizma v sovremennoy literature [Postmodernism and Metamodernism: Distinguishing the Concepts and Features of Metamodernism in Contemporary Literature]. In *Paradigma [Paradigma]*, 2017, 26, 22–30.
11. Timmer, N. *Vy tozhe eto chuvstvujete? Post-postmodernistskiy sindrom v amerikanskoj literature na rubezhe tysyacheletiya [Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium]* (V. Serbinskaya, Trans.) [Electronic resource]. URL: <https://metamodernizm.ru/do-you-feel-it-too/> (access date: 06.02.2026).
12. Khrucheva, N. *Metamodern v muzyke i vokrug nee [Metamodern in Music and Beyond]*. Moscow: RIPOL Klassik, 2025. 304 p.

13. Duleba, M., Dulebova, I. Metamodern urban experience in the anthology of topophilic prose V Pitere zhit'. In: *World Literature Studies*. 2023, 15, 23–35.
14. Radchenko, S. Shades of Post-Postmodernism in Russian Life and Literature: A Metamodern Study of Viktor Pelevin and Vladimir Sorokin. In: *Metamodern Reflection on The Post-Soviet and Late Capitalistic Ideologies*. 2024, 1 (25), 81–106.
15. Williams, R. *Marxism and Literature*. Oxford, Oxford University Press, 1977. 218 p.

About the author

Sokk, Aleksandra A. – PhD Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: sandrasokk@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).
3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].
4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»). Названия таблиц, рисунков обязательно сопровождаются переводом на английский язык, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.
5. Библиографический список (References) содержит только научные труды (статьи, монографии). *Ссылки на архивные и художественные источники, диссертации и авторефераты оформляются в подстрочнике.*
6. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения на русском и английском языках:

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (все сведения предоставляются полностью без сокращений);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерацией фамилий авторов;

ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы.

Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

1. Библиографический список на русском языке и на английском (References).
2. На английском языке также: И.О.Ф. автора. Название статьи. Аннотация. Ключевые слова.
3. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).
2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756
3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2
4. Shershneva, V.A., Shkerina, L.V., Sidorov, V.N., Sidorova, T.V., Safonov, K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: *European Journal of Contemporary Education*. 2016, 17, 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

И так далее... не менее 15–20 единиц.

Сведения об авторе на русском языке

.....

На английском языке**NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION**

G.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (см. правила ниже)

About the author

Sidorova, Galina S. – PhD Candidate (Philology), associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ...

Правила оформления References

Общая структура англоязычной библиографической ссылки на статью в журнале должна быть следующей:

Author, A.A., Author, B.B., & Author, C.C. Title of article. In: *Title of Journal*, 2005, 10 (2), 49–53.

Название статьи набирается прямым шрифтом. После названия ставится точка: Jonson, K.S., Smit, F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society.

Перед названием журнала пишется предлог In: Название журнала выделяется *курсивом*:

Jonson, K.S., Smit, F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU*,

Номер тома (выпуска) журнала указывается арабской цифрой после **запятой**. Номер журнала (при наличии) приводится в круглых скобках. Обозначения No., Vol., № **недопустимы**. Номера страниц указываются после запятой без обозначений p. или Pp., цифрами через тире. При наличии далее после точки приводят DOI или EDN.

Jonson, K.S., Smit, F.O. Corporate Subcultur of the Modern Society. In: *Bulletin of KSU*, 2015, 45 (6), 55–60. DOI: и/или EDN:

Если дается ссылка на русскоязычный источник, обязательны транслитерация (по системе Библиотеки Конгресса США) и перевод (текст заключается в **квадратные скобки**):

Iakovlev, I.I., Khasan, P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs]. In: *Sovetskaia arkheologiiia [Soviet archeology]*, 2015, 1, 5–10. DOI: и/или EDN:

При ссылке на книгу/монографию на английском языке название выделяется *курсивом*. После названия ставится **точка**, затем указывается город и через запятую – издательство и год издания. В конце после **точки** приводится общее количество страниц.

Chomsky, N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1965. 495 p.

Ссылка на книгу или монографию на русском языке приводится в транслитерации с переводом, название выделяется *курсивом* в обоих случаях. Перевод – в квадратных скобках. После скобок ставится точка. Город, место издания и год – через запятую. Название издательства дается в транслитерации. После года издания – точка и общее количество страниц с обозначением **p.:**

Krupnov, V.N. *V tvorcheskoi laboratorii perevodchika [In a creative lab of a translator]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 1976. 192 p.

При ссылке на статью из сборника или главу из книги на русском языке после транслитерации названия статьи/главы и перевода (в квадратных скобках) ставится точка, потом предлог In:, далее даются название источника в транслитерации и его перевод (в квадратных скобках) *курсивом*, потом через

запятую следуют год, том и номер выпуска (если они есть), затем указываются номера страниц (после названия источника курсив убирается):

Zharenkova, G.I. Deistviia detei s zaderzhkoi psikhicheskogo razvitiia po obraztsu i slovesnoi instruktsii [The actions of mentally retarded children on an illustrative example and a verbal instruction]. In: *Defektologiya [Defectology]*, 1975, 4, 29–35.

Ссылка на материалы конференций делается следующим образом с соблюдением общих правил: название конференции указывается после названия статьи *курсивом* сначала в транслитерации, затем в переводе в квадратных скобках.

Usmanov, T.S., Gusmanov, A.A., Mullagalin, I.Z., Mukhametshina, R.Iu., Chervyakova, A.N., Sveshnikov, A.V. The features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. *Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayishchie tekhnologii nedropol’zovaniya i povysheniia neftegazootdachi” [Proc. 6th Int. Technol. Symp. “New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”]*. Moscow, 2007, 267–272.

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

APA Style. 2011. Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2011).

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2026. № 1 (34)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 25.02.26.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 21,0